

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

Т.Г. Волкова

САМОСОЗНАНИЕ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКА

Монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

УДК 159.923
ББК 88.3+88.611.46
В 67

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор *Л. Д. Дёмина*;
кандидат психологических наук, доцент *О. М. Любимова*;
кандидат психологических наук, доцент *А. В. Корнеева*

Волкова, Т. Г.

В 67 **Самосознание виктимной личности старшеклассника** [Текст] :
монография / Т. Г. Волкова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. —
174 с.
ISBN 978-5-7904-1732-0

В книге представлены как основные результаты исследований отечественных, зарубежных психологов, так и данные, полученные при подготовке данного исследования. Издание содержит анализ психологических профилей виктимологического образа Я. Полученные эмпирические данные являются важными для последующих сравнительных исследований виктимной личности. Изложенное в монографии исследование и полученные выводы будут полезны психологам при проведении диагностической, профилактической, психокоррекционной работы; при формировании тренинговых групп; в процессе преподавания психологических дисциплин «Психология виктимной личности», «Психология девиантного поведения», «Ювенальная психология», «Возрастная психология» и др.; для разработки спецкурсов, отдельных лекционных и практических занятий для студентов-психологов; для организации деятельности психолого-педагогических методических объединений психологов и преподавателей старших классов.

УДК 159.923
ББК 88.3+88.611.46

*Настоящее издание опубликовано в рамках реализации
Программы стратегического развития
Алтайского государственного университета*

ISBN 978-5-7904-1732-0

© Волкова Т. Г., 2014
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА Я В ПСИХОЛОГИИ.....	10
1.1. Анализ основных теоретико-методологических подходов в исследовании феномена самосознания.....	10
1.2. Основные направления в исследовании образа Я в современной психологии	26
1.3. Особенности становления образа Я в раннем юношеском возрасте	41
1.4. Влияние насилия на образ Я личности старшеклассника	53
Глава 2	
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВИКТИМНОГО ОБРАЗА Я ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	72
2.1. Программа и методы эмпирического исследования.....	72
2.2. Психологические особенности виктимологического образа Я личности в ранней юности	88
2.3. Психологические особенности виктимологического образа Я старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой, живущих в различных социокультурных условиях.....	108
2.4. Сравнительный анализ особенностей виктимологического образа Я старшеклассников, считающих себя испытывшими и не испытывшими насилие	131
Заключение	145
Библиографический список	148
Приложения	165

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью современного развития российского общества является движение к социально ориентированному государству, предполагающему создание благоприятных условий для гуманизации общества. Происходящие общественные, экономические изменения обуславливают психологические, социальные, медико-экологические последствия, меняющие среду развития личности. Поскольку становление самосознания в онтогенезе определяется закономерностями личностного развития, то возникает потребность обращения к исследованию образа Я личности под влиянием различных условий, в том числе и негативных. К таким условиям относится насилие над личностью.

Современный жизненный контекст не может исключить явления насилия из процессов обучения и воспитания. Особенно актуально исследование влияния насилия на личность в раннем юношеском возрасте, когда образ Я как продукт самосознания проходит важный этап развития. Следовательно, в этот возрастной период воздействие любого вида насилия накладывает на личность свой отпечаток. Поскольку ранняя юность характеризуется такими особенностями, как стремление к личностному росту, расхождением в идеальном и реальном образе Я, неадекватным уровнем притязаний, неопределенностью жизненных планов и др., то любая форма насилия над школьниками создает возможность закрепления в самосознании негативных представлений о себе (С. В. Ильина, Е. С. Миньшикова, Ф. Райс и др.).

Возникшие изменения затрагивают все компоненты самосознания (когнитивный, аффективный, морально-ценностный, поведенческий) и отражаются, прежде всего, в особенностях образа Я старшеклассников (Б. В. Кайгородов, А. Б. Орлов и др.). Известно, что в одних и тех же ситуациях насилия одни считают себя жертвами, а другие — нет (Е. Т. Соколова, Л. Г. Дикая, А. В. Махнач и др.). До сих пор остаются недостаточно изученными вопросы о том, как через образ Я проследить личностные качества, которые являются специфическими для считающих себя пострадавшими от разного типа насилия, как связаны особенности образа Я виктимной личности с различными социокультурными условиями. В этой связи

представляет интерес изучение особенностей образа Я личности старшеклассника, воспринимающего себя жертвой насилия. Таким образом, поставленная проблема актуализирует теоретическую ценность и практическую значимость исследования образа Я личности, определяющей себя как испытавшую насилие.

В современной психологии широкое распространение получило исследование образа Я, его структуры и места в самосознании. Среди зарубежных психологов эту проблему рассматривали А. Адлер, У. Джеймс, Ч. Кули, Ф. Перлз, К. Роджерс, К. Хорни, Э. Шостром, К. Юнг, Э. Эриксон и др. В отечественной психологии проблема образа Я представлена в работах В. С. Агеева, Л. Д. Деминой, В. Е. Ключко, О. М. Краснорядцевой, В. С. Мухиной, А. В. Петровского, С. Л. Рубинштейна, В. В. Столина, Д. И. Фельдштейна и др. Тем не менее в научной литературе неоднозначно определено место образа Я в структуре самосознания: образ Я либо включается в Я-концепцию личности (Р. Бернс, А. А. Налчаджян, С. Р. Пантелеев и др.), либо рассматривается как адекватное ей образование (А. Анастаси, И. С. Кон и др.). Учитывая, что образ Я является одной из характеристик самосознания, а развитие самосознания наиболее активно проходит в раннем юношеском возрасте, необходимо отметить, что любое становление образа Я под воздействием факторов насилия негативно влияет на дальнейшую самоактуализацию этой личности (А. Маслоу, Э. Шостром и др.).

Проблематика психологии насилия представляет собой обширную область, интенсивно разрабатываемую в зарубежной психологии последнюю четверть века (Д. Иваниек, Дж. Кобрин, Д. Левинсон, Н. Маркус, Э. Миллер, Р. Лэнг и др.). В отечественной психологической науке данная тематика сравнительно молода. Так, изучение влияния насилия на личность отражено в работах Е. В. Сидоренко, Е. Т. Соколовой и др., психологическое состояние жертвы рассматривается в публикациях Н. В. Тарабриной, В. Е. Христенко и др., проблемы деформации личности представлены трудами И. В. Вачкова, Е. В. Руденского и др. В работах С. В. Ильиной, А. В. Мудрика, А. М. Прихожан, В. Я. Рыбальской и других отмечена актуальность изучения самосознания детей, пострадавших от насилия, и психологических особенностей образа Я виктимной личности в ранней юности.

Вместе с тем анализ специальной литературы показал, что нет общепринятого терминологического и концептуального аппарата в исследовании психологических проблем образа Я личности, особенно влияния насилия на становление образа Я, являющейся составной частью самосознания личности (А. Б. Орлов, А. Г. Спиркин, И. И. Чеснокова и др.). Это ограничивает возможности теоретического и практического изучения образа Я личности в целом и жертвы насилия в частности. Возникает противоречие между необходимостью изучения особенностей образа Я у людей,

считающих себя жертвами насилия, и недостатком исследовательских работ по отмеченной проблеме. Указанное противоречие позволило определить цель работы.

Цель исследования — выявление особенностей образа Я виктимной личности (на примере старшеклассников школ г. Рубцовска Алтайского края). Объект исследования — психологические особенности самосознания личности, определяющей себя как испытавшую насилие. Предмет исследования — особенности образа Я старшеклассников, считающих себя жертвой насилия.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретико-методологические, технологические и методические основания исследований по проблеме данной работы.
2. Сформировать концептуальные основания исследования, разработать, апробировать и предложить соответствующую им программу и методику эмпирического исследования.
3. Изучить специфику репрезентации и особенности становления образа Я у школьников старших классов, воспринимающих себя испытавшими и не испытавшими насилие.
4. Установить особенности образа Я виктимной личности учащихся, живущих в полной и неполной семье, детском доме.
5. Выявить специфические особенности образа Я виктимной личности, определяющей себя жертвой различных видов насилия.

Гипотезы исследования:

1. Психологические особенности образа Я старшеклассников, считающих себя жертвой насилия, могут быть следствием различных видов насильственных воздействий, зависеть от их социальной и личностной оценки.
2. В период раннего юношеского возраста пережитое насилие может предрасполагать к становлению негативного образа Я, способствовать развитию комплекса жертвы.
3. Психологические особенности образа Я у старшеклассников, полагающих себя испытавшими насилие, могут быть следствием фактора наличия полной, неполной семьи, отсутствия семьи.
4. Существуют общие и специфические характеристики образа Я у личностей, считающих себя испытавшими психическое, физическое насилие.

Методологической и теоретической основой работы послужили: онтологический подход к человеку как предмету психологии (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн и др.); системный подход в психологии (Л. С. Выготский, В. Е. Ключко, А. Н. Леонтьев и др.); теоретические представления о развитии

психологических особенностей человека под влиянием социальной реальности (К. А. Абульханова-Славская, Л. Д. Демина, И. С. Кон, О. М. Краснорядцева, Д. А. Леонтьев, А. В. Петровский, В. В. Столин и др.); теоретико-методологические подходы к развитию личностных особенностей человека под влиянием насилия или осознающего себя испытывавшим насилие (Л. И. Анцыферова, В. Е. Руденский, Е. И. Соколова, Н. В. Тарабрина и др.).

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутых гипотез использованы следующие методы исследования: методы сбора эмпирических данных: анализ вторичных источников; фокус-группа; экспертная оценка, анкетный опрос, психодиагностическое тестирование (опросник самоотношения В. В. Столина; самоактуализационный тест Э. Шострома в адаптации Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроз; опросник «Уровень субъективного контроля» (Дж. Роттер в адаптации Е. Ф. Бажина); диагностика личностных отношений (Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек в адаптации Л. Н. Собчик); методика «Личностный дифференциал» (институт им. В. М. Бехтерева); методика «Символические задания на выявление «социального Я» (The Self Social Symbols Tasks Б. Лонг, Р. Зиллер, Р. Хендерсон в адаптации Ю. Б. Гиппенрейтер)). Методы обработки полученных данных: методы параметрической статистики (дисперсионный, корреляционный, регрессионный, факторный анализ).

Эмпирической базой явились результаты пилотажного исследования 50 учащихся МОУ средних школ № 17, № 11 г. Рубцовска, Алтайского края, группы юношей и девушек, занимающихся в Рубцовском комплексном центре социальной помощи семье и детям; фокус-группы из 18 учащихся 1-го курса социального отделения Рубцовского педагогического колледжа; оценок экспертной группы из 25 человек (психологов); результаты основного исследования 192 старшеклассников МУ детского дома № 1, МОУ средних школ № 1, № 2, № 11, № 17, № 24 (г. Рубцовск), учащихся 2-го курса музыкального отделения (обучение на базе 9 классов) Рубцовского педагогического колледжа. Всего в исследовании приняли участие 285 человек — 260 учащихся и 25 экспертов.

Наиболее существенные результаты, их новизна и значение:

- предложены рабочие определения понятий: «виктимная личность», «виктимологический образ Я», «психологическая виктимизация личности», позволяющие рассмотреть влияние насилия на самосознание личности;
- разработан и апробирован инструментарий, адекватный для исследования психологических особенностей образа Я школьников, воспринимающих себя жертвой насилия;
- представлено понимание образа Я в рамках системного подхода, в соответствии с которым компоненты, выделенные И. С. Коном,

- когнитивный, аффективный, поведенческий, дополнены автором ценностным, отражающим ценностно-нормативные аспекты образа Я и их оценку самим субъектом;
- составлены личностные профили виктимологического образа Я старшеклассников, в которых определены общие характеристики (низкий уровень субъективного контроля, неприятие агрессивности от других) и специфические для считающих себя жертвой только физического (отсутствие гибкости, подозрительности в межличностных отношениях и др.), психического насилия (уступчивость, сензитивность и др.), жертвой и физического, и психического насилия одновременно (самопринятие, социальная заинтересованность, не связанная со школой и др.);
 - выявлены различия в содержании психологической виктимизации, обусловленные социокультурным фактором, которые представлены типическими особенностями образа Я школьников, считающих себя жертвами для проживающих: в полной семье, только по физическому (не ожидает положительного отношения от других людей и др.), в неполной семье по психическому (безответственный, несправедливый и др.), в детском доме и по физическому (низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации и др.), и по психическому насилию (эгоцентричность, социальная заинтересованность и др.);
 - даны типические особенности образа Я виктимной личности, общие (высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой) и специфические для старшеклассников, воспринимающих себя как жертву только физического (негибкий, нуждается в поддержке других и др.), только психического (независимый и непривлекательный, низкой самооценки, идентифицирует себя с ближайшим окружением и др.), как жертву и физического, и психического (интровертированный, неуверенный и др.) насилия.

Достоверность и научная обоснованность результатов исследования обеспечивалась соответствием исходных методологических позиций автора применяемой совокупности методов; применением надежных и апробированных исследовательских процедур, адекватных предмету и задачам исследования; репрезентативностью объема выборки; статистической значимостью экспериментальных данных; использованием методов математической статистики (компьютерный пакет программ «STATISTICA»); содержательным анализом выявленных фактов и закономерностей; эффективностью внедрения результатов в практику.

Основные авторские положения, представленные в книге:

1. Определено, что «виктимная личность» характеризуется деформацией образа Я под влиянием насилия в социальной среде; «виктимологический образ Я» определяется восприятием себя как жертвы насилия в зависимости от субъективной оценки самого себя, установок социального окружения, характера ситуации насилия; «психологическая виктимизация личности» определена как развитие под влиянием негативных внешних воздействий психологических особенностей личности, повышающих потенциальную возможность стать жертвой.

2. Воздействие психического и физического насилия приводят к изменениям образа Я личности через идентификацию с жертвой в соответствии с типом пережитого насилия, его частотой, интенсивностью, личностной оценкой их старшеклассниками (типические особенности образа Я виктимной личности), установками ближайшего окружения (различия в психологической виктимизации в семье и вне семьи) и выявленными личностными особенностями (личностный профиль виктимологического образа Я старшеклассника).

3. Различия в психологической виктимизации личности, обусловленные социокультурным фактором, характеризуются типическими особенностями образа Я личности школьников, считающих себя жертвами: в полной семье — преимущественно по физическому (упрямство, ожидание негативного отношения к себе и др.), в неполной семье — по психическому (безответственность, конформизм и др.), в детском доме — по физическому (низкое самоуважение, негативные ценностные ориентации и др.) и психическому насилию (социальная заинтересованность и др.).

4. В ранней юности образ Я виктимной личности совпадает с профилем образа Я старшеклассников, считающих себя жертвой насилия, по основным личностным характеристикам, представленным типическими особенностями образа Я для определяющих себя жертвой только физического (необходимость в поддержке других людей, ригидность, эгоистичность в межличностном взаимодействии), только психического насилия (самопонимание, самооправдание, высокая идентификация с ближайшим окружением), как жертву и физического и психического насилия (развитый самоинтерес, положительные представления о природе человека).

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА Я В ПСИХОЛОГИИ

1.1. Анализ основных теоретико-методологических подходов в исследовании феномена самосознания

Проблеме самосознания посвящено немало исследований в психологии. В научной литературе доказывается, что для исследователей этого феномена важно изучение процесса самосознания, его уровней, структурных компонентов, их взаимосвязи [21, 81, 115, 152, 329 и др.]. При определении производного от самосознания образ Я рассматривается не только как продукт самосознания, но и как «важный фактор детерминации поведения человека, такое внутриличностное образование, которое во многом определяет направление его деятельности, поведение в ситуациях выбора, контакты с людьми» [29, с. 346]. Изучение образа Я предполагает исследование самосознания, структурным компонентом которого он является. Эти исследования сконцентрированы в основном вокруг двух групп. В работах отечественных исследователей Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, И. С. Кона, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. Г. Спиркина, В. В. Столина, И. И. Чесноковой, Е. В. Шороховой и др. в общетеоретическом и методологическом ключе проанализирован вопрос о становлении самосознания в контексте более общей проблемы развития личности [8, 31, 48, 97 и др.]. В другой группе исследований — А. А. Бодалев, А. И. Липкина, В. С. Магун, А. А. Реан, Е. И. Савонько, Е. Т. Соколова, В. Ф. Сафин и др. —

рассматриваются специальные вопросы, прежде всего, связанные с особенностями самооенок, ожидаемых оценок от других, оценок окружающих, связи познания других людей и самопознания [28, 120, 127 и др.]. Тем не менее и сегодня актуально мнение А. Н. Леонтьева о том, что «проблема самосознания личности, осознания «я» остается в психологии нерешенной. Но это отнюдь не мнимая проблема, напротив, это проблема высокого жизненного значения, венчающая психологию личности» [115, с. 228]. В последнее десятилетие возникают новые направления в исследовании самосознания под влиянием экологических, социальных, виктимологических теорий, это представлено в работах Л. И. Анцыферовой, Е. Е. Вахрамова, Т. И. Колесниковой, В. М. Раевой, Н. В. Соловьевой и др. [16, 43, 91, 176, 208]. По мнению А. В. Сухарева, охарактеризовавшего проблему самосознания как проблему высокого жизненного значения, происходит интеграция научных областей, порождающая новые теории, гипотезы [213].

Психологический аспект исследования проблемы самосознания предполагает раскрытие специфики самосознания как особого явления человеческой психики, направленного на саморегулирование личностью своих действий в сфере поведения и деятельности на основе самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе. С точки зрения психологического анализа, по мнению А. А. Бодалева, В. В. Столина, самосознание представляет собой «процесс, с помощью которого человек познает себя» [29, с. 346]. Это сложный психический процесс, сущность которого состоит в восприятии личностью многочисленных образов самой себя в различных ситуациях деятельности и поведения, во всех формах взаимодействия с другими людьми и в соединении этих образов в единое образование, в представление, а затем в понятие своего собственного Я как субъекта, отличного от других субъектов [29]. По мнению И. С. Кона, в целом образ Я воспринимается как установочная система [95, с. 69–70]. В результате развернутых актов самосознания, которые становятся все более сложными, по мере увеличения числа образов, интегрирующихся в представлении и понятии о самом себе, формируется все более совершенный, глубокий и адекватный образ собственного Я.

Особый интерес представляет изучение изменений в самосознании личности под воздействием негативных условий (социальных, психологических, экологических и др.), обозначенный нами как виктимологический аспект проблемы самосознания. Анализ специальной литературы (работы Л. С. Алексеевой [5], Л. Г. Дикой, А. В. Махнач [64], Е. В. Руденского [188–190], Б. Ю. Шапиро [246] и др.) свидетельствует о том, что возникнув как способ ответа личности на неблагоприятные социальные воздействия, психологические новообразования постепенно обретают собственную логику развития. Их становление продолжается даже при отсутствии некогда

вызвавших их условий. Более того, личность сама начинает создавать среду, способствующую доминированию отрицательных качеств в личностной системе и дальнейшему искажению формы личности. Это усиливает виктимизацию школьника, часто приводит к тому, что жертва социальных, психологических условий в период взросления может стать преступником, о чем свидетельствуют работы Э. С. Мельниковой, Д. В. Ривмана, В. Я. Рыбальской, В. Е. Христенко [133, 183, 192, 236 и др.]. Практические исследования изменений в самосознании виктимной личности Е. В. Сидоренко, Е. Т. Соколовой, Н. В. Тарабриной и др. дают ценный материал для организации профилактической, психокоррекционной и реабилитационной работы [199, 204, 206, 214 и др.].

По мнению А. Н. Леонтьева, Н. И. Сарджвеладзе и др., уникальным свойством самосознания является то, что оно может выступать в роли субъекта по отношению к самому себе, оставаясь одновременно в системном плане идентичным данному субъекту объектом: «... субъект-объектным и субъект-субъектным способом личность может относиться не только к внешней действительности, но и к самой себе, к своим внутренним состояниям и переживаниям» [171, с. 183]. Такой подход позволил различным исследователям (А. Г. Асмолову [19], В. Д. Балину [21], Р. Бернсу [26], Ф. Е. Василюк [41], А. А. Налиджану [148], С. Л. Рубинштейну [187], В. В. Столину [212] и др.), с мнениями которых мы согласны, рассматривать индивидуальное самосознание как целостную, действительную на всех уровнях психики структуру, включающую в себя множество элементов, от чувственной конкретности самоощущения до отвлеченной саморефлексии. В структурном отношении, таким образом, самосознание представляет собой единство трех сторон: когнитивной, познавательной (самопознание), эмоционально-ценностной (самоотношение) и действенно-волевой, регулятивной (саморегуляция). По мнению И. С. Кона, аффективное начало не вытесняется в процессе социализации, а качественно преобразуется, дифференцируется, вступая в новые отношения с интеллектом [95].

При анализе самосознания первым встает вопрос о самосознании как многоуровневой системе, имеющей свою собственную содержательную и функциональную структуру. Определяя внутреннюю структуру личности, практически все зарубежные психологи пользуются схемами, описывающими структуру самосознания: К. Юнг, А. Маслоу, Р. Мей, К. Левин, Ф. Перлз и др. Разница в том, что происходит смещение акцента на функциональное значение «самости» как личностного фактора в процессе целеполагания субъекта. Она (самость) выражает интенциональность или целенаправленность всей личности на осуществление максимума потенциальных возможностей индивида (самореализация, самотрансценденция и т. п.).

В рассмотренных нами структурах самосознания при их различии можно выделить и некоторые общие черты [70, 157, 232, 243 и др.]. Прежде всего, выраженное разделение самосознания на два компонента, что прослеживается в работах Р. Бернса [26], У. Джеймса [62], Р. Д. Лэнга [113] и др. Один из них при вариациях описывается через осознание себя самого как субъекта, другой — как объективное Я. Отметим также обязательное включение в структуру самосознания эмоционального и когнитивного компонентов. Р. Бернс систематизировал представления о структуре самосознания. Его понятие Я-концепции содержит составляющие элементы, выделенные У. Джеймсом, Ч. Кули, Дж. Мидом, К. Роджерсом, Э. Эриксоном и др., которые представлены «в виде иерархической структуры» [26, с. 61–62]. Благодаря упорядоченной терминологии, на наш взгляд, эта версия является одной из наиболее полных структурных схем Я-концепции.

Проведенный нами анализ литературы по теме исследования показал, что многие отечественные психологи (В. С. Мерлин, Л. Д. Олейник, Е. Т. Соколова, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.) в своих исследованиях рассматривают вопрос о структуре самосознания, исходя из предположения о самосознании как средстве саморегуляции субъекта деятельности. Так, чаще других в структуре самосознания выделяют следующие компоненты: моральный, нравственный; осознание себя как субъекта деятельности; осознание и оценка своих психических особенностей и свойств; осознание различных отношений; осознание себя во временной связи, в развитии. Это часто переключается с модальностями (реальное Я, идеальное Я, зеркальное Я) и аспектами данных модальностей (физическим, социальным, умственным, эмоциональным), представленных в аналитической работе Р. Бернса [26].

В качестве одного из возможных вариантов структуры самосознания И. И. Чеснокова предлагает понимание самосознания как единства трех компонентов: самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и саморегулирования поведения личности [244]. Самопознание — это сложный, многоуровневый процесс, индивидуализированный во времени [244]. И. И. Чеснокова условно и в общей форме разделяет его на два уровня: 1) самопознание осуществляется через различные формы соотнесения самого себя с другими людьми, т. е. при таком познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты, включая себя в сравнительный контекст с другими. Основным внутренним приемом такого самопознания является самовосприятие и самонаблюдение; 2) человек оперирует уже готовыми знаниями о себе, в какой-то степени сформированными, полученными в разное время в разных ситуациях. Ведущими внутренними приемами данного уровня самопознания являются самоанализ и самоосмысливание, которые опираются на самовосприятие

и самонаблюдение [243]. По мнению Е. Т. Соколовой, самосознание является динамическим единством знания и отношения, интеллектуального и аффективного [202]. В связи с этим она считает, что в структуре самосознания необходимо различать компоненты: когнитивный (образ физического «я»), аффективный (эмоционально-ценностное отношение (самооценка)) и поведенческий, которые имеют относительно независимую логику развития, однако в своем реальном функционировании обнаруживают взаимосвязь.

Таким образом, психологи выделяют функциональные и структурные компоненты самосознания: когнитивный, реализующийся в самопознании; мотивационный, реализующийся в самоактуализации; эмоциональный, реализующийся в самопонимании; операциональный, реализующийся в саморегуляции. Рассмотрим те компоненты, которые встречаются практически во всех концепциях самосознания и которые являются необходимыми для реализации задач нашего исследования.

Самопонимание выступает внутренним условием, в значительной мере определяющим развитие личности и формирование индивидуально-типологических особенностей ее структуры. Как показала К. Хорни [235], большое расхождение между реальным образом Я и идеальным образом Я нередко ведет к депрессии, обусловленной недостижимостью идеала. Г. Олпорт считает, что «идеальное Я» отражает цели, которые индивид связывает со своим будущим, а различие между «идеальным и «реальным Я» обеспечивает необходимые для достижения целей предпосылки [232, с. 825–828]. Эмоциональная сторона самопонимания представляет собой своего рода сплав общего эмоционального отношения к себе и отношения собственно оценочного [232].

Важным компонентом самопонимания является самоуважение [93, 212]. Это понятие многозначно, оно подразумевает и удовлетворенность собой, и понятие себя, и чувство собственного достоинства, и положительное отношение к себе, и согласованность своего актуального Я и идеального Я. Самоуважение выражает установку одобрения или неодобрения, указывает, в какой мере индивид считает себя способным, значительным, преуспевающим и достойным. Становление самопонимания происходит по нескольким направлениям: во-первых, открытие и осмысление своего внутреннего мира, когда начинается анализ своих эмоций не как производных от внешних событий, а как состояния своего Я, и проявляется чувство своей особенности, непохожести на других; во-вторых, появляется способность осмысления необратимости времени, понимание конечности своего существования, осмысление своих целей, жизненных устремлений, сущности и смысла самой личности, своего бытия; в-третьих, формируется целостное и ценностное представление знаний о самом

себе, отношений к себе, причем самопонимание выступает не только как характеристика анализа особенностей своего тела, внешности, привлекательности; осмысляются знания о себе в зависимости от конкретного случая, связанного с анализом собственных морально-психологических, интеллектуальных качеств.

Согласно А. Маслоу, самоактуализация предполагает реализацию личностного потенциала и совершенствование человека [129]. Также К. Роджерс указывал, что личность обладает врожденной тенденцией к самоактуализации и стремление к ней проявляется в целенаправленном удовлетворении потребности в самоактуализации в ее жизненной реальности [232, с. 445–456]. Самоактуализация — это постоянный процесс развития своих потенциальных возможностей с целью достижения творческой зрелости. На основании теории самоактуализации А. Маслоу, идей Ф. Перлза и других теоретиков экзистенциально-гуманистического направления в психологии, Э. Шостром, используя понятия «критических поведенческих индикаторов» [35, с. 162–163], определил основные параметры, составляющие самоактуализацию, которые также присутствуют в нашем исследовании. К таким параметрам были отнесены ценностные ориентации, гибкость, сензитивность и спонтанность поведения, самоуважение, склонность к гармоничному восприятию окружающего мира, контактность, эмпатия, стремление к приобретению знаний об окружающем мире, выражающееся в познавательной потребности, творческая направленность, реализуемая в креативности. Как полагают А. Г. Асмолов, Л. П. Гримак, Д. Майерс и др., система психической саморегуляции имеет иерархическое строение и включает два уровня: произвольный и непроизвольный. С. Л. Рубинштейн в ходе исследования психической активности субъекта также выделял две формы регуляции: побудительную и исполнительскую [187]. Побудительную реакцию он связал с формированием стремления, выбором направленности, активности; исполнительскую — с обеспечением соответствия активности объективным условиям. К. А. Абульханова в структуре личностной саморегуляции выделяет мотивы, чувства, волю, рассматривая их как детерминанты регуляции поведения и деятельности человека. Она отмечает, что личностная регуляция, преодолевая внешние и внутренние препятствия, выступает как волевая линия деятельности. На этом уровне регуляция осуществляется не как действие одного мотива, а как сложное личностное решение, в котором учитываются желательное и нежелательное и их конкретно изменяющееся отношение по ходу деятельности [2]. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна о становлении человека субъектом своей жизнедеятельности, К. А. Абульханова говорит об уровнях развития саморегуляции, представляющих собой соотношение внешнего (требований к выполнению

деятельности) и внутреннего (свойства личности). Если на первом этапе личность согласовывает свои особенности с нормами деятельности, на втором — совершенствует качество деятельности путем оптимизации своих возможностей, то на третьем уровне личность как субъект деятельности вырабатывает оптимальную стратегию и тактику, проявляя творческий характер своей активности. На этом уровне личность может выходить за пределы деятельности, повышая меру трудности, осуществляя такие формы личностной регуляции, как инициатива, ответственность и т. д. С ее точки зрения, это и есть психологический механизм «авторской позиции личности» в любой деятельности [2]. С. Л. Рубинштейн обосновал два способа отношения человека к миру, говорящих о степени развития его саморегуляции и мере превращения в субъекта собственной жизни. «Включенный» индивид отличается страдательным, зависимым, пассивным отношением к жизни. «Рефлексирующий» проявляет активное, деятельное к ней отношение [187]. Причем именно при втором способе отношения человека к миру, свойственном более высокой ступени развития, осуществляется подлинная диалектика личности и обстоятельств ее жизни, характеризующая свободную человеческую сущность, т. е. поведение человека определяется не внешними воздействиями, а внутренними целями и намерениями, он начинает детерминироваться не столько прошлым, сколько будущим. Таким образом, в психологии рассматривают саморегуляцию как специфическую деятельность субъекта, имеющую индивидуальную структуру и стиль, при этом наиболее сложные формы саморегуляции возникают как завершающий этап самосознающей себя личности [186, 187].

Рассмотренные нами функциональные компоненты самосознания между собой взаимосвязаны, и, следовательно, их выделение может быть принято только условно. Эти компоненты реализуются в двух планах: в объективном плане их показателем выступает адаптивность к социальной среде, в субъективном — образ Я. На самосознание личности как целостное образование воздействуют внешние (кризисные социальные ситуации, обучение, социум, его требования, мораль и др.) и внутренние (самоактуализация, самопознание, саморегуляция, самопонимание и др.) условия, в результате чего изменяется образ Я личности. Мы согласны с мнением В. В. Столина [211] о том, что психологический «механизм» самосознания имеет интегративную природу. В каждый акт самосознания вовлекаются не только отдельные психические процессы в различной их комбинации, но также и вся личность в целом — система ее психологических свойств, особенности мотивации, приобретенный опыт на разных уровнях обобщения, наконец, эмоциональное состояние личности в данный момент.

По мнению таких отечественных ученых, как А. Г. Асмолов [19], О. П. Елесеев [66], Л. С. Колмогорова [92], Е. Т. Соколова [207] и др., содержание самооценки многоаспектно, так же как сложна и многоаспектна сама личность. Оно охватывает мир ее морально-нравственных ценностей, отношений, возможностей. Единая целостная самооценка личности формируется на основе самооценки отдельных сторон ее психического мира. Каждый из компонентов самооценки, отражающий степень знания личностью соответствующих ее особенностей и отношения к ним, имеет свою линию развития. В связи с этим весь процесс выработки общей самооценки противоречив и неравномерен. Самооценка различных компонентов в личности может находиться на разных уровнях устойчивости, адекватности, зрелости [212]. Наличие уровней осознанности отдельных компонентов самооценки, а также самооценки личности в целом, связано с тем, что результаты самопознания и самоотношения, на основе которых вырабатывается самооценка, сами могут находиться на разных уровнях осознанности, т. е. знание себя и эмоционально-ценностное отношение к себе выступает не с одинаковой степенью яркости и отчетливости [212].

Самооценка формируется при более или менее активном участии самой личности и несет на себе, по мнению А. И. Липкиной [120], отпечаток качественного своеобразия ее психического мира, не совпадая подчас в некоторых своих элементах, а иногда — и полностью с объективной оценкой данной личности. Ее адекватность, истинность, логичность и последовательность, как считает Е. И. Савонько, устанавливаются на основе реальных проявлений личности в поведении [193]. По мнению И. С. Кона, «когнитивные аспекты самооценки тесно связаны с эмоциональными» [95, с. 64]. В. С. Магун в этом направлении указывает, что нравственным критерием самооценки служит общественная ценность осознаваемых качеств личности [127]. Следовательно, самооценка на каждом конкретном этапе развития личности, с одной стороны, отражает уровень развития самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе, с другой — является важнейшим внутренним условием их развития.

В исследованиях А. А. Реан, Л. С. Коломинского подтверждается тезис о том, что регулирование поведения в учебной деятельности у старшеклассников все более определяется их собственными требованиями к себе в связи с самооценкой [180, с. 63–75, с. 92–102]. Исследования особенностей самооценки учащихся старших классов показали, что более высокий уровень интеллектуального развития старшеклассника и связанное с ним умение объективно и адекватно оценивать свои достижения влияет на усложнение внутреннего взаимоотношения оценки и самооценки. Так, А. И. Липкина, Л. Н. Рыбак отмечают, что самооценочная работа

старшекласников остается от учителя скрытой, осуществляется по-своему и имеет свои критерии, нередко отличные от критериев учителя [121].

Л. П. Гримак, рассматривая структуру самосознания как вершину человеческой психики, выделяет три тесно связанных компонента: самопознание, самоконтроль, самосовершенствование [59]. К самоуправляемому поведению он относит самоконтроль и самосовершенствование, считая при этом самооценку условием реализации этих компонентов [59, с. 261–281]. Т. Шибутани считает, что самоконтроль — это сложная форма поведения, которая связана со способностью взглянуть на себя «со стороны», сформировать с точки зрения других Я-образ и приспособиться к их превосходящим действиям. «Образы возникают, когда появляется какого-то рода препятствие в деятельности; этот же принцип справедлив и для Я-образов. Человек начинает сознавать самого себя как особый объект в таких ситуациях и регулировать свое поведение» [247, с. 83]. Мы согласны с мнением Т. Шибутани, что в способности человека к самоконтролю обнаруживается уровень его социального развития.

Таким образом, самоконтроль представляет собой определенное ограничение личного в пользу общественного и является главным условием самосовершенствования. Самосознание же в онтогенетическом плане можно рассматривать как постепенно разворачивающийся во времени интегративный психический процесс, в основе которого находится все более усложняющаяся деятельность самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и способности регулировать свое поведение и деятельность. Следовательно, полная картина самосознания личности требует рассмотрения и тех компонентов и феноменов самосознания, которые выделяются если не большинством, то многими исследователями, а также рассматриваются в данной исследовательской работе. Одним из них является идентификация личности.

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных авторов показали, что различные формы влияния на формирование самосознания ребенка не могли бы быть эффективными, если бы не существовало встречного процесса, с помощью которого ребенок сам уподоблял бы себя взрослым. Ключевой момент этого уподобления связан с феноменом идентификации. Явление идентификации как в отечественной, так и в зарубежной литературе изучается в разных контекстах: в аспекте формирования личности ребенка (Е. П. Белинская [23], Т. З. Козлова [89], В. С. Магун [127] и др.), как механизм формирования установок личности (Г. М. Андреева [11], Э. Берн [25] и др.), как механизм психической защиты (А. И. Захаров [68], А. Фрейд [230] и др.), как феномен межперсональных отношений в группе (Л. Д. Демина [63], В. Н. Павленко [159], А. В. Петровский [163] и др.). Следует отметить, что различными могут быть и те лица, с ко-

торыми идентифицируется субъект: родители, близкие, иные «значимые другие» [53]. Эти особенности также учитывались нами при планировании исследовательского инструментария данной работы.

Так, у А. Б. Орлова Я-концепция «связывается с особенностями самоотождествления и самопринятия человека» [157, с. 56]. Однако А. Б. Орлов описывает самоотождествление как явление, состоящее из подлинного Я (сущности) и множества самоотождествлений, прежде всего, социальных. Для определения процесса отождествления с подлинным Я психолог предлагает использовать термин «персонификация». В данном случае человек склонен принимать в себе не только свои персональные, но и свои теневые стороны и проявления. Персонализация используется для обозначения социальных идентичностей человека. В некоторых работах они могут называться «Я — глазами других» [259, с. 283], «Я — социальное» [232, с. 317], субличностью [171, с. 163] и т. п. Эта структура самосознания представляет собой динамическую подструктуру личности, которая, по мнению А. Б. Орлова, характеризуется относительно независимым существованием [156].

В иных терминах эти процессы представлены в концепции В. С. Мухиной. Так, вместо персонификации используется «идентификация», вместо персонализации — «обособление или индивидуализация» [145, с. 174–180]. Персонификация личности приводит также к выравниванию, «втягиванию» зон психологических защит и проблем в зону психологической актуализации человека [156]. Для такой личности характерны, по мнению А. Маслоу, измененные состояния сознания и «пиковые переживания» [129], ее можно охарактеризовать как «полноценно функционирующую личность» [157, с. 58]. В случае же персонализации (ложного самоотождествления), как считает А. Б. Орлов, ответ на вопрос «кто я?» представляет собой перечень социальных ролей, позиций, функций. Однако именно эта идентификация является первичным элементом самосознания, ощущения собственного образа Я [157].

Акцент в работах В. С. Мухиной переносится на то, что развитая личность прогнозирует себя в будущем, формирует образ своей жизненной позиции, «сохраняет свое лицо» при взаимодействии с другими людьми. В. С. Мухина, соответственно, предполагает три возможности развития: гиперболизированной идентификации с другими индивидами, обособления от них и гармонического взаимодействия [145]. Хотя важная роль идентификации в процессе развития человека и его самосознания не вызывает сомнений, все же укажем, что значимость идентификации раскрыта преимущественно с объективной стороны, а не субъективно, т. е. не со стороны самого ребенка, его саморазвития. Между тем такая постановка вопроса характеризовала представления З. Фрейда [231], А. Фрейд

[230] и др. Во-первых, идентификация оказывается ребенку необходимой не только объективно (так как запрещается асоциальное поведение и усваиваются позитивные ценности взрослых), но и субъективно, с точки зрения внутренней «механики» развития ребенка; как средство снятия тревожности и уменьшения негативных эмоций, связанных с утратой близких. Кроме того, условием идентификации являются реальные связи ребенка с взрослыми, реальные взаимоотношения с ними, переживаемые им эмоционально. В этой связи объектом, или «моделью», идентификации может быть как лицо, по отношению к которому переживаются позитивные чувства, так и лицо, к которому субъект переживает негативные чувства, например страх [230].

В процессе развития ребенка и его самосознания механизмы и формы идентификации усложняются и трансформируются, возникают сложные феномены, отражающие противоречия в развитии самосознания, например негативная идентификация, т. е. неосознанное уподобление себя лицу, к которому субъект испытывает негативное отношение. По мнению А. В. Ядова, идентификация служит одним из внутренних стимулов включения ребенка во взаимоотношения со взрослыми и сверстниками [171, с. 589–601].

Итак, часть самосознания, не объясняемая социальной идентичностью, называется личной идентичностью. Это система представлений о себе, система приписываемых себе в данный момент ее жизни качеств. Здесь говорится о приписываемых свойствах, поскольку представления человека о своих физических и особенно психических качествах не всегда точно отражают его реальные качества.

Как известно, реальные свойства и качества личности нередко отражаются в ее сознании искаженно, причем могут приписываться себе даже полностью отсутствующие качества. Рассматривая в своей работе развитие концепции о психологическом времени личности в современной психологии самосознания, Т. С. Белинская отмечает, что идея «времени Я-концепции» явно или неявно присутствовала и присутствует при анализе возможных факторов формирования представлений о себе [23]. Но единство взглядов на эту проблему пока отсутствует. Так, если основное внимание уделялось активности, субъектности человека в построении системы Я-представлений, то акцент ставился на соотношении реального и обращенного в «будущее идеального Я как основного фактора формирования Я-концепции» [23, с. 141]. Если же преобладала идея социальной обусловленности представлений человека о себе и, соответственно, формирование Я-концепции связывалось с интериоризацией социальных реакций, то акцент ставился на «идушие из прошлого» образы Я, родительские идентификационные модели (в психоаналитических кон-

цепциях) [230], [231], фиксированные в раннем детстве Эго-состояния (транзактный анализ) [25], [234], «значимых Других» (символический интеракционизм) [26], [270].

Если же процесс формирования Я-концепции рассматривался через призму идентичности, то основное внимание уделялось представлениям человека о своем ближайшем социальном будущем, например, желание обретения позитивной социальной идентичности. Так, в работе В. С. Мухиной психологическое время личности определяется как «индивидуальное переживание своего физического и духовного изменения в течение времени, представленного прошлым, настоящим и будущим в отрезке объективного времени жизни» [145, с. 154]. Мы согласны с мнением Е. П. Белинской, что идея временных Я-представлений, и особенно их согласованности, определенной связанности, сегодня считается важнейшим показателем психического здоровья человека [23]. Достижение некоторой критической степени рассогласования образов «Я-прошлого», «Я-настоящего» и «Я-будущего» может оцениваться как основной фактор социально-психологической дезадаптации (К. Хорни [235]), как первопричина личностных нарушений (К. Роджерс [185]), как один из параметров низкой самоактуализации личности (А. Маслоу [129]) либо как источник конкретных психических расстройств, депрессии и тревожности (Т. Харрис [234]).

Еще одну составляющую идентичности человека — идентичность с окружающей средой — выделяют Г. М. Андреева [10], А. В. Сухарев [213], М. Черноушек [241], Н. А. Шматко и Ю. Л. Качанов [250] и др. Данная область исследований получила наименование «психология среды», или «экологическая психология». Экологическое направление изучает психологические аспекты взаимоотношения человека с окружающей средой. Если место очень значимо, человек отождествляет себя с ним, возникает «идентификация с местом». Как указывает М. Черноушек, при большой разработанности временных аспектов Я-концепции интерес к проблеме экологической (средовой) идентичности сравнительно невелик [241].

Проведенный автором анализ вторичных источников показывает, что, по мнению психологов, уникальность человеческого существования заключается в том, что человек не просто живет, увлекаемый заключенными в нем силами, а прилагает усилия, чтобы выстроить свою жизнь. Таким образом, Л. И. Анцыферова [14–16] рассматривает жизнь человека как развернутую во времени систему выборов. В основе этой системы лежит базальный выбор — между жизнью и смертью. Вся жизнь человека представляет собой цепь переходов из одного жизненного мира в другой. Он попадает в новые системы социально-психологических связей, в непривычные обстоятельства, из материала которых он дол-

жен создать свой новый уникальный жизненный мир и овладеть новыми способами жизни.

К. А. Абульханова-Славская [2] определяет жизненный путь человека как его способность организовать свою судьбу по собственному замыслу, ею выделяются типы жизненных стратегий по двум основаниям: инициатива и ответственность. Е. П. Варламова и С. Ю. Степанов [39] определяют типы жизненных стратегий по соотношению индивидуального своеобразия и творческой активности человека в событиях его жизни: творческая уникальность, пассивная индивидуальность, активная типичность, пассивная типичность. Рассматривая жизненный мир личности, Ф. Е. Василюк выделяет два аспекта — внешний мир и внутренний, различает два его состояния — он может быть легким или трудным [41]. От их сочетания возникают четыре типа жизненных миров: инфантильный, реалистический, ценностный и творческий. Типы критических ситуаций (стресс, фрустрация, конфликт, кризис) усложняются по мере усложнения внутреннего мира личности. Так, для «внутреннего и легкого мира», инфантильного, характерна ситуация стресса, которая для этой личности может быть приравнена к кризису. Таким образом, оценка тяжести критической ситуации зависит от типа жизненного мира человека. Как считает В. Н. Колесников [90], при отсутствии смысла жизни возникает ноогенный невроз или, в терминах Л. И. Анцыферовой [17], выбор смерти. Ноогенный невроз, потеря вкуса к жизни, может быть вызван отсутствием смысла жизни или невозможностью его реализовать, что порождает у человека состояние экзистенциального вакуума, выраженного в апатии, депрессии, утрате интереса к жизни [90].

Однако есть и иная точка зрения на психологический механизм, связанный с утратой смысла жизни. К. Обуховский предполагает, что неудовлетворение потребности смысла жизни проявляется в состояниях напряжения «и может, как и в случае фрустрации других потребностей, вести к более или менее выраженным нервным расстройствам (апатия и депрессия — далеко не единственно возможные реакции)» [153, с. 197]. А. О. Прохоров считает, что личностный смысл является «одним из главных составляющих человеческого сознания и во многом обуславливает его пристрастность» [168, с. 39]. Личностный смысл как системообразующий фактор, влияющий на возникновение психического состояния, определяют А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн [118, 186].

Важно для нас и четкое разделение психического и психологического при анализе проблемы самосознания. А. Н. Леонтьев рассматривает личность как «*системное* и поэтому «*сверхчувственное*» качество, хотя носителем этого качества является вполне чувственный, телесный индивид со всеми его природными и приобретенными свойствами».

ми <...>. С этой точки зрения проблема личности образует новое психологическое измерение: иное, чем измерение, в котором ведутся исследования тех или иных психических процессов, отдельных свойств и состояний человека; это — исследование его места, *позиции* в системе, которая есть система общественных связей, *общений*, которые открываются ему; это — исследование того, *что, ради чего и как* использует человек врожденное ему и приобретенное им» [116, т. 1, с. 385]. Б. Ф. Ломов, говоря о влиянии социального на самосознание человека, указывает на значение «образа жизни определенного индивида» на его психическое развитие [123, с. 162]. Природа психического, по мнению Б. Ф. Ломова, «может быть понята только на основе системного подхода, т. е. рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система» [123, с. 40]. Благодаря психическим состояниям, по мнению А. О. Прохорова, достигается адаптационный эффект, «приведение психологических особенностей субъекта в соответствие с требованиями предметно-профессионального характера деятельности» [168, с. 42]. В контексте нашей работы используется термин «психологическое» как внешнее воздействие на субъекта, а «психическое» — как внутреннее состояние, отражающее влияние реальности.

Для достижения задач исследования рассмотрим феномен самопринятия личности. По определению С. Л. Братченко и М. Р. Мироновой, феномен самопринятия означает признание себя и безусловную любовь к себе такому, каков я есть, отношение к себе как личности, достойной уважения, способной к самостоятельному выбору, веру в себя и свои возможности, доверие собственной природе, организму [34].

По мнению Д. А. Леонтьева, самопринятие является частью более широкого понятия — самоотношения. Наиболее поверхностным проявлением самоотношения выступает самооценка как общее положительное или отрицательное отношение к себе. Он полагает, что следует различать самоуважение — отношение к себе как бы со стороны, обусловленное какими-то моими реальными достоинствами или недостатками и самопринятие — непосредственное эмоциональное отношение к себе, не зависящее от того, есть ли у человека черты, объясняющие это отношение. Важными характеристиками самоотношения являются степень его целостности, интегрированности, а также автономности [118]. Подобная трактовка встречается в определении «внутренне недифференцированного чувства «за» или «против» самого себя» — глобального самопринятия у В. В. Столина [29, с. 376]. В. В. Столин определяет самоотношение как «переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образ» [29, с. 354].

Отличное от этого понимание структуры самоотношения предлагается В. Ф. Сафиным [195]. Исходя из концепции целостной самооценки субъекта, он указывает целый ряд аспектов, среди которых особенно выделяется самоуважение, являющееся результатом соотношения своего отношения, оценки с отношением к субъекту окружающих, с оценкой его «значимыми другими». Но самоуважение — более глубокое, глобальное образование, чем отдельные самооценки [212]. Если Я-образы — больше когнитивные образования, то самоуважение — целостное эмоционально-ценностное отношение. Осознание своей значимости для ближайшего окружения может включаться как элемент самоуважения, но может и не совпадать с ним. Поэтому можно предположить, что самоуважение — это отношение к своей значимости для других, исходя из своего идеала, которое обеспечивает самоутверждение и удовлетворенность субъекта самим собой. По мнению И. И. Чесноковой, самоудовлетворенность — результат глобального, целостного самоотношения, включающего в себя «я-образы — всякие формы самооценок, обобщающие самооценивание» [243, с. 84–85].

Стоит отметить, что иной механизм самоуважения предлагает В. М. Раева, где самоуважение — эмоционально-ценностное отношение к себе, отражающее уровень общей позитивной или негативной самооценки, основанной на совпадении уровня притязаний и уровня достижений [169]. Иными словами, самоуважение не зависит от мнения референтной группы, от достоинств и недостатков, а только от совпадения желаемого и достигнутого. У наиболее развитой личности предполагается симпатия и уважение к себе и другому, а также ожидание взаимной симпатии. В менее развитом варианте: к другому уважения нет, ожидается враждебность. По мнению В. М. Раевой, самоуважение — личностная характеристика, складывающаяся на основе отношения других, самооценка возникает из ощущения собственных потенций личности. В отличие от самоуважения самооценка переживается и формируется, когда личность нарушает ожидания других, проявляет способность к дистанцированию и автономии по отношению к другим и к их требованиям, а не конформность или причастность к ним. Самоуважение проверяется консенсусом; самооценка потенций — конфронтацией. Такая самооценка переживается, когда личность может реализовать свои намерения вопреки сопротивлению других. Проверка в конфронтации обостряет ощущение личностных границ, индивидуальной специфичности, выдвигает на передний план личностную идентичность [169]. Телесному самосознанию уделяется особенное внимание в онтогенезе самосознания, что прослеживается в работах Д. А. Лентьева [118], А. А. Налчаджяна [148] Е. Т. Соколовой и др. [207], но этот аспект не входит в задачи нашего исследования.

Таким образом, с точки зрения психологического анализа самосознание представляет собой сложное психическое явление, сущность которого состоит в восприятии личностью многочисленных «образов» самой себя в различных ситуациях деятельности и поведения, во всех формах взаимодействия с другими людьми и в соединении этих образов в единое целостное образование, в представление, а затем в понятие своего собственного Я как субъекта, отличного от других субъектов. В результате развернутых актов самосознания, которые становятся все более сложными, по мере увеличения числа образов, интегрирующихся в представлении и понятии о самом себе, формируется все более совершенный, глубокий и адекватный образ собственного Я.

В структурном отношении самосознание представляет собой единство трех сторон: познавательной (самопознание), эмоционально-ценностной (самоотношение) и действенно-волевой, регулятивной (саморегуляция). Структуры самосознания могут побуждать к определенной деятельности. Эти мотивирующие функции самосознания имеют различное происхождение. Они могут корениться в представлениях об «идеальном Я» и быть связанными с нравственными категориями совести, долга, ответственности, или являться отражением рассогласования «настоящего Я» и «будущего Я». Мотивирующим эффектом обладает и чувство собственного достоинства и самоуважения, требующее своего поддержания с помощью реальной деятельности.

Следовательно, структуры самосознания и соответствующие процессы могут участвовать в целеобразовании, т. е. в подборе таких целей, служащих достижению мотива, которые согласуются с образом Я в целом. Самосознание в форме самопознания и самоотношения может влиять на развитие тех или иных черт и, следовательно, на развитие личности в целом. Самосознание, наконец, может быть основанием приобщения субъекта к другим людям: к коллективу, классу, группе, народу в целом.

Различные факты, гипотезы и идеи, имеющие отношение к самосознанию, не могут претендовать на полноту анализа, но все же показывают, сколь разнообразны изучаемые явления, так же как и теоретические подходы в их интерпретации. Анализ работ, посвященных проблеме самосознания, показал, что в настоящее время сложился определенный категориальный аппарат в области изучения самосознания (А. Н. Леонтьев и др.), установлены взаимосвязи между понятиями «самосознание», «самоотношение», «самооценка» (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев и др.), изучены вопросы соотношения сознания и самосознания (В. Д. Балин, Ф. Т. Михайлов, А. Г. Спиркин и др.), самосознания и защитных механизмов личности (Л. Д. Демина, И. А. Ральникова, Д. Я. Райгородский и др.), структура самосознания (И. С. Кон, Е. С. Шильштейн, И. И. Чеснокова и др.), генезис

и возрастные особенности (А. М. Прихожан, П. Р. Чамата и др.). Таким образом, в отечественной психологии оформилась эвристическая последовательность: сознание — самосознание — образ. Излагаемый материал, в частности, отражает следующую точку зрения: самосознание как явление и как структура формируется в ходе деятельности человека и его общения и по мере своего развития служит деятельности субъекта, его взаимоотношениям, общению, развитию.

1.2. Основные направления в исследовании образа Я в современной психологии

Согласно точке зрения С. Л. Рубинштейна, самосознание — высший вид сознания, возникший как результат развития сознания [186]. Самосознание, по определению А. А. Бодалева, В. В. Столина, — «прежде всего процесс, с помощью которого человек познает себя» [29, с. 346]. В. В. Столин уточняет: «единица самосознания (конфликтный смысл «Я») — это не просто часть содержания самосознания, это процесс, внутреннее движение, внутренняя работа» [171, с. 155]. Но самосознание характеризуется также своим продуктом — представлением о себе, «Я-образом» или «Я-концепцией». Для обозначения данного явления в психологической литературе используется целый ряд терминов: «идея Я», «образ Я», «понятие Я», «Я-концепция». Одни авторы употребляют их как синонимы, другие пытаются установить их иерархию по степени обобщенности и устойчивости. Одни считают, что «образ Я» обозначает нечто зависящее от ситуации, а «понятие Я» мыслится как устойчивая структура самосознания [95, с. 45]. Р. В. Бернс определяет Я-концепцию как «совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженную с их оценкой» [26, с. 30]. Описательную составляющую Я-концепции он называет «образом Я» или «картиной Я», что включает в себя отношение к себе, самооценку, принятие себя [26, с.30]. Представление о себе, образ Я, Я-концепция, хотя и не являются синонимичными терминами, тем не менее «не имеют фиксированных терминологических различий» [29, с. 345]. Поскольку возможность строгого разграничения смысла этих терминов не представлена в научной психологической литературе, в дальнейшем изложении для обозначения представлений индивида о самом себе мы будем пользоваться собирательным термином «образ Я».

Различение процесса и продукта в психологический обиход было введено У. Джемсом в виде различения «чистого Я» (познающего) и «эмпирического Я» (познаваемого) [62, с. 80]. Человек, обладающий сознанием

и самосознанием, пользуется целой системой внутренних средств: представлений, образов, понятий, среди которых важную роль занимает представление человека о себе самом — о своих личностных чертах, способностях, мотивах. Представление о себе, таким образом, являясь продуктом самосознания, одновременно является и его существенным условием, моментом этого процесса. И. С. Кон в этом контексте пишет о растущем понимании относительности различий между действующим и рефлексивным «Я» как об одной из главных тенденций в современных исследованиях [94]. А. А. Бодалев и В. В. Столин, выделяя в образе Я знания о себе и самоотношение, отмечают, что «прогресс в решении таких методологических проблем при исследовании образа Я, как социальная желательность описываемых черт, тактика самоподачи, область самораскрытия, идентифицируемость или анонимность ответов, тактика соглашаться или не соглашаться с утверждениями, характер и степень ограничений в форме ответов на вопросы, контекст всей процедуры диагностики, установки, ожидания и инструкции, способы подсчета индексов, статистические процедуры, оказался связанным с продвижением в понимании психологической сути самого процесса самосознания и его итогового продукта — «Я-концепции» [29, с. 348].

Стремление видеть и культивировать в себе социально ценные качества — одно из реальных стремлений человека, которое, конечно же, отражается в его образе Я. Поэтому если «Я-концепция» определяется феноменологически как образ самого себя, в который человек верит, содержащий черты, обладать которыми человек стремится, и которые сознательно в себе признает, то высокую социальную желательность черт, приписываемых его Я, следует «считать не артефактом, а истинной характеристикой «Я-концепции» [9, т. 2, с. 220]. Выставлять себя в социально выигрышном свете — это лишь один из аспектов более общего феномена, известного как стратегия самопрезентации. Исследования стратегий самопрезентации исходят из представлений о том, что всякий человек заинтересован во впечатлении, производимом им на окружающих. Определенные аспекты поведения человека специально направлены на установление, уточнение и поддержание своего образа в глазах других. Р. Баумейстер описывает две стратегии самопрезентации: ублажающую и самоконструирующую [29]. Ублажающая стратегия управляется критериями, принятыми в данной аудитории, и направлена на то, чтобы выставить себя в благоприятном свете и получить «вознаграждение». Самоконструирующая стратегия направлена на поддержание и укрепление «идеала Я», т. е. вытекает из желания произвести впечатление на других теми качествами, которые входят в «идеал Я» субъекта [128]. Более того, А. Анастаси отмечает, что знания о себе обладают различной субъективной значимостью. Из этого

следует, что использование в индивидуальной психодиагностике универсальных содержательных параметров «Я-концепции» может приводить к ошибочным заключениям. Один из путей повышения достоверности диагностических заключений — это отбор наиболее универсальных и общезначимых параметров «Я-концепции», позволяющих уменьшить вероятность ошибки [9, т. 2, с. 221]. Достоверность диагностических заключений в консультативной и психотерапевтической практике повышается за счет введения в поле зрения диагноста смысла того или иного аспекта «Я-концепции» для обследуемого. В. В. Столин отмечает, что это достигается анализом той субъективной роли, которую у данного человека играют усматриваемые им в собственном «Я» черты в процессе достижения значимых для него мотивов и целей [212].

Представления о том, что самосознание имеет уровневое строение, не раз высказывались в психологии. Р. Бернс предпринял попытку упорядочить терминологию, встречающуюся в психологической литературе, посвященной Я-концепции. Он предложил схему Я-концепции в виде иерархической структуры. На вершине располагается «глобальная Я-концепция, включающая всевозможные грани индивидуального самосознания» [26, с. 61]. Затем следуют два элемента, выделенные У. Джеймсом: Я-сознающее (процесс) и Я-как-объект (содержание), из которых Р. Бернс выводит соответственно: самооценку или принятие себя и образ Я. Они разделены весьма условно, концептуально, а «в психологическом плане они неразрывно взаимосвязаны и <...> предрасполагают индивида к определенному поведению» [26, с. 61]. Глобальную Я-концепцию Р. Бернс рассматривает как «совокупность установок индивида, направленных на самого себя. Установки могут иметь различные модальности» [26, с. 61]. В свою очередь модальности (реальное Я, идеальное Я, зеркальное Я) включают аспекты Я: физический, социальный, умственный, эмоциональный.

В современной психологии существуют различные концепции образа Я. Остановимся подробнее на тех, которые легли в основу диссертационного исследования. И. С. Кон формулирует уровневую концепцию образа Я, используя понятие установки, раскрытое в теории диспозиционной регуляции социального поведения В. А. Ядова [95, с. 69–73]. В целом образ Я И. С. Кон определяет как установочную систему. Установки обладают тремя компонентами: когнитивным, аффективным и производным от первых двух поведенческим (готовность к действиям в отношении объекта). Нижний уровень образа Я «составляют неосознанные, представленные только в переживании установки, традиционно ассоциирующиеся в психологии с самочувствием и эмоциональным отношением к себе; выше расположены осознание и самооценка отдельных свойств и качеств; затем эти частные самооценки складываются в относительно целостный

образ; и наконец, сам этот «Я-образ» вписывается в общую систему ценностных ориентаций личности, связанных с осознанием ею целей своей жизнедеятельности и средств, необходимых для достижения этих целей» [95, с. 72–73].

И. И. Чеснокова предлагает различать уровни самосознания по критерию тех рамок, в которых происходит соотнесение знаний о себе [244]. На первом уровне такое соотнесение происходит в рамках сопоставления образа Я и другого человека. Сначала некоторое качество воспринимается и понимается в другом человеке, а затем оно переносится на себя. Преимущественно внутренними приемами самопознания являются самовосприятие и самонаблюдение. На следующем уровне соотнесение знаний о себе происходит в процессе аутокоммуникации, в рамках «Я и Я». Человек оперирует уже готовыми, сформированными знаниями о себе. В качестве специфического внутреннего приема самопознания указываются самоанализ и самоосмысление, человек соотносит свое поведение с мотивацией, которую он реализует, оцениваются и сами мотивы с точки зрения общественных и внутренних требований. Высшего развития самосознание достигает при формировании своих жизненных планов, жизненной философии, чувства собственного достоинства [243]. В работе Е. Дикстейна (Dickstein E.) высказывается идея о связи меры самоотношения с характером самосознания на различных уровнях, которые одновременно являются и стадиями [29]. Первый уровень связан с формированием чувства автономности ребенка, способности исследовать окружение, способности вызывать заботу о себе. Соответственно, мера самоуважения связана с различиями в желании исследовать окружение, вызывать заботу о себе. На втором уровне в связи с развитием социальной активности ребенка мерой самоуважения становится степень успешности в определенных действиях и в сравнении себя с другими. На третьем уровне в связи с формированием способности к самонаблюдению мерой самоуважения становится степень достижения «идеала Я». Четвертый и пятый уровни альтернативны и выражают различные варианты развития. Четвертый уровень — уровень «Я» как интегрированного и интегрирующего целого. Мерой самоуважения на этом уровне будет степень, с которой индивид осознает и принимает каждый из аспектов своего существования. На пятом уровне самосознание характеризуется обнаружением относительности границ «Я», выходом на первый план движения вперед и изменений, признанием своей ограниченности. Измерение самоотношения на этом уровне наиболее проблематично и связано с различиями в степени честности отношения к себе и признания изменчивости своего «Я» [29, с. 353–354].

Концепция уровневого строения самосознания, основанная на учете характера активности человека, в рамках которой формируется образ

Я и действует самосознание, представлена В. В. Столиным [212]. В качестве исходного принимается различие содержания Я-образа (знания или представления о себе, в том числе и в форме оценки выраженности тех или иных черт) и самоотношения. Последнее — это переживание, относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и Я-образ. В содержании Я-образа В. В. Столиным выделяются важнейшие образующие: знания о тех общих чертах и характеристиках, которые объединяют субъекта с другими людьми — присоединяющая образующая «Я-концепции», или система самоидентичности; знания, выделяющие «Я» субъекта в сравнении с другими людьми — дифференцирующая образующая «Я-концепции». Это последняя образующая придает субъекту ощущение своей уникальности и неповторимости [212]. Вертикальное строение самосознания раскрывается как уровневое строение. В. В. Столин определяет уровни самосознания «уровнями активности человека, одновременно являющимся биологическим индивидом (организмом), социальным индивидом и личностью» [29, с. 354]. Процессы самосознания и его интегральные образования, по мнению В. В. Столина, обслуживают активность человека на каждом из уровней, выполняя роль обратной связи с информацией о «вкладе» субъекта в его собственную активность [212]. Поскольку характер активности и характер ведущих потребностей субъекта на каждом из уровней различны, различны и процессы, отражающие эту активность, и итоговые, интегральные образования самосознания.

Рассмотрим подробнее представления об образе Я с позиций уровневой концепции В. В. Столина [29, с. 352–359; 171, с. 123–155; 211–212]. На уровне биологического индивида (организма) активность субъекта определена системой «организм — среда», имеет, прежде всего, двигательный характер и вызывается потребностями в самосохранении, нормальном функционировании, физическом благополучии. В недрах этой активности формируется обратная связь в виде ощущений о положении тела и его органов в пространстве, которые слагаются в «схему тела». Схема тела — это, «фигурально выражаясь, «Я-образ» организма, который надо отличать от «физического Я» субъекта, обладающего более сложной, биосоциальной природой» [29, с. 355]. В схеме тела не разделены дифференцирующая и присоединяющая составляющие. На уровне организма формируется также самочувствие — итог процессов, отражающих состояние внутренних органов, мышц, активации организма в целом. Самочувствие — биологический аналог самоотношения, отражающий степень удовлетворенности потребностей организма в благополучии, целостности, функциональном состоянии [29]. На уровне социального индивида активность человека подчинена потребности в принадлежности человека к общности, в признании его этой общностью. Эта активность регу-

лируется усваиваемыми индивидом социальными нормами, правилами, обычаями, технологическими предписаниями, уставами и т. д., которые усваиваются индивидом. Я-образ облегчает человеку ориентацию в системе этих активностей за счет формирования своей присоединяющей образующей — системы социальных самоидентичностей: половой, возрастной, этнической, гражданской, социально-ролевой. По мнению В. В. Столина, в рамках этих идентичностей субъект сравнивает себя с эталонами соответствующих общностей и через эти эталоны — с другими людьми [212]. Эти сравнения образуют базу для дифференцирующей образующей «Я-образа», которая, следовательно, вторична на этом уровне по отношению к присоединяющей образующей. Жизненная важность для субъекта быть принятым другими людьми отражается в самоотношении, которое есть перенесение вовнутрь отношения других, принятие другими или отвержение ими [29]. На уровне личности активность субъекта вызывается, прежде всего, потребностью в самореализации в труде, любви, спорте и т. д., достигается с помощью ориентации на собственные способности, возможности, мотивы. Поэтому в образе Я ведущее место начинает занимать дифференцирующая образующая Я-концепции, обеспечивающая неслучайность самоопределения личности. Таким образом, основой самоотношения становится потребность в самоактуализации: собственное Я, собственные черты и качества оцениваются в отношении к мотивам, выражающим потребность в самореализации, и рассматриваются как ее условие [29, с. 354–355].

Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов [35], А. В. Петровский [164, 173], М. Г. Ярошевский [259] аналогично отмечают, что самоотношение, в свою очередь, оказывается структурно-сложным образованием, включающим в себя как глобальное чувство «за» или «против» самого себя, так и более специфические параметры: самоуважение, аутосимпатию, самоинтерес или близость к самому себе, ожидаемое отношение других. В работе А. Тиссера и Дж. Кэмпбелла приводится механизм, названный ими моделью поддержания самооценки. Суть в том, что человек селективно подходит к оценке успехов близких ему людей и людей, с которыми он находится на далекой межличностной дистанции, а также к тому, в какой области — значимой или незначимой для него — существуют эти достижения. Согласно этой модели, люди позитивно оценивают успехи друзей, если они относятся к незначимым для них самим сферам; когда же успехи друзей относятся к релевантным для оценщиков сферам, то эти успехи оцениваются гораздо менее позитивно [128].

В работе Г. Каплана описана тактика поддержания самоотношения, которая может быть названа тактикой обесценивания. Она выражается в том, что человек делает предмет своего самовосприятия не только

собственные личностные качества, но и саму оценку этих качеств. В таком случае негативная оценка собственных качеств также может входить в объективированное Я как качество или черта, например самокритичность [29]. Следовательно, человек, низко оценивающий себя по какой-то черте, не будет утрачивать самоуважения, если в субъективной иерархии ценностей данная черта стоит ниже, чем «честность перед самим собой», «самокритичность» и т. п.

Анализ литературы по указанной проблеме показал, что возможности защиты самооотношения заложены уже в его структуре [113, 127, 145, 178, 230 и др.]. Так, В. В. Столин отмечает, что благодаря многомерности самооотношения и аддиктивности глобального самооотношения возможно одновременное поддержание глобального самооотношения на высоком уровне и какого-то аспекта самооотношения, прежде всего, самоуважения, — на низком. При этом низкое самоуважение компенсируется повышением симпатии к себе, а повышение симпатии покупается ценой сохранения низкого самоуважения. Защита себя от антипатии является наиболее важным аспектом защиты самооотношения. Субъект жертвует своим самоуважением, пользуясь аддиктивностью глобального самооотношения, либо жертвует истинностью своего образа Я для того, чтобы не допустить явной, сознаваемой антипатии к себе. Вследствие этого поддержание стабильного самооотношения обеспечивает возможность постоянной стратегии по отношению к самому себе, выражающейся как во внешней, социально-предметной деятельности, так и во внутриличностной активности [212].

Представления о себе могут относиться к разным сферам проявления человека. Так, У. Джемс [62], К. Роджерс [185], М. Розенберг [29] и др. выделяли различные формы представлений о себе, дифференцированные либо по сфере проявлений человека («социальное Я», «духовное Я», «физическое Я», «интимное Я», «публичное Я», «моральное Я», «семейное Я» и т. д.), либо как реальность и идеал («реальное Я», «идеальное Я»), либо на временном континууме («Я в прошлом», «Я в настоящем»), либо по какому-то иному существенному признаку. Наиболее известным различием образов «Я» является различие «Я-реального» и «Я-идеального». Более дробная классификация образов предложена М. Розенбергом: «настоящее Я», «динамическое Я», «фактическое Я», «вероятное Я», «идеализированное Я» [94]. Ш. Самюэль выделяет четыре «измерения» «Я-концепции»: образ тела, «социальное Я», «когнитивное Я», и самооценку [178, с. 278]. Отметим, что практически любой из образов Я имеет сложное, неоднозначное по своему происхождению строение. Однако количество таких образов Я и их содержание определяются, как правило, на основе теоретических соображений ученых. Насколько все эти представления у субъекта действительно существуют как относительно самостоятельные, насколько они

по-разному связаны с самоотношением и поведением в соответствующих ситуациях — эти вопросы остаются открытыми. С точки зрения ориентации на психологическую помощь важно знать, в какой именно сфере деятельности субъект переживает себя состоятельным или несостоятельным, на чем содержательно базирует свое самоуважение, стремится ли к достижению своего идеала, переживает ли разорванность своего «интимного Я» и публичной самопрезентации.

В настоящее время, судя по психологической литературе, отмечается ряд подходов к изучению образа Я, среди которых можно назвать следующие: исследование структурных компонентов и классификация (Ф. Е. Василюк, Е. Т. Соколова, В. В. Столин, С. Г. Якобсон, Т. И. Фещенко и др.), поиск «измерений», содержательных параметров представлений о себе (Л. Д. Демина, О. М. Краснорядцева, В. М. Раева и др.), раскрытие становления образа Я в онто- и филогенезе (А. Г. Асмолов, Л. И. Божович, В. Е. Ключко, Д. И. Фельдштейн и др.).

Каждое из понятий «образ тела», «Я-реальное», «Я глазами других», «Я, каким я, скорее всего, стану» и др. представляется вполне содержательным в том смысле, что человек может ответить на вопрос о том, каким он представляет себя в будущем, или каким он себя видит в прошлом или настоящем, или каким его видят окружающие. С. Г. Якобсон, Т. И. Фещенко выделяют в структуре образа Я три подструктуры: Я-реальное (действительные, в той или иной форме осознаваемые характеристики ребенка); Я-потенциальное положительное (аналог Я-идеального); Я-потенциальное отрицательное (характеристики, которыми ребенок не хочет обладать). Результат исследований формирования образа Я доказал, что моральное поведение (соблюдение норм морали в ситуации свободного морального выбора и вопреки искушению нарушить их) детерминировано структурой и содержанием образа Я ребенка. Содержание подструктур образа Я может включать как соблюдение и нарушение определенных норм, так и отношение к этим полярным действиям. При этом соответственно реальному поведению данные характеристики включены в разные подструктуры и с разными оценочными знаками. Например, дети, соблюдающие определенную норму, осознают эту свою черту и одобряют ее. Нарушение нормы расценивается ими как несвойственная им и осуждаемая черта [258]. Как полагает Л. Шнейдерман [271], те чувства, цели, ценности и т. д., которые мы не считаем своими, отчуждаем от себя, внедряются через идентификацию с другими людьми, даже символами. Л. Шнейдерман, О. Клэпп, предупреждают об идентификации с агрессором. При этом люди принимают свои деструктивные импульсы без чувства вины, умеют избежать мучительной борьбы между самоконтролем и самоутверждением [264]. В. М. Раева, исследуя Я-концепции правонарушителей в юноше-

ском возрасте, выделяет особенности самосознания при делинквентном поведении. В Я-концепции большинства несовершеннолетних правонарушителей выявлены нарушения самоидентификации (в самоописаниях часто отсутствуют собственное имя и принадлежность к полу; притязания на признание примитивизированы до уровня зеркального Я) [176].

Остановимся на идее о том, что человек познает себя так же, как других людей. Она нашла свое прямое воплощение в концепции самовосприятия Д. Бэма. В основе этой концепции лежит идея о том, что человек познает самого себя, свои внутренние состояния, эмоции, установки путем сознания своего собственного поведения и условий, в которых оно осуществляется. В. П. Трусов, подробно проанализировавший теорию Д. Бэма, подчеркивает, что в этом смысле наблюдение собственного поведения и познание себя принципиально не отличаются от наблюдения поведения другого человека и познания другого [219]. А. А. Налчаджян хотя и признает роль социальных факторов, но говорит и о том, что «для сохранения положительной Я-концепции и высокого самоуважения некоторые личности не нуждаются в одобрении других» [147, с.202]. В его трактовке интраиндивидуальное «Я» обозначается как настоящее Я (актуальное Я). В структуру настоящего Я включают то, каким человек кажется себе в действительности в данный момент. Развитая человеческая личность имеет систему представлений о себе, которые она считает соответствующими реальности. Это система приписываемых себе в данный «момент» ее жизни качеств. Подчеркивается, что могут приписываться себе даже полностью отсутствующие качества [147]. А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский так определяют термин «образ Я»: относительно устойчивая, не всегда осознаваемая, переливаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими. При этом самооценка — оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей, но она показывает лишь степень адекватности образа Я, исходя из соотношения Я-идеального и Я-текущего [164].

Анализ указанной выше литературы позволил прийти к следующему выводу: структура образа Я зависит от характера тех процессов самопознания, результатом которых она является. В свою очередь, процессы самопознания включены в объемлющие процессы: в процессы общения человека с другими людьми, в процессы деятельности субъекта. От того, как будут поняты эти процессы и каким, следовательно, предстанет в исследовании сам субъект, носитель самосознания, зависят и результаты анализа строения его представлений о себе, его отношения к самому себе. Как видно даже из относительно короткого обзора, в психологической литературе, посвященной данной проблеме, нет однозначного определения

содержания, строения, механизмов, генезиса этого феномена. Мы приходим к выводу, что одни исследователи обозначают феномен личного (личностного и т. д.) самосознания в структурных терминах, другие — с точки зрения их функций, механизмов, одни рассматривают формирование, становление, другие — как субстанцию и т. д. Данные подходы, конечно, вносят вклад в создание общей теории самосознания личности, но затрудняют понимание места и роли частных феноменов.

Изучение становления и развития образа Я личности рассматривалось в западной психологии по нескольким направлениям: формирование образа Я в онтогенезе (Р. Бернс, Э. Эриксон и др.), дифференцированные формы представлений о себе (У. Джемс, К. Роджерс, М. Розенберг и др.), по ролевым аспектам (М. Кун, Т. Макпартлэнд, Х. Маркус, П. Нуриус и др.), индивидуально-типологическим характеристикам (А. Адлер, К. Юнг, Э. Фромм и др.), защитным механизмам (А. Фрейд, К. Хорни и др), влияниям окружающих на становление образа Я (Э. Берном, Ч. Кули, Дж. Мид, и др.) социально-психологической реальности (Д. Майерс, С. Московичи, У. Томас, Т. Шибутани и др.).

Психологические подходы к вопросу исследования образа Я дифференцируются по различным линиям. Во-первых, по предмету, на котором сосредоточен главный интерес исследователей. Одни интересуются прежде всего субъектными свойствами индивида, внутренними источниками его активности, которые выше были обозначены как идентичность и «Эго», например, персоналистическая психология, фрейдизм, экзистенциализм, эгопсихология. Других занимает преимущественно «образ Я» как элемент самосознания. Во-вторых, психологические исследования различаются по теоретическому контексту, углу зрения, под которым рассматривается проблема «Я». Там, где отправной точкой служит теория личности, «Я» чаще всего мыслится как некое структурное единство, и наибольшее внимание привлекают его регулятивные функции. В контексте теории сознания на первый план выступают когнитивные особенности процессов самосознания, адекватность самооенок и т. п. Наконец, существенно различается методологическая стратегия исследований. Так, подход к изучению самооенок меняется в зависимости от того, рассматриваются они исследователем как непосредственные компоненты образа Я или только как индикаторы каких-то глубинных и не осознаваемых личностью качеств (например, самоуважения). Если считать личность просто суммой черт, то можно удовлетвориться описательно-компонентным анализом и сказать, что образ Я складывается из представлений индивида о своем теле, уме, способностях, социальном положении и т. д. Однако для системно-структурного подхода, в рамках которого строится наше исследование, такая стратегия неприемлема.

Определенную роль в развитии представлений о самосознании, в частности, личностного Я, сыграл К. Юнг, рассматривавший «Я» как некий архетип, представляющий стремление человека к целостности и единству [232]. У А. Адлера движущей силой является стремление к превосходству, что часто (если не всегда) приводит к чувству неполноценности. Оно определяет компенсацию и сверхкомпенсацию в иных достижениях [223].

Между тем осознание индивидуально-природных качеств также имеет свои социальные предпосылки. Вполне закономерно поэтому, что в последующем «социологизация» проблемы образа Я была продолжена. Ч. Кули сформулировал теорию «зеркального Я», согласно которой представление человека о самом себе, «идея Я», складывается под влиянием мнений окружающих и включает в себя три компонента: представление о том, каким я кажусь другому лицу, представление о том, как этот другой меня оценивает и связанную с этим самооценку, чувство гордости или унижения. Ч. Кули указывал, что идея Я формируется уже в раннем возрасте в ходе взаимодействия индивида с другими людьми, причем решающее значение имеют так называемые первичные группы [272]. Каждый индивид общается с множеством разных людей, которые воспринимают и оценивают его неодинаково. Кроме того, различные люди (и группы) неодинаково значимы для личности. Например, в одних случаях большее влияние могут оказать родители, семья, а в других — сверстники, приятели. Наконец, личность не механически усваивает чужие мнения о себе, но самостоятельно осмысливает и отбирает их, используя при этом собственные критерии [272]. Формирование человеческого Я в процессе реального взаимодействия индивида с другими людьми в рамках определенных социальных групп и в зависимости от выполняемых личностью ролей было исследовано Дж. Мидом. В противоположность тем, кто считал, что образ Я дан индивиду непосредственно или формируется путем обобщения самоощущений. Мид утверждает, что самосознание — это процесс, в основе которого лежит практическое взаимодействие индивида с другими людьми. Рефлексия на себя есть, по сути дела, не что иное, как способность поставить себя на место другого, усвоить отношение других к себе [26]. К. Хорни центральным моментом самосознания считала условные иллюзорные представления о себе. Такое «идеальное Я» позволяет чувствовать себя в псевдобезопасности. Таким образом, К. Хорни рассматривает самосознание человека через взаимодействие «реального Я» и «идеального Я». В этом случае отношение к себе формируется под влиянием родителей, в значительной степени определяя «знак» отношения [235]. Практически сходную позицию, с использованием той же терминологии, занимает Э. Берн. Идеал Эго в его концепции определяется из сознательных и бессозна-

тельных образов того, чем он хотел бы быть; образы эти сформированы по образцу некоторых людей, кем он восхищается, кому хотел бы подражать, поскольку приписывает им идеальные качества [25].

Большое значение для рассмотрения проблемы самосознания, на наш взгляд, имеет концепция гуманистической психологии, для которой ядром человека является представление человека о себе, именуемая как «Я-образ», «Я-система», что отражено в работах А. Маслоу [70, 129], Г. Олпорта [163], К. Роджерса [185, 232] и т. д. К. Роджерс определил категорию самооценки как центральное звено в теории личности [70]. Условием ее нормального формирования он считал положительную оценку со стороны общества и принятой им морали. А. Маслоу исходит из утверждения об изначальном и спонтанном стремлении личности к самоактуализации, которую он определяет, как желание стать всем, чем возможно; это потребность в реализации своего потенциала. Однако эта потребность в самореализации является высшей и возможна только после удовлетворения иных потребностей, более низкого уровня [129].

Несмотря на разноплановость современных отечественных исследований, затрагивающих проблему образа Я, таких как работы К. А. Абульхановой [2], Л. И. Анциферовой [15, 17], Т. Н. Березиной [24], Ф. Е. Васильюк [41, 42], А. В. Иващенко [74], А. В. Ключко [85], А. В. Орлова [156], Е. Т. Соколовой [204, 207], И. А. Тепленевой [216], А. С. Чернышева [242] и др., в них обнаруживается еще одна общая позиция. Основным понятием в определении исследуемого феномена является представление о сущностных силах человека. Рассматривая категорию образа, Л. Д. Демина, И. А. Ральникова уточняют, что «категория образа характеризует психологическую реальность со стороны познания и является одним из оснований формирования и становления индивидуальных и социально-групповых картин мира. Образ включен в систему жизненных отношений между человеком и миром. Объект восприятия и образ связаны между собой опосредованно, через длинную цепочку событий, происходящих во внешнем и внутреннем мире. Но отношения образа и реального мира проявляются не только в ощущениях, восприятии, представлениях, но и в виде сложных когнитивных структур, где образ — координатор и регулятор жизнедеятельности человека» [63].

В. Е. Ключко, рассматривая становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза, считает, что «человек как психологическая система включает в себя и субъективную компоненту (образ мира, составляющего для человека его действительность), и саму действительность — многомерный мир человека, как онтологическое основание его жизни, определяющий сам образ жизни и определяемый ею» [85, с. 8]. В. Е. Ключко выделяет понятие шестимерного мира и рассматривает связанное с ним

смысловое сознание личности. «Мир каждого человека уникален и составляет то, что является собственно человеческим в человеке, его самость, его существенную характеристику» [85, с. 10]. Для человека мир формируется при участии других людей (родителей, сверстников, учителей) и сам образ Я оказывается зависимым от того, как мир открывается в своем предметном содержании [85]. В системе взаимодействий с природным и социальным миром человеку приходится выступать в разных качествах, в разных ролях, быть субъектом самых разнообразных деятельностей. Из каждого конкретного взаимодействия он «выносит» образ своего Я в многосторонности, сложности и противоречивости его проявлений, возникает обобщенный образ своего Я из многих единичных конкретных образов Я, и он содержит устойчивые существенные черты и представления о своей сущности, общественной ценности. Понятие о себе, о своей истинной сущности в значительной степени влияет на весь строй психики, мировосприятие в целом [63].

Карвер и Шейер (Carver & Scheier) предложили кибернетическую модель процесса самосознания, где большое значение отводится функции саморегуляции, которой служит Я-фокус. Под Я-фокусом исследователи понимают часть саморегуляционного цикла «Тест — Действие — Тест — Выход», в который вовлекается индивид в процессе достижения цели. В соответствии с их моделью, нарушение продолжающейся активности ведет к запуску этого цикла, внутри которого индивид выбирает между самофокусировкой (и сравнением актуального и желаемого состояний) и поведением, направленным на устранение воспринятого нарушения. Этот цикл продолжается до тех пор, пока либо нарушение не будет устранено, либо пока индивид не начнет воспринимать возможность его устранения ниже определенного критического уровня, после чего происходит выход из цикла и ослабление Я-фокусировки [269].

Таким образом, когда цикл саморегуляции чрезмерно затянут, постоянная конфронтация между текущим состоянием и состоянием, к которому индивид стремится, значительно увеличивает негативный аффект, переживаемый в ответ на потерю. Шейер и Карвер (Scheier & Carver) продемонстрировали, как усиленное осознание своего внутреннего состояния в результате самофокусировки усиливает интенсивность аффективных реакций на разные стимулы. Чрезмерное сосредоточение на утрате ведет к хроническому состоянию сфокусированности на себе и, как следствие, своеобразной спирали негативных переживаний и самообвинений. В результате у индивида может сформироваться негативный Я-образ. Постепенно распространяющийся на все сферы поведения, в особенности на межличностные взаимоотношения, самокритицизм в совокупности с тенденцией смотреть на все свои поступки и их последствия сквозь

призму чувства вины способствует доказательству наличия у индивида отрицательных личностных характеристик и закреплению негативного Я-образа [269].

Х. Маркус и П. Нуриус вводят понятие «возможные Я»: посредники между мотивацией и образом Я, под которыми они понимают особенности представлений индивида о том, каким он может стать, каким он хотел бы стать и каким он боится стать. Репертуар возможных Я, содержащихся в системе Я индивида, — это когнитивные манифестации целей, стремлений, мотивов, страхов и опасений. Возможные Я придают этой динамике специфическую когнитивную форму, организацию, направление и релевантный Я индивида смысл. [265]. Образы Я — наши фундаментальные элементы самоопределения, которые оказывают систематическое и глубокое влияние на то, как перерабатывается индивидом информация, касающаяся его Я. Образ Я — не просто интеграция прошлых и настоящих действий, это заявление о своей ответственности за будущее поведение в определенной области.

Таким образом, схемы Я определяют прошлое и настоящее Я, но, что более важно, они определяют будущие, возможные Я. Зачастую в Я содержатся некоторые идеи относительно способов достижения желаемого результата, планы и стратегии. Возможные Я — это то, что запускает Я в действие, намечает вероятный курс действий, это когнитивные мосты между настоящим и будущим [265]. По мнению Х. Маркус и П. Нуриус, рабочая Я-концепция это набор представлений о себе, которыми человек обладает в данный момент. Это постоянно активный, изменяющийся массив знаний о самом себе. Массив изменяется в зависимости от содержания главного рабочего представления о себе (*prior working self-concept*), от того, какое из этих представлений было активизировано соответствующими социальными обстоятельствами и от того, какие представления были активизированы индивидом в его отклике на текущий опыт [265].

Подводя итог проведенного автором исследования образа Я отечественными и зарубежными учеными, следует отметить следующее.

Образ Я рассматривается как набор всех знаний и представлений о себе. Этот «универсум» включает в себя хорошие Я, плохие Я, надежды на обретение определенных Я, Я, которых человек боится, и Я, каким он должен быть. Подобные представления о себе (*self-conceptions*) постоянно доступны для осознания. Такие образы Я могут быть выявлены опросниками.

Различают индивидуальное Я (включающее биологическое, физическое, физиологическое и психологическое) и социальное Я. Складываясь как отражение социальных оценок, социальное Я регулирует социальное самочувствие, настроение и поведение личности, влияет на индивидуальное Я. Помимо этих устойчивых и осознаваемых представлений о себе, ра-

бочая Я-концепция содержит представления, которые, независимо от того, «рациональны», «точные» они, либо нет, являются в данный момент активными и, следовательно, с большой вероятностью влияют на интерпретацию ситуации. В отличие от представлений о себе, являющихся компонентами образа Я, они не всегда доступны для осознания.

В двух различных ситуациях у индивида могут быть активированы две различные рабочие Я-концепции, или два различных образа Я. Когда индивид переживает негативные воздействия, в конфигурацию образа Я включаются представления о негативных возможностях. При других обстоятельствах рабочая Я-концепция может содержать позитивные и негативные возможности. Поскольку зачастую позитивные возможные Я не привязаны к социальному опыту, не очевидны для окружающих, а значит, не подкрепляются с их стороны в социальном взаимодействии, они могут относительно легко попадать под угрозу.

Образ Я включает три главных измерения: наличное Я (каким человек видит себя в данный момент), желаемое Я (каким бы хотел себя видеть), представляемое Я (каким он показывает себя др.). Все три измерения существуют в личности, обеспечивая ее целостность и развитие. В психологии изучалось: содержание образа Я-категории, в которых индивид осознает свои особенности; структурные компоненты образа Я, куда входят Я-реальное, Я-идеальное, Я-демонстрируемое и т. п. (У. Джемс, К. Роджерс и др.); генезис становления образа Я, которое рассматривается как результат общения ребенка со взрослым (Дж. Мид, М. И. Лисина и др.); регулятивная функция образа Я, которая была обнаружена в ситуациях: а) целеполагания (К. Левин, Ф. Хоппе), б) противоречия между непосредственными желаниями и соответствием поведения собственным ценностям (Р. Викланд), в) морального выбора (С. Г. Якобсон, Г. И. Морева), г) самовоспитания (Д. Б. Эльконин, Т. В. Драгунова).

Анализ психологической литературы показывает, что особое значение регулятивная функция образа Я имеет в ситуациях расхождения между непосредственными стремлениями личностями, ее ценностями и социальными требованиями и ценностями.

Наиболее близкими нашему определению образа Я являются: модель образа Я как социальной установки И. С. Кона, представляющей систему когнитивных, эмоциональных поведенческих компонентов, и уровневая модель В. В. Столина, интегрирующая эмоционально-чувственные, поведенческие и ценностно-нормативные аспекты образа Я. В становлении образа Я участвуют три основных механизма: усвоение субъектом оценки его другими людьми, социальное сравнение с другими людьми, саматрибуция. Самооценка и самоуважение — наиболее важные регулятивные функции Я. Подчеркивание отраженной, социальной природы образа

Я подразумевает отказ от многих философско-умозрительных проблем сущности Я, апеллируя к сравнительно более операциональному образу Я, что позволяет проследить истоки его становления, характер, отличительные особенности и проявления в поведении.

1.3. Особенности становления образа Я в раннем юношеском возрасте

Подростковый и юношеский возраст в современной международной традиции рассматривается в единстве, и часто этот этап обозначается одним термином — «подростковый возраст» [174, с. 90–92]. При этом выделяют две стадии: ранний подростковый (от 11 до 14 лет) и старший подростковый (от 15 до 19 лет), что соответствует в отечественной традиции выделению подросткового и юношеского возраста (В. Квинн [83], Г. Крайг [106], Ф. Райс [177], Д. И. Фельдштейн [221], Э. Эриксон [254] и др.). На сегодняшний день, к сожалению, не существует единой общепринятой классификации возрастных периодов развития человека. В связи с явлением акселерации границы подросткового возраста сдвинулись вниз, соответственно, раньше начинается юность [174, с. 319–397]. Основываясь на классификации возрастного периода Д. Б. Эльконина, в нашем исследовании период ранней юности связываем с учебной деятельностью в старших классах школы: возрастные границы от 15 до 17 лет [253].

Многие отечественные психологи (Б. Г. Ананьев [8], Л. С. Выготский [47–49], Л. И. Божович [30], И. С. Кон [96–97], А. Н. Леонтьев [115], С. Л. Рубинштейн [187], Д. Б. Эльконин [253] и др.) и зарубежные исследователи (А. Бандура, Р. Уолтерс [22], Р. Бернс [26], Д. Майерс [128], Дж. Мэнделл, Л. Дамон [146], К. Роджерс [185], Дж. Франк [224] и др.) подчеркивали значение юношеского возраста для развития самосознания. Э. Шпрангер считал самосознание главным новообразованием этого возраста [96]. Появление сознательного «Я», возникновение рефлексии, сознание своих мотивов, моральные конфликты и нравственная самооценка, интимизация внутренней жизни — вот некоторые феноменальные проявления самосознания в этом возрасте. Этот период считается критическим, переломным или даже периодом собственно возникновения самосознания во всей его целостности. И. С. Кон прямо указывает, что «периодом возникновения сознательного «Я», как бы постепенно ни формировались отдельные его компоненты, издавна считается подростковый и юношеский возраст» [93, с. 270]. А. А. Реан отмечает, что практически все отечественные психологи называют этот возраст критическим периодом формирования самосознания [174]. В этот период «у молодых людей активно формируется

самосознание, вырабатывается собственная независимая система эталонов самооценивания и самоотношения» [174, с. 394].

Развитие самосознания в раннем юношеском возрасте настолько ярко и наглядно, что его характеристика и оценка значения для формирования личности в эти периоды практически едина у исследователей разных школ и направлений [174]. Авторы достаточно единодушны в описании того, как протекает процесс развития самосознания в этот период: примерно в 11 лет у подростка возникает интерес к собственному внутреннему миру, затем отмечается постепенное усложнение и углубление самопознания, одновременно происходит усиление его дифференцированности и обобщенности, что приводит в раннем юношеском возрасте (15–16 лет) к становлению относительно устойчивого представления о самом себе, Я-концепции; к 16–17 годам возникает особое личностное новообразование, которое в психологической литературе обозначается термином «самоопределение». С точки зрения самосознания субъекта Я. Л. Коломенский отмечает, что оно характеризуется осознанием себя в качестве члена общества и конкретизируется в новой, общественно значимой позиции [180].

До юношеского возраста свои отличия от других привлекали внимание ребенка только в исключительных, конфликтных обстоятельствах. Его Я практически сводится к сумме его идентификаций с разными значимыми другими людьми. У юноши положение меняется. Ориентация одновременно на нескольких значимых других делает его психологическую ситуацию неопределенной, внутренне конфликтной. Бессознательное желание избавиться от прежних идентификаций делает его активным в рефлексии, а также активизирует чувство своей особенности, непохожести на других, что вызывает весьма характерное для ранней юности чувство одиночества или страх одиночества [96, 97]. Развитие самосознания, как и любого сложного психического новообразования, проходит ряд сменяющих друг друга стадий. С этой точки зрения ранний юношеский возраст можно охарактеризовать как начало формирования нового уровня самосознания, как период развития и углубления интегративных качеств. Его специфические черты — повышение значимости для формирования Я-концепции системы собственных ценностей и усиление личностного, психологического, динамического аспекта восприятия, — позволяют оценивать его как уровень, характерный для зрелой личности [174]. Одним из основных механизмов самопознания юношей своего внутреннего мира является личностная рефлексия, которая, в отличие от логической рефлексии, направленной на решение задач, понимается как деятельность личного самопознания, как особый исследовательский акт, при котором человек не просто исследует свой внутренний мир, но при этом еще исследует и себя как исследователя. Феноменом личностной рефлексии, по мне-

нию И. С. Кона, являются рефлексивные ожидания, которые понимаются как представления человека о том, что о нем думают люди, составляющие круг его общения, другие люди [96].

Впервые к исследованию самосознания молодого человека в советской психологии с новых методологических позиций обратился Л. С. Выготский [45–50]. По его мнению, самосознание — это социальное сознание, перенесенное вовнутрь, а память — та основа, которая сохраняет целостность самосознания, неразрывность и преемственность отдельных его состояний [50]. В организации нервной системы заложены возможности самосознания, но для того чтобы эти возможности были реализованы, необходимы соответствующие психологические и социальные изменения. Л. С. Выготский утверждает, что с естественной необходимостью вся психологическая жизнь школьника перестраивается так, что возникновение самосознания является только продуктом всего предшествующего процесса развития [49]. Самосознание юности является очередной в психическом развитии личности стадией самосознания, формирующейся лишь на основе накопленного в предыдущие периоды познавательного, эмоционального, регулятивного опыта, ставшего потенциальным резервом его дальнейшего развития. Подобной точки зрения придерживался Э. Эриксон, выделяя кризисы в развитии личности. По его мнению, в ранней юности «главной альтернативой становится формирование идентичности личностного Я» [26, с. 176]. Нередко возникает негативная идентичность, основанная на бунте и отрицании [254].

Р. Бернс считает, что основными причинами, влияющими на появление новообразований в самосознании юноши, являются, прежде всего, социальные условия его жизни, выдвигающие новые требования к поведению и деятельности в учении, в системе отношений со взрослыми и т. д. [26]. По мнению И. С. Кона, через эти условия преломляются те биологические и психологические изменения, без которых трудно понять особенности самосознания юноши во всей его сложности и противоречивости [96]. На предыдущих стадиях развитие самосознания осуществляется стихийно, детерминировано в основном внешними факторами, преимущественно без включения самого субъекта в этот процесс. На данной онтогенетической стадии, впервые в развитии личности, отдельные проявления самосознания — самонаблюдение, самопознание, самоотношение, саморегулирование деятельности и поведения — становятся необходимыми потребностями личности. Р. Бернс полагает, что они стимулируются стремлением к самовоспитанию, к целенаправленному изменению себя в связи с осознанием каких-либо собственных психологических несоответствий с внешними требованиями, идеалами, нравственными образцами [26].

Таким образом, острая актуализация потребности в процессах самосознания происходит под влиянием сильных эмоциональных переживаний, жизненных коллизий, связанных с осознанием нежелательного отношения к себе со стороны окружающих, особенно для него значимых.

Проблему самосознания в юношеском возрасте отечественная психология, как отмечает И. С. Кон, исследует исходя из положения о том, что интерес юноши к своему внутреннему миру, размышления о себе, о своих взаимоотношениях с другими, о месте в коллективе возникает на основе интереса его к другим людям и, прежде всего, к сверстникам [97]. Развитие же интереса к другому в свою очередь обуславливается новыми формами общения подростков между собой. Устанавливаются более глубокие личные взаимоотношения, связанные с разнообразными чувствами (симпатии, дружбы, зарождающейся любви и др.). Интерес к своему сверстнику в процессе общения с ним, размышление о его психологических свойствах заставляет юношу присмотреться и к себе, проанализировать свое поведение, сравнить себя с ним. В постепенном процессе познания собственных качеств сохраняется та же последовательность, что и при познании другого, т. е. вначале выделяются внешние, физические характеристики, затем качества, связанные с выполнением каких-либо видов деятельности и, наконец, личностные качества, более скрытые особенности внутреннего мира [95, 96].

А. И. Липкина подтверждает в исследованиях, что результаты самонаблюдения и самоанализа, к которым старшеклассник обращается достаточно часто, фиксируются в его самооценке [120]. А. А. Реан отмечает, юноша выделяет для себя эталон взрослости, через который он воспринимает и оценивает себя, но который, однако, не всегда соответствует действительным возможностям [174]. В результате самооценка юноши часто колеблется, она неустойчива и в основном неадекватна. Он либо недооценивает, либо, напротив, переоценивает себя, уровень его притязаний часто не соответствует уровню фактических достижений. Поведение, регулируемое подобной самооценкой, утверждает Р. Бернс, может привести к конфликту с окружающими [26, с. 205–207]. Психологи Р. Бернс, Я. Л. Коломинский, Е. Т. Соколова, В. В. Столин, В. П. Трусков, Э. Эриксон и др. единодушны в описаниях особенностей самооценки этого возраста, отмечая ее «ситуативность, неустойчивость, подверженность внешним воздействиям в младшем подростковом возрасте и большую устойчивость, многосторонность охвата различных сфер жизнедеятельности в старшем подростковом возрасте» [174, с. 358].

Анализ специальной литературы показал, что процесс формирования самооценки протекает на фоне высокой эмоциональности и связан с разнообразными переживаниями. По мере накопления и интеграции по-

знавательного и аффективного опыта в отношении себя в ходе учебной деятельности, общения со взрослыми и сверстниками самооценка подростка теснее соотносится с социальными ценностями, с требованиями ближайшего коллектива, связывается с устремлениями в будущее, становится более расчлененной, глубже учитывающей результаты самопознания и все более адекватной. Самооценка на всех уровнях своего развития включается во внутреннюю регуляцию поведения, деятельности, общения. М. И. Боришевский [32], исследуя моральную саморегуляцию поведения старшеклассников, наблюдал, что у школьника с устойчивой и адекватной самооценкой, находящегося в условиях, способствующих удовлетворению его потребности в самоутверждении, моральная саморегуляция поведения проявляется на достаточно высоком уровне, происходит ее дальнейшее развитие, усложнение. Если же юноша с такой же самооценкой оказывается в условиях общения, где он постоянно сталкивается с недооценкой его возможностей, ограничением самостоятельности, ущемлением достоинства и регламентацией действия, саморегуляция нарушается. Может снизиться уровень уверенности в себе, уменьшается инициативность поведения, он превращается в исполнителя власти другого или восстает против любого авторитета. Старшеклассник с заниженной самооценкой, недостаточным уровнем ее устойчивости в такой ситуации оказывается в наиболее неблагоприятных условиях. Саморегулирование становится узкоситуативным, снижаются его возможности. Развитие регулирующей, активно-волевой сферы самосознания для юноши имеет особое значение, поскольку эта сфера непосредственно участвует в процессе его самовоспитания [32]. К проблеме становления Я-концепции человека в процессе его жизнедеятельности психологи подходят с разных точек зрения, психологические исследования идут по нескольким направлениям. Прежде всего, изучаются сдвиги в содержании Я-концепции и ее компонентов: какие качества осознаются лучше, как меняется с возрастом уровень и критерии самооценок, какое значение придается внешности, а какое умственным и моральным качествам. Далее исследуется степень его достоверности и объективности, прослеживается изменение структуры образ Я в целом: степень его дифференцированности (когнитивной сложности), внутренней последовательности (цельности), устойчивости (стабильности во времени), субъективной значимости, контрастности, а также уровень самоуважения. По всем этим показателям ранний юношеский возраст заметно отличается как от детства, так и от взрослости, имеется грань в этом отношении и между подростком и юношей [221–222].

Необходимо отметить, что важным фактором развития Я-концепции в юности, по мнению таких психологов, как Р. Бернс, Е. Т. Соколова, М. Кун, Т. Макпартлэнд, А. Лоуэн, О. В. Лишин и др., является изменение

образа тела. Ощущение старшеклассником собственной ценности во многом зависит от того, насколько соответствующим норме представляется ему трансформация его тела. Задержки и отклонения в физическом развитии могут иметь пагубные последствия для формирования Я-концепции. В ранней юности происходит постепенная смена «предметных» компонентов Я-концепции, в частности, соотношение телесных и морально-психологических компонентов своего Я. Юноша привыкает к своей внешности, формирует относительно устойчивый образ своего тела, принимает свою внешность и, соответственно, стабилизирует связанный с ней уровень притязаний [26, 49]. Постепенно на первый план выступают теперь другие свойства Я — умственные способности, волевые и моральные качества, от которых зависит успешность деятельности и отношения с окружающими. Интегративная тенденция, от которой зависит внутренняя последовательность, цельность образа Я, усиливается с возрастом, но несколько позже, чем способность к абстрагированию. По мнению А. И. Липкиной, юношеские самоописания лучше организованы и структурированы, они группируются вокруг нескольких центральных качеств [120–121].

Однако Я. Л. Коломинский, А. А. Реан считают, что неопределенность уровня притязаний и трудности переориентации с внешней оценки на самооценку порождают ряд внутренних содержательных противоречий самосознания, которые служат источником дальнейшего развития [180]. Об этом же свидетельствуют зарубежные исследования [26], [108]. Возрастные сдвиги в восприятии человека включают увеличение количества используемых описательных категорий, рост гибкости и определенности в их использовании; повышение уровня избирательности, последовательности, сложности и системности этой информации; использование более тонких оценок и связей; рост способности анализировать и объяснять поведение человека; появляется забота о точном изложении материала, желание сделать его убедительным [26]. Самоописания в раннем юношеском возрасте имеют гораздо более личностный и психологический характер, чем в 12–14 лет, и одновременно сильнее подчеркивают отличия от остальных людей [221]. Как отмечает И. С. Кон, чем старше и более развит человек, тем более находит он различий между собой и «усредненным» сверстником [96]. Отсюда напряженная потребность в психологической интимности, которая была бы одновременно самораскрытием и проникновением во внутренний мир другого. Осознание своей непохожести на других логически и исторически предшествует пониманию своей глубиной внутренней связи и единства с окружающими людьми.

Наиболее заметные изменения в содержании самоописаний образа Я обнаруживаются в 15–16 лет. Б. В. Кайгородов считает, что эти изменения идут по линии большей субъективности психологичности описаний [81].

На наш взгляд, становление нового уровня самосознания в ранней юности идет по направлениям, выделенным Л. С. Выготским: интегрирование образа самого себя, перемещение его извне вовнутрь. В этот возрастной период происходит смена некоторого «объективистского» взгляда на себя «извне» на субъективную, динамическую позицию «изнутри» [49]. В. Ф. Сафин характеризует существенное различие во взгляде на себя подростков и юношей следующим образом: подросток ориентирован на поиск ответа, каков он среди других, насколько он похож на них, старший подросток, юноша — каков он в глазах окружающих, насколько он отличается от других, насколько он похож или близок к своему идеалу [194]. А. В. Алексеева подчеркивает, что подросток — это «личность для других», в то время как юноша — «личность для себя» [4, с. 4–9]. В исследовании И. И. Чесноковой указывается на наличие двух уровней самопознания: низшего — «Я и другой человек» и высшего — «Я и Я»; специфика второго выражается в попытке соотнесения своего поведения «с той мотивацией, которую он реализует и которая его детерминирует» [243].

Когнитивный компонент самосознания, его формирование в раннем юношеском возрасте напрямую связан как с эмоционально-оценочной составляющей, самооценкой, так и с поведенческой, регуляторной стороной Я-концепции. Так, В. В. Столин отмечает, что переход от частных самооценок к общей, целостной (смена оснований) в юношеском возрасте создает условия для формирования собственного отношения к себе, достаточно автономного от отношения и оценок окружающих, частных успехов и неудач, ситуативных влияний. Важно отметить, что оценка отдельных качеств играет в таком собственном отношении к себе подчиненную роль, а ведущим оказывается некоторое общее, целостное «принятие себя», самоуважение [211]. Именно в ранней юности (15–17 лет) на основе выработки собственной системы ценностей формируется эмоционально-ценностное отношение к себе, т. е. «оперативная самооценка» начинает основываться на соответствии поведения, собственных взглядов и убеждений, результатов деятельности [193].

Таким образом, в 15–16 лет особенно актуальна проблема несовпадения реального Я и идеального Я. По мнению И. С. Кона, это несовпадение вполне нормальное, естественное следствие когнитивного развития [50]. При переходе от детства к отрочеству и далее самокритичность растет. Так, в изученных Е. К. Матлиным сочинениях десятиклассников, описывающих собственную личность, в 3,5 раза больше критических высказываний, чем у пятиклассников [180]. Расхождение Я-реального и Я-идеального образов — функция не только возраста, но и интеллекта. У интеллектуально развитых юношей расхождение между реальным Я и идеальным Я, т. е. между теми свойствами, которые индивид себе приписывает, и теми,

которыми он хотел бы обладать, значительно больше, чем у их сверстников со средними интеллектуальными способностями. А. А. Реан формулирует составляющие образа Я: «Наиболее значимыми и хорошо осознаваемыми качествами своего Я для юноши-старшеклассника выступают коммуникативные, волевые и интеллектуальные качества, что позволяет рассматривать их как основания ценностного отношения подростка к себе» [174, с. 360–361].

Изучение специальной литературы позволило сделать вывод: в раннем юношеском возрасте происходит изменение особенностей уровня притязаний в сторону большей личностной зрелости. Важно отметить, что оно идет в направлении, как бы обратном тем изменениям, которые происходят в этот период в самопознании, образе Я и отношении к себе. А. В. Алексеева считает, если последние характеризуются все большей целостностью, интегративностью, то отношение к результатам собственной деятельности — дифференцированностью, формированием способности отделять успешность или неуспешность в конкретной деятельности от оценки себя как личности [4]. Таким образом, в раннем юношеском возрасте в рамках становления нового уровня самосознания происходит становление относительно устойчивого представления о себе, Я-концепции. К 16–17 годам возникает особое личностное новообразование, которое в психологической литературе обозначается термином «самоопределение».

Для характеристики проблемы личностного самоопределения следует отметить существенное положение: высокий уровень развития личности характеризует уровень ценностно-смысловой детерминации, уровень существования в мире смыслов и ценностей [33]. Как указывают Б. С. Братусь [33], Ю. Б. Гиппенрейтер [52], Е. В. Сидоренко [199] и др., для личности основная плоскость движения — нравственно-ценностная. В исследованиях раннего юношеского возраста подчеркивается, что основной потребностью старшеклассника является стремление занять определенное место в обществе. В работах Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, Д. И. Фельдштейна стремление занять новую социальную позицию рассматривается как характерное для всех межвозрастных переходов и представляет собой, собственно, один из механизмов этих переходов. Специфика заключается в том, что, как справедливо отмечал П. П. Блонский [164], с каждым последующим возрастным этапом расширяется круг общения ребенка; это означает, что расширяется адресат этого общения, представленность в этом общении общества как целого. Кроме того, меняются также его содержание и средства. В раннем юношеском возрасте таким адресатом становится общество в целом, школьник выходит на общение с обществом (шире — с миром человеческой культуры) напрямую. В концепции Д. Б. Эльконина в этот период развития отмечается «поворот»

от направленности на мир к направленности на самого себя [253]. Л. И. Божович отмечала, что в ранней юности в общем развитии появляются новые, более широкие интересы, личные увлечения и желание занять более самостоятельную, более взрослую позицию в жизни [31].

Так, в работах Д. И. Фельдштейна показано, что юношеский возраст является сензитивным для формирования мотивации общественно полезной деятельности, т. е. деятельности, направленной на пользу всего общества [221–222]. Содержательно это означает, что на этом уровне юношей решается проблема взаимоотношений себя с обществом, определение себя в обществе и через общество. Потребность в смысле жизни, считает К. Обуховский, позволяет человеку, во-первых, интегрировать многочисленные требования, идущие из разных сфер его жизнедеятельности, строя жизнь не как последовательность разрозненных случайностей, а как целостный процесс, имеющий цели и преемственность, и, во-вторых, помогает человеку интегрировать все его способности, максимально их мобилизовать, следуя задачам, которые ставятся им в соответствии с выработанной Я-концепцией и концепцией жизни [153]. Трудность заключается в том, что ранняя юность, создавая внутренние условия, благоприятные для того, чтобы человек начал задумываться о том, для чего он живет, не дает средств, достаточных для ее решения. Известно, что проблема смысла жизни — не только мировоззренческая, но и вполне практическая. Способ ее решения содержится как внутри человека, так и вне его — в мире, где раскрываются его способности, в его деятельности, в чувстве социальной ответственности. По мнению К. Обуховского, это как раз и образует тот дефицит, который часто болезненно ощущается в юности [153]. Таким образом, замыкаясь на самом себе, поиск смысла жизни обречен на то, чтобы остаться лишь упражнением юношеского мышления, что создает реальную опасность устойчивого эгоцентризма и ухода в себя, особенно у юношей с чертами невротизма или предрасположенного к нему в связи с особенностями предшествующего развития (низкое самоуважение, плохие человеческие контакты) [153].

Рассмотрим особенности образа Я старшеклассников, воспитанников учреждений интернатного типа. Анализ специальной литературы показал, что эти особенности чаще связывают со следующими факторами: отсутствием семейного воспитания (И. В. Дубровина, М. И. Лисина [65], И. Ленгмаейер, З. Матейчек [110] и др.), с навыками общения (А. М. Прихожан [166], Т. В. Снигерева [202] и др.), с государственной опекой взрослыми (М. Ю. Кондратьев [98], М. И. Лисина [111] и др.), с условиями закрытого детского учреждения (В. С. Мухина [144], Н. К. Радина [175] и др.). Сходные точки зрения психологов Р. Бернса [26], В. Н. Колесникова [90], Э. Эриксона [254] и др. определяют психологическое время личности как

способность к соотношению себя настоящего с собой в прошлом и будущем. По мнению В. С. Мухиной, это позитивное образование развивающейся личности, обеспечивающее ее полноценное существование. Как утверждает В. С. Мухина, отсутствие положительной связи со своим прошлым, характерное для воспитанников детского дома, провоцирует проблемы с личностной идентификацией, с планированием своего будущего, с формированием ценностей [144]. По мнению Т. И. Юферевой, выявленная ограниченность мотивации у таких старшеклассников проявилось в особенностях формирования существенного новообразования подросткового возраста, каким является «обращенность в будущее» [255, с. 374]. При сравнении временной перспективы старшеклассников, воспитывающихся в детских домах, и из массовой школы, обнаружено, что временная перспектива у последних значительно глубже, чем у их сверстников из детского дома. Н. Н. Толстых отмечает, что сюда входят и мотивы общения с другими людьми в будущем (стремление иметь друзей, вступить в брак), и мотивы, связанные с развитием собственного «Я». Эти группы мотивов временной перспективы также значительно менее выражены у воспитанников детского дома. Они представлены незначительно и относятся лишь к периоду актуальной жизнедеятельности и самого ближайшего будущего [218].

Й. Ленгмейер и З. Матейчик отмечают, что у детей, воспитывающихся вне семьи, отсутствие четких представлений о своем прошлом препятствует становлению перспективы будущего. И более всего они живут только в настоящем. «Неясность в собственном прошлом и в причинах собственного «социального» осиротения выявилась как фактор, препятствующий созданию собственной идентичности. Борьба за новую идентичность является, по-видимому, одной из основных проблем детей в период исправления депривации. <...> Видно, что выход за границы настоящего, в котором эти дети почти исключительно проживали, причем выход в обоих направлениях: в прошлое и будущее, представляет условие для приобретения новой жизненной уверенности и новой идентичности, а тем самым и условие бегства из порочного круга психической депривации» [110, с. 279–280].

Исследования А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых показали, что реакции старшеклассников из массовой школы более разнообразны, у них часто встречаются конструктивные реакции, когда ребенок в сложной ситуации самостоятельно пытается найти некоторый разумный выход. В детском доме преобладающими оказываются реакции защитного типа, не дающие возможности овладеть ситуацией и найти конструктивное решение. Последнее свидетельствует о «слабости личности», которая выражается в жесткой привязанности к ситуации, неумении эмоционально отвлечься от «фрустратора», самостоятельно найти выход из конфлик-

та, неспособность взять на себя ответственность за его решение, стремление переложить эту ответственность на окружающих. Значение индекса самостоятельности при интерпретации теста Розенцвейга в школе оказалось намного выше, чем в детском доме [167]. С нашей точки зрения, важно отметить следующее: у выпускников детского дома не только не формируется в достаточной степени стремление к самостоятельности, ответственности за свои поступки, умение организовывать свою жизнь, но и в качестве ценности выделяется прямо противоположное — признание необходимости внешнего контроля над своим поведением. Эти особенности психического развития детей из детского дома, как указывают И. В. Дубровина, М. И. Лисина, при внимательном психологическом анализе обнаруживают очевидную связь с теми различиями в условиях жизни и воспитания детей в семье и вне семьи, которые проявляются, прежде всего, в практике общения ребенка с взрослым [65]. Ограниченное, преимущественно групповое общение детей со взрослыми не предоставляет ребенку самостоятельности: твердый режим дня, постоянные указания взрослого, что следует делать в тот или иной момент времени, контроль со стороны взрослого — все это, по мнению Н. К. Радиной, лишает детей необходимости самостоятельно планировать, осуществлять и контролировать свое поведение и, напротив, формирует привычку к «пошаговому» выполнению чужих указаний [175].

По мнению А. М. Прихожан, для воспитанников детского дома, как оказалось, наибольшую значимость имеет собственное умение ловко приспособиться к ситуации. Если утверждение собственного «Я», завоевание права вести себя «как хочешь» у школьников из семьи идет через активное противопоставление себя ситуации, привычным нормам, требованиям взрослых, то у старшеклассников из детского дома — через приспособление к этой ситуации, в чем проявляется защитный характер такого поведения, ценимого ими в себе, в своем образе Я [166].

Исследователи отмечают, что критическим фактором, определяющим особенности психического развития детей в детском доме, трудности их обучения и воспитания, выступает отсутствие положительного влияния семьи [65]. По мнению М. Ю. Кондратьева [98], М. И. Лисиной [111], развитие всех аспектов «Я» у воспитанников детских домов имеет качественно иную форму, развивается по другому типу — у них чаще складывается устойчивая заниженная самооценка. У юноши, растущего в семье, ярко выражено эмоциональное отношение к себе, причем чаще всего положительное. Такой ребенок принимает, любит себя вне зависимости от оценок (как окружающих людей, так и своих собственных). Старшеклассник из детского дома преимущественно определяет степень значимости себя по оценкам других, эмоциональное же отношение к себе — любовь или

даже нелюбовь к себе — у него практически не выражено [98]. Ребенок, с раннего детства растущий вне семьи, лишен безусловной любви, поэтому, по мнению А. М. Прихожан, для него характерно простое, одномерное, нерасчлененное отношение к себе, сводящееся к оценке [166]. Таким образом, отношение к себе у воспитанников детского дома, по сути, повторяет оценку окружающих. У их сверстников в этом возрасте идет активный процесс становления собственного отношения к себе, основанного на собственных представлениях, выработка собственных критериев оценки себя, происходит, наконец, напряженная работа по преобразованию, развитию собственной личности в соответствии со своими собственными критериями.

Сформулируем особенности развития личности в юношеском возрасте: ориентация учащихся на свой внутренний мир, активные действия с образом Я, сознательно-волевая регуляция своего поведения и деятельности. Программа нашего исследования опирается на стадии развития образа Я в раннем юношеском возрасте, рассматриваемые Л. С. Выготским. На первой стадии субъект демонстрирует свой образ Я окружающим, осмысливает свои внутренние характеристики, причем его образ Я нередко оказывается противоречивым; на второй — происходит осмысление разных ситуаций сквозь призму своего образа Я, происходит осознанное исследование образа Я; на третьей стадии субъект помещает свой образ Я в разные проблемные ситуации общения; на четвертой — субъект активно и целенаправленно меняет и развивает свой образ Я [49]. По мнению Р. Бернса, положительный образ Я определяется тремя факторами: твердой убежденностью в импонировании другим людям, уверенности в способности к тому или иному виду деятельности и чувством собственной значимости, причем третья составляющая является скорее следствием первых двух [26].

Таким образом, важное место во внутренней жизни юношества занимает проблема поиска смысла жизни и идеалов как самая главная для построения планов будущей жизни. В то же время юноши характеризуются как страдающие от чувства одиночества, непонимания и социального давления со стороны общества. Это создает реальную проблему формирования позитивной Я-концепции. Однако несмотря на все субъективные трудности, эти искания содержат в себе высокий позитивный потенциал: в поиске смысла жизни развивается мировоззрение, расширяется система ценностей, формируется нравственный стержень, юноша начинает лучше понимать окружающий мир и самого себя, становится в действительности самим собой [26]. Личностное самоопределение отнюдь не завершается в раннем юношеском возрасте, в ходе дальнейшего развития человек приходит к новому личностному самоопределению.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что особенности развития личности в юношеском возрасте включают ориентацию учащихся на свой внутренний мир, активные действия с образом Я, сознательно-волевую регуляцию своего поведения и деятельности. Соответственно структурным компонентам самосознания (когнитивному, эмоциональному, мотивационно-целевому, поведенческому) можно выделить стадии в развитии образа Я в раннем юношеском возрасте. На первой стадии субъект демонстрирует свой образ Я окружающим, осмысливает свои внутренние характеристики, причем его образ я нередко оказывается противоречивым. На второй — происходит осмысление разных ситуаций сквозь призму своего образа Я, осознанное исследование образа Я. На третьей стадии субъект помещает свой образ Я в разные проблемные ситуации общения. На четвертой — активно и целенаправленно меняет и развивает свой образ Я.

Нарушения в формировании Я-образа на любой из указанных стадий, будь то негативные вмешательства, психическое насилие, физический вред, приводят к нарушению целостной системы Я-образа личности как важнейшего феномена в ее самосознании. Следовательно, по мере развития всех сфер самосознания, формирования навыков работы над собой в юношеском возрасте уменьшается разрыв между: 1) стремлением юноши совершенствовать себя и реализацией этого стремления в деятельности, поведении и общении; 2) реальным и идеальным образом Я в представлении старшеклассника. Теперь самосознание не просто отражает особенности формирования личности, но и само значительно влияет на весь процесс дальнейшего ее становления. Поэтому юношеская стадия самосознания будет определять не только пути последующего его развития, но и в большей степени психическое развитие личности в целом.

1.4. Влияние насилия на образ Я личности старшеклассника

Существование таких явлений, как телесные наказания и психическое насилие, ставит перед обществом множество морально-этических, юридическо-правовых, социальных и медицинских проблем. Психологическое исследование насилия (abuse) через изучение непосредственных и отставленных эффектов травмы, описание феноменологии, классификации, типологии позволяет решить задачи профилактики, диагностики и реабилитации виктимных личностей. Формирование представлений об особой личностной структуре, развивающейся вследствие переживаемого в детстве насилия, дает возможность по-новому взглянуть на причины расстройств, аддикций, девиаций.

Изучение изменений в образе Я личности под воздействием негативных условий (социальных, психологических, экологических и др.) было обозначено как виктимологический аспект проблемы самосознания. Анализ специальной литературы по проблемам предотвращения насилия свидетельствует о том, что возникнув как способ ответа на насилие, психологические новообразования постепенно обретают собственное развитие (Е. В. Руденский, Э. Фромм и др.). Их становление продолжается даже при отсутствии некогда вызвавших их причин, приводит к доминированию отрицательных качеств в личностной системе и дальнейшему искажению образа Я (Л. С. Алексеева, Э. С. Мельникова, А. В. Мудрик, В. М. Раева, Д. В. Ривман и др.).

Анализ научных публикаций [5, 79, 91, 99, 104, 133, 149, 154, 165, 208, 215, 227, 236 и др.] не вызывает сомнения, что проблема насилия над личностью далека от разрешения и требует новых исследовательских программ, оригинальных методологических подходов, постоянного внимания к психотерапевтической работе с клиентами, пережившими подобный опыт.

Опираясь на данные, имеющиеся в современной отечественной (Л. С. Алексеева [6], А. И. Анциферова [16], Л. Г. Дикая и А. В. Махнач [64], А. И. Захаров [66], Ц. П. Короленко и Т. А. Донских [100], Е. В. Руденский [188], Е. Т. Соколова [206] и др.) и зарубежной психологической литературе (А. Бандура, Р. Уолтерс [22], Р. Ленг [113], С. Мураяма [143], Дж. Мэнделл и Л. Дамон [146], Г. Селье [196], Д. Шапиро [245], С. Cahill, S. P. Llewelyn, С. Pearson [262], О. Е. Klapp [264], Н. Markus, P. Nurius [265], М. James [267], R. A. Josephs [268] и др.), считаем возможным выделить несколько основных направлений в изучении насилия над детьми: психологические аспекты семейного насилия (А. И. Анциферова, С. В. Ильина, Е. Т. Соколова, J. Bowlby, М. James и др.), сексуального насилия (В. Л. Васильев, О. А. Кравцова, Дж. Мэнделл, Л. Дамон, С. Cahill и др.), психологические аспекты в области психолого-педагогической виктимологии проблемы насилия в школьной среде (С. Мураяма, Е. В. Руденский, О. Е. Klapp и др.), в учреждениях интернатного типа (В. С. Мухина, М. Ю. Кондратьев, Н. К. Радина и др.), виктимологической профилактики детей из «групп риска» (Г. К. Валликас, Л. Г. Дикая, А. В. Махнач, Ц. П. Короленко, Т. А. Донских и др.).

Согласно теории интерактивного виктимогенеза, дефицитарной деформации развития личности, разработанной Е. В. Руденским [188–191], существуют следующие подходы к определению источников деформации развития личности — интерактивного виктимогенеза личности. Психотравматический — переживание травматического события как значимого факта личной жизни. Дефицитарный — переживание невозможности удовлетворения потребности вследствие дефекта интерактивной системы развития личности, обусловленного рядом факторов, связанных с доминирующими

нированием компенсирующих интерактивных стилей личности значимого для развивающейся личности юноши лица. Виктимогенный — виктимогенная интерактивная ситуация, характеризуется преобладанием насильственно-манипулятивного интерактивного стиля виктимогенного агента социализации, формирующая противоречивость самооценок развивающейся личности старшеклассника.

В настоящее время термин «виктимология» чаще используется для обозначения самостоятельного научного направления, занимающегося изучением жертвы и связанного с криминологией, криминалистикой, судебной статистикой, что прослеживается в работах Э. С. Мельниковой, Д. В. Ривмана, Л. В. Франка, В. Е. Христенко и др. [134, 183, 225, 236]. Исследования отечественных ученых, таких как Ю. Н. Антонян, Е. Е. Вахрамов, Л. В. Ильина, Т. И. Колесникова, С. С. Остроумов, В. Н. Полубянский, Е. В. Руденский, Н. В. Тарабрина и др., позволяющие раскрыть личностные особенности, приводящие к виктимогенному комплексу жертвы. В этих работах внимание отводится психологическим аспектам при изучении роли жертвы в генезисе преступления, ее межличностным связям и отношениям, профилактики виктимности личности.

Виктимологические исследования Д. В. Ривмана показывают, что «индивидуальная виктимность проявляется избирательно» [183, с. 38–44]. Виктимность понимается как своего рода способность стать жертвой негативных явлений: человек ею еще не стал, но у него имеются такие индивидуально-психологические особенности, качества личности, которые делают его при определенных обстоятельствах жертвой, причем скорее и легче, чем другого, у кого этих качеств личности нет [183]. «Способность», по мнению С. Д. Смирнова, Т. В. Корниловой, Е. Л. Григоренко [201], Н. В. Соловьевой [208], В. Л. Франка [226] и др., не совпадает с «предрасположенностью», потому что значительная часть признаков виктимной личности приобретает юношей в процессе контактов с негативными условиями жизни. Вместе с тем А. Д. Кошелева, Л. С. Алексеева [104], Э. С. Мельникова [134], В. Я. Рыбальская [192] указывают, что нельзя отвлекаться и от таких чисто возрастных признаков юношей, как любознательность, доверчивость, неопытность, простодушие. В целом же следует констатировать, что совокупность генетических, демографических и индивидуальных психологических качеств личности старшеклассников при серьезных изменениях привычной для них среды жизни и воспитания формирует признаки личности, делающие их уязвимыми к неблагоприятным изменениям этих привычных условий.

Дж. Котлер, Р. Браун, В. М. Раева и другие считают, что в отношении таких подростков и юношей следует придерживаться следующих правил: быстрое изъятие их из виктимогенной зоны; первоочередное воздействие

на наиболее провоцирующие условия, например, существенные изменения макросреды их обитания [103; 176]. Э.С. Мельникова отмечает, что процессы виктимизации идут быстро на первом этапе изменения ситуации в макросреде, но, как правило, имеют шлейф негативных последствий [133, 134]. Большинство исследователей сходятся в том, что результатами пережитого в детстве насилия, так называемыми Н.В. Тарабриной отставленными эффектами травмы, являются нарушения Я-концепции, чувство вины, депрессия, трудности в межличностных отношениях и сексуальные дисфункции [214]. Это же можно проследить и в работах Е.Ф. Василюк, Л.Г. Дикой, А.В. Махнач, Е.С. Меньшиковой, Е.В. Руденского, Е.М. Черепановой, L. Schneiderman, M. James, и др. [41, 64, 135, 189, 240, 267, 270].

Особое внимание в настоящее время уделяется феномену нарушения физических и эмоциональных границ как последствию насилия, пережитого в детстве, в результате которого травматический опыт хронифицируется. Вторжение влечет нарушение отношений с собственным телом, которое включает, по мнению О.А. Кравцовой, Е.И. Николаева, В.П. Купчик, А.М. Сафонова не только изменение позитивного отношения к нему, но и искажение телесной экспрессии, стиля движений, таким образом, меняется самоотношение, самопринятие личности [105; 150]. С.В. Ильина, С. Cahill отмечают, что отсроченные последствия насилия, пережитого в детстве, лишь в последнее время становятся объектом эмпирических исследований в психологии [77; 262; 263].

А.Н. Леонтьев констатировал, что личность человека определяется не внутренними и не внешними условиями, а также не их совокупностью, а тем содержательным процессом, в котором все они преломляются и выступают в качестве внутреннего соотношения, «заклученного в самом процессе развития личности» [117, с. 200]. Главную задачу А.Н. Леонтьев видит в том, чтобы осуществить «исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях» [115, с. 173]. По его мнению, «какие бы психические явления мы не рассматривали, они неизбежно обнаруживают свой чувственный источник; что, стало быть, психическое по *главнейшей своей характеристике* есть отражение субъектом воздействующей на него реальности, в связи и отношения с которой он выступает» [123, с. 325]. С.Р. Пантелеев определяет самоотношение вслед за Л.С. Выготским, как выражения смысла Я, как личностное образование, что «его содержание может быть раскрыто лишь в контексте реальных жизненных отношений субъекта, социальных ситуаций его развития» [160, с. 241]. У. Томас подчеркивал роль ситуации, ситуационной обусловленности в поведении человека, делал акцент на возможности его адекватного объяснения лишь с помощью понимания субъек-

тивного значения ситуации для данного индивида. По мнению У. Томаса, определение ситуации не просто детерминирует следующие из данного определения действия индивида, но и «весь образ жизни и самое личностное следует из цепи таких определений» [60, с. 10]. Он утверждает, что индивидуальные восприятия и когниции об окружающей социальной реальности более важны, чем объективно измеряемые социальные факты, описывающие эту реальность, что субъекта необходимо изучать, анализируя ситуацию с его позиций [60].

Анализ научной литературы показывает, что любая ситуация насилия, в которой оказывается ребенок, носит полифакторный характер [6, 64, 104, 135, 146 и др.]. По мнению Н. В. Гришиной, вопрос о том, будет ли происшедшее переживаться как травма в дальнейшем, решается в зависимости от индивидуальных особенностей ребенка, условий, в которых протекает его развитие, характера воздействия и многих других факторов [60]. В этом контексте виктимологический подход к психологическому развитию личности отличается от патопсихологии детства и дефектологии [180, 236, 245 и др.]. Это отличие заложено в концептуальной позиции нашего исследования: рассмотрение нарушения становления личности и обоснование такого нарушения с позиции виктимологии, где деформированная личность — это жертва обстоятельств своего развития [12, 184, 190, 225 и др.]. В меняющемся мире существует большое количество условий, способствующих виктимизации. Среди их многообразия как ведущие выделяются социальные и феноменологические факторы. Феноменологические факторы связаны с теми внутренними изменениями в человеке, которые происходят под влиянием неблагоприятных факторов воспитания и социализации. Сформировавшись и закрепившись, данные внутренние изменения сами становятся условием развития новых виктимогенных факторов [190]. Р. В. Овчарова, определяя для личности школьника риск эмоционального отвержения, психического и физического насилия, указывает на «области отношений, в которых реализуется социализация: сферу семьи, образования, государственных учреждений интернатного типа» [154, с. 301].

Обратимся к определению видов насилия в указанных областях отношений. Существует несколько параметров, по которым классифицируется насилие. Так, насилие может быть явным и скрытым (косвенным) в зависимости от стратегии поведения обидчика. По времени насилие делится на происходящее в настоящем и случившееся в прошлом. По длительности оно может быть единичным или множественным, длящимся годы. По месту происшествя и отражения насилие бывает: дома — со стороны родственников, в школе — со стороны педагогов или детей, на улице — со стороны детей или незнакомых взрослых [214, с. 65].

Классификация видов насилия, изложенная в «Руководстве по предупреждению насилия над детьми» (1997) под редакцией М. Д. Асановой, определяет физическое насилие как любое неслучайное нанесение повреждения ребенку в возрасте до 18 лет; сексуальное насилие — использование ребенка другим лицом для получения сексуального удовлетворения; пренебрежение — хроническая неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребенка, не достигшего 18-летнего возраста, в пище, одежде, жилье, образовании, защите, уходе и присмотре; психологическое насилие — хронические паттерны поведения, такие как унижение, оскорбления, издевательства и высмеивание ребенка [6]. Юридическое определение констатирует, что жертва — физическое лицо, которому прямо или косвенно причинен вред преступлением [183, с. 3; 227, с. 85]. Семейное насилие в проекте Федерального закона «Об основах социально-правовой защиты семьи», разработанного Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы РФ определяется как «любое умышленное действие одного члена семьи против другого, если это действие ущемляет конституционные права и свободы члена семьи как гражданина, причиняет ему физическую боль, наносит вред или содержит угрозу причинения вреда его физическому, психическому здоровью, а также психическому, физическому или личностному развитию несовершеннолетнего члена семьи» [5, с. 33].

В специальной методической литературе по проблемам предотвращения насилия приводятся следующие определения. Физическое насилие — это реальное причинение физического вреда, под которым понимается нарушение анатомо-физиологической целостности человека. Оно может быть следствием нанесения ударов, побоев, ранений и иного воздействия на наружные покровы человека посредством применения физической силы, холодного огнестрельного оружия либо иных предметов, жидкостей, сыпучих веществ и т. д. Угрозой насилия является психическое воздействие, оказанное на другого, с целью создания представления о реальной возможности нанесения вреда его жизни, физическому или психическому здоровью, ущерба его неприкосновенности или свободы. Это средство воздействия на психику, направленное на то, чтобы заставить одного члена семьи подчиниться преступным требованиям другого. Угроза чаще всего выражается в создании впечатления неизбежной расправы при помощи определенных словесных заявлений, жестов, демонстрации оружия или других предметов. Психологическое насилие выражено словосочетанием «угроза применения насилия», однако «ограничение свободы волеизъявления (независимо от реальности наступления физического вреда), оскорбления могут причинить психологическую травму» [5, с. 24]. Исследователи О. А. Кравцова, В. С. Мухина и др. указывают, что только

сексуальное или физическое насилие, взятые сами по себе, не дают полной картины природы и генезиса нарушений развития личности ребенка [105; 144]. А. С. Алексеева, Н. Г. Осухова отмечают, что «чрезвычайно много для прояснения и классификации различных форм насилия дает выделение категории психологического, или эмоционального, насилия» [6, с. 8]. Е. Т. Соколова считает, что различные формы психологического насилия над ребенком в семье в большей степени, чем физическое или сексуальное насилие, создают ситуацию, непригодную для жизни ребенка [206].

Если же ситуация давления становится хронической, добавляются такие формы насилия, как инцест, избиения, то в юношеском возрасте, как считает С. В. Ильина, формируется особая личностная структура, характеризующаяся диффузной самоидентичностью, полезависимым когнитивным стилем, привязанностью самооенок к оценкам других людей [77]. Любое продолжительное потрясение, психологическая травма «приостанавливают психологическое развитие или отбрасывают его назад — на многие недели, месяцы и даже годы» [6, с. 9]. К насилию Н. В. Тарабрина относит и травматические ситуации: «Такие экстремальные критические события, которые обладают мощным негативным воздействием, ситуации угрозы, требующие от индивида экстраординарных усилий по совладению с последствиями воздействия» [214, с. 52]. Они могут принимать форму необычных обстоятельств или ряда событий, которые подвергают индивида экстремальному, интенсивному воздействию угрозы жизни или здоровью, как самого индивида, так и его значимых близких, коренным образом нарушая чувство безопасности индивида. Эти ситуации могут быть «либо непродолжительными, но чрезвычайно мощными по силе воздействия — тип 1 (от нескольких минут до нескольких часов), либо длительными или регулярно повторяющимися — тип 2» [214, с. 52].

По мнению Н. В. Тарабриной, результатом воздействия травмы типа 2 «может стать изменение Я-концепции и образа мира индивида, что может сопровождаться чувством вины, стыда и снижением самооценки» [214, с. 53]. В период ранней юности это влияет на изменение образа Я в самосознании личности и может проявляться в расхождениях между реальным и идеальным образом Я, во взаимоотношении с окружающими. Нарушения, возникающие после насилия, затрагивают все уровни человеческого функционирования. Они приводят к стойким личностным изменениям, которые препятствуют способности реализовать себя в будущем. Как правило, ребенок-жертва страдает одновременно от нескольких форм насилия. П. Дейл полагает, что в основе любой формы семейного насилия лежит насилие эмоциональное, депривация, отвержение, которое он называет «особенно коварным», «причиняющим значительный ущерб развитию личности» [77]. Сравним с точкой зрения Н. В. Тарабри-

ной: «Эмоциональная боль, всегда присутствующая в ситуации жестокого обращения и порождаемая сексуальным или физическим воздействием и атмосферой страха, унижения, становится подлинной трагедией для ребенка» [205, с. 66]. Отметим, что не всякое физическое или эмоциональное насилие приводят к пожизненным травмам, но всякое насилие влияет на формирование образа Я личности [205]. В реальной жизнедеятельности личности самосознание всегда представляет собой единство самопознания эмоционально-ценностного отношения к себе и саморегулирования деятельности и поведения. По мнению Р. Бернса, под влиянием особых условий (например, экстремальных ситуаций, порождающих яркие и неожиданные эмоции) может резко измениться и перестроиться до этого момента устойчивое знание себя, отношение к себе и возможность на их основе регулировать свое поведение. Чаще всего такое изменение происходит под влиянием ближайшего окружения: родителей, родственников, друзей, учителей [26, с. 61].

Остановимся подробнее на рассмотрении проблемы насилия в семье. В современной отечественной литературе влияние поведения родителей и их отношения к детям на формирование личности ребенка исследовалось в основном «применительно к проблеме происхождения и развития неврозов у детей» [67, с. 196]. Исследования родительских установок и родительского поведения интенсифицировались благодаря расширению клинических наблюдений, в связи с появлением математических методов, позволяющих систематизировать родительское поведение [110, 186, 195]. А. И. Захаровым изучались сообщения матерей о своем поведении, оценки поведения родителей экспертами, сообщения детей о поведении родителей. В результате такие формы родительского поведения, как «позитивная оценка ребенка», «эмоциональная вовлеченность», «навязчивость», «использование страха как средства контроля», «игнорирование» и др., оказалось возможным выразить в виде «круговой модели», в декартовой системе координат осями: «любовь — враждебность» и «автономия — контроль» [68]. А. И. Захаров описывает «сферическую» модель, основанную на выделении трех измерений: первое измерение — «принятие — отвержение», предполагающее на позитивном полюсе принятие ребенка в целом, принятие его индивидуальности, позитивную вовлеченность родителей в заботы ребенка, центрацию на ребенке, а на негативном — враждебное отвержение ребенка; второе измерение — «психологический контроль» — характеризуется контролем через вызывание в ребенке чувства вины, контролем через вызывание тревоги и «враждебным контролем»; третье измерение — «слабый контроль — жесткий контроль» — относится к дисциплинарному аспекту взаимоотношений детей и родителей и характеризуется противопоставлением слабой дисциплины

и автономии контролю. Каждое конкретное поведение родителей интерпретируется как на основе близости с тем или иным поведением в рамках общего фактора, так и соседством на сферической поверхности с третьим видом поведения [67].

К. Хорни рассматривает исследование Бенъямин, где представлен вопрос о соотношении самосознания ребенка (как формы саморегуляции) и отношения родителей к ребенку: эта связь раскрывается как интроекция (перенесение вовнутрь) родительского отношения и способов управления поведением ребенка. Например, «пристыживание» ребенка превращается в самосознании в тенденцию к самообвинению, доминирование родителей в отношениях с ним преобразуется в тенденцию быть «хозяином самого себя», жестокое саморуководство [235]. Образ и самооценка, внушаемые ребенку, могут быть как положительными (ребенку внушается, что он ответственен, добр, умен, способен), так и отрицательными (груб, неумен, неспособен). О неблагоприятном влиянии последних внушений на развитие самосознания ребенка писал Р. Лэнг. Анализируя отношения родителей и детей в таких семьях, он ввел понятие «мистификация» — внушение родителями детям того, в чем они нуждаются, кем являются, во что верят. Одна из форм мистификации — приписывание, которое, в свою очередь, подразделяется на приписывание ребенку «слабости» (например, болезненности, неспособности самому искать выход в трудных ситуациях) и «плохости» (низости, аморальности).

Другая форма мистификации — инвалидация — принудительное обесценивание точек зрения ребенка, его планов, намерений, интересов [212]. Конечно, негативные высказывания родителей о своих детях, по крайней мере, частично, могут иметь под собой реальную «почву» в поведении или чертах характера ребенка, однако транслированные в его самосознание в виде «называния вещей своими именами», родительских приговоров эти родительские мнения и оценки начинают определять самосознание ребенка изнутри. Ребенок, по мнению А. Фрейд, либо соглашается с этим мнением (сознательно или неосознанно), либо начинает против него борьбу [230]. Родительское поведение, рассмотренное в этом аспекте, квалифицируется в рамках оси «принятие — отвержение». Принимающее (внимательное, любовное, уважительное) поведение родителей результирует в самопрятие ребенка, отвергающее (неприятное, пренебрегающее, неуважительное) поведение приводит к неприятию им самого себя, переживанию своей малоценности и ненужности [132]. Ч. Харрис рассматривает этот процесс как формирование установок, характерных не только отношением к себе, но и одновременно отношением к другому. Соответственно, условия воспитания и собственная активность ребенка приводят к формированию в его самосознании одной из четырех устано-

вок (я хорош — ты хорош, я хорош — ты плох, я плох — ты плох, я плох — ты хорош) [234, с. 51–68]. К менее заметным формам насилия относятся принуждения, унижение, манипуляторское отношение и т. п., которые способствуют вторичной виктимизации личности [6, 79, 104, 206]. По мнению Е. С. Меньшиковой, существует опасность «вторичной виктимизации» испытуемых, связанная с реконструкцией раннего детского травматического опыта [135]. Исследования Г. И. Каплан, Б. Сэдок показали, что жертва сталкивается с неизбежностью повторения травматической ситуации, и возникает необходимость выработки защитной адаптивной стратегии, в буквальном смысле «стратегии выживания» [82]. Такой защитой для личности, испытавшей физическое насилие, становится диссоциация. С точки зрения С. В. Ильиной, поскольку тело подвергается насилию и жертва не в состоянии предотвратить это, единство личности сохраняется путем отщепления Я от собственного тела [77]. По мнению А. Лоуэн, результатом становится переживание «оцепенения», «омертвения», дереализация (ощущение нереальности происходящего) и частичная амнезия [124]. Этот процесс напоминает описанный Р. Д. Лэнгом модус поведения «ребенка-шизофреника» в семье — «стратегию, придуманную человеком для того, чтобы жить в непригодной для жизни ситуации» [114, с. 297]. Описывая «расщепленное самобытие» шизофреника, Р. Д. Лэнг отмечает его основную характеристику как «стремление умереть, чтобы выжить». Следствием этого часто бывает низкий «барьер проницаемости» вплоть до способности «стать тем, что воспринимаешь» [114, с. 297]. Как психическое насилие квалифицируется и та ситуация, в которой оказывается юноша в семье с аддиктивным поведением. На наш взгляд, как психологическое насилие для некоторых детей может выступать и воспитание в неполной семье, при отсутствии одного из родителей. По мнению С. В. Ильиной, психический статус ребенка при этом определяется паттерном зависимости от компульсивного поведения родителей, формирующимся как следствие попыток ребенка обрести безопасность, сохранить собственную идентичность и самоуважение. Этот паттерн получил название «со-зависимость» (co-dependence). Ребенок, пытаясь взять на себя решение семейных проблем, отрицает свои собственные потребности. В результате он становится зависимым от потребностей, желаний, надежд и страхов семьи. Такие условия не позволяют ребенку чувствовать себя в безопасности, испытывать безусловную любовь, вести себя спонтанно. Для того чтобы удержать внимание взрослого на себе, ребенок прекращает выражать собственные потребности и становится «со-зависимым» [77]. Результатом такой формы родительского отношения исследователи называют хрупкость и проницаемость границ Я, обесценивание чувств и нарушение способности к установлению эмоциональной близости [137]. Таким образом, очевид-

но, что феномены психического насилия, к которым в настоящее время относят неадекватные родительские установки, эмоциональную депривацию и симбиоз, унижение и угрозы — все, что разрушает отношения привязанности, или, напротив, насильственно их фиксирует, играют важную роль в этиологии личностных расстройств.

Как полагает Е. Т. Соколова, «феномены полярно-неадекватного родительства — эмоциональная депривация и симбиоз — равно переживаются ребенком как потеря или насилие» [204, с. 147]. Всякий раз, когда ребенок жертвует своими насущными потребностями, чувствами, мировоззрением, наконец, в угоду ожиданиям, страхам или воспитательным принципам родителя, будет иметь место психическое насилие. Лишение родительской любви в младенческом и отроческом возрасте, с одной стороны, способствует развитию неутолимого эмоционального голода, а с другой — неумолимо искажает формирующийся образ Я [206]. Нестабильность и «ненадежность эмоциональных отношений делает перцептивный, эмоционально-чувственный образ Другого неконстантным в восприятии ребенка от «тотально плохого» (отвергающего и наказывающего) к «тотально хорошему» (любящему и принимающему) или навсегда становится чужим и потенциально угрожающим» [204, с. 169]. Следовательно, наиболее распространенные формы неадекватного родительского отношения — эмоциональная депривация и эмоциональный симбиоз — не только оказывают исключительно неблагоприятное воздействие на формирующийся образ Я и картину мира ребенка, но и создают психологический базис, особую перцептивную готовность для других форм вторжения, физического и сексуального. В этой связи отметим, контроль над широким классом аффективных состояний осуществляется путем переструктурирования, иерархизации самих этих состояний в соответствии с усвоенными социально-заданными нормами, посредством интеллектуальных стратегий (контролей), разрабатываемых индивидом для решения познавательных задач в условиях интерферирующего (и потенциально всегда разрушительного) воздействия аффективных состояний [113]. Это реакции тревоги, вины, страхи наказания, мазохистские реакции нанесения себе телесного или морального ущерба (самонаказания), извинения, искупления вины, угодливой уступчивости. Р. Ленг отмечает, что согласием с родительской инстанцией Эго удастся обеспечить себе позитивную самооценку (Я — хороший), расплачиваясь потерей самоуважения, зависимостью и поворачиванием агрессии против себя. Более активная позиция Эго включает прямые реакции вызова, неповиновения, обесценивания авторитетов или просьбы, мольбы и требования поддержки, одобрения, утешения [113]. Для старшеклассников типичными являются внутренняя противоречивость, неопределенность уровня притязаний, повышен-

ная застенчивость и одновременно агрессивность, склонность принимать крайние позиции и точки зрения. Поскольку поиск личной идентичности — центральная задача периода взросления, то конфликтным фактором в данном случае является трудность согласования собственных переживаний, переживаний окружающих и приспособления к общественным нормам [254]. Соответственно, мы считаем, что особую трудность создают ситуации принудительной изоляции, насилия, пренебрежения, когда слишком остро ощущается дефицит в положительном образе Я, порождающий неадекватное поведение юноши. Многие проблемы, характерные для старшеклассников, объясняются увеличением расхождения между Я-реальным и Я-идеальным [96], выпадением одной из составляющих положительной Я-концепции [26]. Большое расхождение между реальным и идеальным Я считается тревожным симптомом, так как нередко ведет к нарушениям поведения и социально-психологической адаптации [221].

При становлении образа Я происходит пересмотр ценностных представлений и перенос функции образца с родителей на референтную группу, принятие ценностных представлений, культурных традиций. При неблагоприятных условиях формирования личности школьника (тяжелая обстановка в семье, конфликты с родителями, неудовлетворительные отношения с товарищами, повышенная самооценка, недостатки учебно-воспитательного процесса в школе и т. д.) в этом возрасте может наблюдаться рост асоциальных чувств. По мнению П. М. Якобсон, важным моментом, вызывающим появление обиды, озлобленности старшеклассника, которые могут выразиться в его агрессивной эмоциональной реакции, является пренебрежение взрослых, их недоброжелательное отношение к его запросам, устремлениям, ко всей личности [258]. Отметим также, что общими чертами всех возрастных кризисов, по Л. С. Выготскому, являются непокорность и непослушание [49]. В связи с этим выделяют возможную тенденцию в поведении взрослого, когда глубокие изменения в личности, характере и поведении ребенка провоцируют взрослого на стремление перевоспитать, переделать, исправить. Это, в частности, те воспитательные установки, которые описываются в работах исследователей детских неврозов А. И. Захарова, Е. С. Меньшиковой, К. Хорни [67, 135, 235 и др.]. Таким образом, вероятно, можно говорить о сензитивных к насилию периодах в жизни школьника, когда анатомо-физиологические, гормональные, эмоционально-личностные и психосексуальные изменения делают жертву более травмируемой. Такие периоды, по мнению С. В. Ильиной, являются опасными в отношении физического насилия, жестокого обращения с ребенком, телесных наказаний, и психического насилия [77]. Изменившийся внешний облик и поведение ребенка, по мнению Дж. Мэнделла и Л. Дамона, становятся провокативными не только для потенциального

насилника, но и вызывают у родителей стремление немедленно исправить непослушное чадо, актуализируя те или иные воспитательные установки, способствующие психологической виктимизации старшеклассников [146].

В этом ракурсе В. И. Гарбузовым описаны следующие типы воспитания. «Воспитание по типу А», или эмоциональное отвержение — для него характерна манипуляторская позиция родителя, настроенного на «улучшение», «ломку» врожденного типа реагирования, неприятия индивидуальных особенностей ребенка, жесткий контроль, дисциплина, регламентация жизни сына или дочери, навязывание единственно верного, с точки зрения родителя, способа поведения. «Воспитание по типу Б», или гиперсоциализирующее воспитание характеризуется тревожно-мнительной концентрацией родителя на все социальные проявления ребенка: успеваемость в школе, спортивные достижения, статус среди товарищей и т. п. Такие родители ожидают успехов ребенка, стремятся к его всестороннему развитию, но недооценивают или вовсе не учитывают реальные психофизические возможности ребенка [202]. Е. Т. Соколова, Н. С. Бурлакова описывают еще один тип родительского отношения: воспитание по типу «маленький и плохой», или инвалидизирующее отношение. В этом случае родитель видит ребенка младше по сравнению с реальным возрастом, его интересы и увлечения кажутся родителю детскими, несерьезными. Ребенок видится не приспособленным, не успешным, открытым для дурных влияний, что приводит к отсутствию доверия и чувству досады у родителя [203]. Подобные воспитательные воздействия, квалифицируемые как психологическое насилие, в период кризиса могут переживаться ребенком особенно остро, травмировать особенно глубоко. Кроме того, для многих родителей «дурное поведение» ребенка, неизбежное в период критических изменений, во многих случаях влечет за собой «дурное обращение» с ним, т. е. телесные наказания [6].

J. Bowlby вводит термин «патогенное родительство», определяя его как ключевой этиологический фактор невротических симптомов, личностных расстройств, семейных и супружеских проблем [261]. J. Bowlby выделяет следующие типы неадекватного родительского отношения: отсутствие родителя или отделение ребенка от родителя; отсутствие адекватного ответа на поиск заботы и привязанности, отвержение ребенка; угрозы покинуть ребенка, применяемые как дисциплинарная мера; провоцирование родителем чувства вины или переживания собственной плохости у ребенка; тревожная привязанность к ребенку, связанная с оказанием на него давления. Описывая пагубные последствия подобного родительского отношения, Bowlby отмечает, что в этих случаях происходит формирование той или иной психопатологии, так как мир для таких детей всегда остается двусмысленным, неопределенным и всегда опасным [261].

Другие области отношений, в которых реализуется социализация детей, — сфера образования и государственные учреждения интернатного типа. По мнению Р. В. Овчаровой, можно выделить особенности этой сферы, «в силу которых ребенок подвергается риску эмоционального отвержения, психологического и физического насилия» [154, с. 301]. Анализ литературы по этой проблеме показал, что таких особенностей авторы выделяют достаточно много, но есть и наиболее часто упоминаемые [6, 104, 167, 272 и др.]. Так, школьная среда в общеобразовательной школе, переживающей дифференциацию программ, классов, элитных форм обучения, создает зоны повышенной конфликтности между сверстниками различных социальных групп. Это часто приводит к повышению агрессивности в системе межличностных отношений. Рост социального сиротства, безнадзорности, сопровождается вытеснением детей из благополучных семей на улицу. По мнению Л. С. Алексеевой, Е. В. Бурмистровой, Т. В. Земских, сокращение базы досуга детей приводит к увлечению аддиктивных форм поведения, доминированию культа успеха через насилие [5]. Помощь и защита, предоставляемая государством ребенку, временно или постоянно лишенному семейного окружения, по мнению Р. В. Овчаровой, «осуществляются неоперативно и чрезмерно формализованы» [154, с. 301]. Особые условия обучения и воспитания, создаваемые детям, приводят к тому, что они испытывают серьезные социально-психологические проблемы, в том числе прямое притеснение и дискриминационное отношение при включении в реальную социальную среду. Такие особые условия обучения и воспитания для многих из них «становятся формой социальной и психологической изоляции и изгойства» [154, с. 301].

Отдельная проблема, феномен «мы» в условиях детского дома, представлена в работах А. М. Прихожан, Н. К. Радиной [166, 167, 175 и др.]. Старшеклассники, воспитывающиеся без родителей, делят мир на «свои» и «чужие», на «мы» и «они». Однако внутри своей группы дети, живущие в интернате, чаще всего также обособлены из-за неразвитой и искаженной потребности в любви и признании, из-за эмоционально нестабильного положения ребенка, лишенного родительского попечительства. В школе одноклассники из семей выступают в их сознании как «они», что развивает сложные конкурентные, негативные отношения детдомовских и домашних детей [166].

По мнению И. В. Дубровиной, М. И. Лисиной, ребенок, растущий в условиях учреждений интернатного типа, как правило, не осваивает навыки продуктивного общения. Его контакты поверхностны, нервозны и поспешны: он одновременно домогается внимания и отторгает его, переходя на агрессию или пассивное отчуждение. Нуждаясь в любви и внимании, он не умеет вести себя таким образом, чтобы с ним обща-

лись в соответствии с этой потребностью. В итоге неправильно формирующийся опыт общения приводит к тому, что ребенок занимает по отношению к другим негативную позицию [65]. На наш взгляд, это только провоцирует негативное отношение со стороны одноклассников. Каждый ребенок, живущий в учреждении интернатного типа, вынужден адаптироваться к большому числу сверстников. Многочисленность детей и постоянное пребывание в их кругу создают эмоциональное напряжение, тревожность, усиливающие агрессию ребенка. С точки зрения Н. К. Радиной, формальное дисциплинирование таких детей таит в себе опасность отчуждения во взаимоотношениях [175].

Анализ литературы по проблеме общения детей в детском доме со взрослыми и сверстниками показал, что в детском учреждении интернатного типа дефицит общения ребенка со взрослым приводит к гипертрофии, сверхценности этой потребности, к практически полной зависимости эмоционального благополучия ребенка от отношения к нему взрослого [154, 167 и др.]. Часто воспитатели и педагоги детских учреждений интернатного типа используют силу зависимости ребенка от их настроения, внимания, авторитета для управления его поведением, что может стать причиной психического насилия [65, 111]. По мнению И. Ленгмайер, З. Матейчик, серьезным следствием депривации потребности ребенка в родительской любви является также отсутствие у него чувства уверенности в себе, что, возникнув на ранних стадиях онтогенеза, становится устойчивой характеристикой личности воспитанника детского дома в ранней юности [110]. Как считают А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, воспитанники детского дома менее успешны в решении конфликтов и со взрослыми и со сверстниками, чем учащиеся обычной школы: бросается в глаза агрессивность, стремление обвинить окружающих, неумение и нежелание признать свою вину и, соответственно, — неспособность продуктивного, конструктивного решения конфликта [166, 218].

Особую значимость общение со сверстниками приобретает именно в юношеском возрасте. А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых отмечают, что в этом возрасте наличие близкого друга, оценка себя как умеющего дружить, интерес к другому человеку именно как к другу становятся содержанием наиболее важных для старшеклассника переживаний. Их исследования показали, что такие переживания оказываются нехарактерными для воспитанников детского дома. В этом проявляется существенное недоразвитие того, что в психологии носит название «интимно-личностной стороны общения» [167].

Принадлежность к определенной группе сверстников в детском доме оказывается как бы безусловной. Это ведет к тому, что отношения между сверстниками складываются не как приятельские, дружеские, а по типу

родственников, как между братьями и сестрами. Такую безусловность в общении со сверстниками в учреждении интернатного типа можно, с одной стороны, рассматривать как положительный фактор, способствующий эмоциональной стабильности, защищенности, когда группа сверстников выступает определенным аналогом семьи, с другой стороны, подобные контакты не способствуют развитию навыков общения со сверстниками, умения наладить равноправные отношения с незнакомым ребенком, адекватно оценить свои качества, необходимые для избирательного, дружеского общения [167]. Отсутствие указанных умений, на наш взгляд, приводит к трудностям не только в общении, но и является одним из составляющих комплекса виктимности.

Обратимся еще к одной проблеме: современная школа со всеми ее достоинствами и недостатками продолжает оставаться сферой, где проходит социализация личности.

Как отмечают Р.В. Овчарова, А. А. Реан, Я. Л. Коломинский, Т. В. Снегирева, Е. М. Черепанова и др., в школе старшеклассник тоже может стать жертвой насилия [154, 180, 202, 240]. В психологической литературе выделяют направления исследования, рассматриваемые нами как факторы, провоцирующие психическое насилие в школе; а именно: дезадаптация (А. И. Липкина, Л. А. Рыбак [121], Е. В. Руденский [188] и др.), проблемы общения с педагогами (Н. П. Анисеева [13] и др.), с одноклассниками (А. Г. Лидерс [119] и др.), школьный «моббинг» (А. И. Захаров [67] и др.), различное социальное положение (С. Мураяма [143] и др.), разная национальная принадлежность (Ю. Г. Очинникова [155] и др.).

Остановимся на концепции Е. В. Руденского, в которой рассмотрена деформация личности старшеклассника в современной школе. Деструктивные интерактивные стили семейного и педагогического общения самого разнообразного генезиса, создающие внешний психологический дискомфорт для развивающейся личности, дезинтеграция системы социальной культуры, приведшая к социально-стрессовым расстройствам, по результатам исследований Е. В. Руденского, определяют формирование дефицитарной деформации личности старшеклассника. В результате возникает деструктивное напряжение в виде эмоционального дискомфорта, тревоги и т. д.

Сильное поле эмоционального напряжения деформирует Я-концепцию, осуществляющую регуляторную функцию по отношению к механизмам социального функционирования личности [188–191]. По мнению Е. В. Руденского, аккумуляция психического напряжения в сочетании с возрастным психологическим фактором риска, в юношеском возрасте создает разнообразные формы компенсации: от девиантной до аддиктивной. Таким образом, деформация Я-концепции — это искажение образа Я личности,

которое препятствует ее адаптации и самоактуализации [189]. Деформированная Я-концепция на уровне динамического фактора актуализирует интерпсихическую защиту (для снижения эмоционального напряжения), тем самым блокирует самоактуализационные ресурсы личности [190].

Самоактуализация личности включает в себя воспитание самопонимания и самосовершенствования, одна из характерных особенностей юношеского возраста — развитие интереса к своему внутреннему миру, который стимулирует процесс самопознания. Результатом этого процесса является становление Я-концепции, которая содержит, в частности, представления о своих способностях решать основные социальные задачи взрослой жизни.

Низкая оценка своих социальных способностей может быть причиной формирования чувства беспомощности — устойчивого отношения человека к себе как к неспособному решать задачи, возникающие при взаимодействии с социумом, лишенному как внешних, так и внутренних ресурсов, необходимых для этого. Под беспомощностью Д. Майерс определяет убеждение человека в отсутствии у него средств для решения какой-либо проблемы [128]. Вследствие этого мы считаем, что чувство социальной беспомощности усиливает предрасположенность человека стать жертвой, прежде всего, психологического насилия. Мы согласны с мнением П. М. Якобсон, что при неблагоприятных условиях формирования личности школьника (тяжелая обстановка в семье, конфликты с родителями, неудовлетворительные отношения с товарищами, повышенная самооценка, недостатки учебно-воспитательного процесса в школе и т. д.) в юношеском возрасте может наблюдаться рост асоциальных чувств.

Важным моментом, вызывающим появление обиды, озлобленности старшеклассника, которые могут выразиться в его агрессивной эмоциональной реакции, является недоброжелательное отношение взрослых к его запросам, ко всей личности старшеклассника [257].

Таким образом, любая ситуация насилия окажется подготовленной всей предыдущей историей жизни старшеклассника — историей его детско-родительских отношений. Тем более что ни одна форма насилия не изолирована от тех видов психологического ущерба, которые наносит патогенное родительство. Следовательно, каждый акт насилия есть сочетание различных вариаций насилия.

В заключение данного параграфа подчеркнем следующее. Всякое насилие над личностью не выступает изолированно от психического насилия. Наиболее распространенные формы психического насилия проявляются чаще в семье и в школе. Анализ работ представителей различных теоретических ориентаций (А. И. Захаров, И. Ленгмаейер, А. Лоуэн, Р. Лэнг, Д. Майерс, З. Матейчик, А. М. Прихожан, Е. Т. Соколова, Ч. Харрис,

А. Фрейд и др.) показал, что все они сходятся в признании патогенного влияния психического насилия на личность ребенка в школе.

Психическое насилие оказывает неблагоприятное воздействие на формирующийся образ Я, создает особую готовность, виктимный комплекс для других форм насилия, в качестве которых в психологической литературе указываются: телесные наказания, принуждения, манипуляторство, неадекватные родительские установки, унижение личности юноши. Отсутствие умений адекватно оценить свои качества, наладить равноправные отношения, отсутствие навыков общения со взрослыми и со сверстниками приводит к деформации личности в школьной среде, к усилению виктимизации личности в семье, в детском доме.

Особую трудность в психологической виктимизации старшеклассника создают ситуации физического и психического насилия, принудительной изоляции, пренебрежения, поскольку остро ощущается дефицит в положительном образе Я, порождающий неадекватное поведение. Таким образом, психическое насилие приводит в юношеском возрасте к разнообразным формам компенсации, искажающим образ Я личности, препятствующим адаптации и развитию самосознания и самоактуализации.

Анализ специальной психологической литературы позволил нам рассмотреть теоретико-методологические подходы в исследовании самосознания, основные компоненты, структуру самосознания, образа Я, подходы в современной психологии к изучению особенностей развития образа Я в раннем юношеском возрасте, направления в исследовании психических и физических форм насилия, виктимизации старшеклассников.

Следует отметить, что процесс самопознания сопряжен с переживаниями, в которых отражено собственное отношение личности к познаваемому в себе. Так, в образе Я обнаруживается интегративная тенденция развития — из многих эмоциональных состояний личности относительно самой себя складывается обобщенное эмоционально-ценностное и когнитивное отношение к себе. Обобщенные результаты познания себя и эмоционально-ценностного отношения к себе закрепляются в соответствующую самооценку, которая включается в систему регуляции поведения в форме саморегулирования.

В современной психологии представители различных теоретических ориентаций признают патогенное влияние физического и психического насилия на личность ребенка. На поведение старшеклассников оказывают влияние такие возрастные особенности, как внушаемость, подчиняемость авторитету взрослого человека, излишняя доверчивость, не критичность, отсутствие антиципации и жизненного опыта в сочетании со стремлением к самостоятельности, к дружбе, идентификации с группой, любопытством и любознательностью, которые побуждают юношей к исследованию неиз-

вестных явлений, что может при соответствующих социальных условиях привести к повышению виктимности. Следовательно, у психически здоровых старшеклассников имеется потенциальный комплекс виктимности.

Опираясь на описанные выше результаты теоретического анализа, в рамках нашего исследования рассматриваем соотношение образа Я и самосознания как внутреннюю сторону субъективной реальности, отражающую объективную реальность, субстанциональной основой которой является сам человек как целостный объект.

Психологическая виктимизация старшеклассников проявляется, прежде всего, в сферах социализации семейной, школьной, и может быть изучена по параметрам межличностного взаимодействия в группе, по интернальности, по личностным особенностям самоотношения, самопринятия и др. Любая ситуация насилия, в которой оказывается школьник, носит полифакторный характер и влечет негативные изменения в самосознании старшеклассника. Таким образом, вопрос о том, будет ли происшедшее переживаться как травма в дальнейшем, решается в зависимости от индивидуальных особенностей старшеклассника, условий, в которых протекало его развитие, характера воздействия и некоторых других факторов.

Глава 2

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВИКТИМНОГО ОБРАЗА Я ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

2.1. Программа и методы эмпирического исследования

Согласно имеющимся в современной психологии данным, становление самосознания в онтогенезе определяется закономерностями личностного развития [174]. В раннем юношеском возрасте образ Я, как продукт самосознания, проходит важный этап развития [222], воздействие любого вида насилия на личность в этот период накладывает свой отпечаток на становление образа Я, закрепляя в самосознании негативные представления о себе [246]. Актуальность исследования данной темы обусловлена потребностями современного общественного развития, которое характеризуется кардинальными преобразованиями человеческого бытия, формированием новой системы ценностных ориентаций личности. Проблема самоопределения старшеклассников, настойчивое обращение исследователей к феномену самосознания, по-видимому, объясняется не стремлением к констатации существования важнейших качеств личности, а скорее, продиктовано необходимостью глубже проникнуть в сущность процесса развития личности под влиянием различных условий.

С точки зрения современных представлений о природе насилия, оно зачастую составляет жизненный контекст процессов обучения и воспитания, при этом психическое насилие является неотъемлемой частью лю-

бого другого вида насилия [135, 188, 267 и др.]. Тем не менее в психологической литературе вырисовывается недостаток работ как теоретического, так и эмпирического характера, исследующих проблемы влияния насилия на образ Я, представлений в самосознании личности, не существует единого видения данной области в психологии, не сложился полноценный терминологический и концептуальный аппарат. В этой связи возникает необходимость исследовать, в какой мере осознают себя жертвами сами школьники в период наиболее активного становления самосознания, как влияет на образ Я личности восприятие себя жертвой тех или иных типов насилия, с чем связаны различия в образе Я старшеклассников, воспринимающих себя пострадавшими. К числу наиболее актуальных в этом аспекте относится изучение психологических особенностей личности, оценивающей себя как испытавшую насилие. Отсюда проблема исследования состоит в выявлении особенностей образа Я личности, считающей себя испытавшей психическое и физическое насилие как фактора, влияющего на становление самосознания, на результативность деятельности человека во всех сферах жизни. Это и обусловило необходимость обращения к проблеме исследования и позволило определить эмпирическую цель работы.

Цель эмпирического исследования — выявление психологических особенностей образа Я у старшеклассников, воспринимающих себя испытавшими насилие.

Задачи эмпирической части исследования:

1. Разработать программу эмпирического исследования:
 - провести фокус-группу, экспертную оценку и разработать ситуации, в которых старшеклассники идентифицируют себя с жертвой насилия;
 - составить тестовую батарею, изучающую психологические особенности образа Я, отражающие его структурные компоненты;
 - провести пилотажное исследование;
 - осуществить основное исследование, включающее анкетирование и психодиагностическое тестирование;
 - определить выборку и осуществить формирование групп для сравнительного анализа.
2. Определить типические особенности образа Я виктимной личности, воспринимающей себя как испытавшую разные виды насилия, позволяющие считать старшеклассника идентифицирующим себя с жертвой насилия.
3. Выделить специфику репрезентации виктимологического образа Я старшеклассников путем анализа личностных профилей школьников, определяющих себя как испытавших и не испытавших насилие.

4. Установить различия в психологической виктимизации через типические особенности образа Я личности, полагающей себя пережившей насилие, в зависимости от условий воспитания в семье и вне семьи.

Организация исследования включала ряд этапов в период 2000–2004 гг.

Первый этап — предварительный — изучение и анализ отечественной и зарубежной научной литературы по проблеме исследования; определение методологических и теоретических положений исследования, определение объекта, предмета, формулирование гипотез и задач исследования; разработка программы эмпирического исследования; отбор методов исследования.

Второй этап — исследовательский — разработка исследовательского инструментария: организация и проведение фокус-группы, экспертной оценки с целью определения понятий, проведение пилотажного исследования; сбор эмпирических данных: проведение анкетного опроса, психодиагностическое тестирование старшеклассников, первичная обработка результатов тестирования.

Третий этап — обобщающий — компьютерная обработка результатов исследования, анализ, обобщение и систематизация полученных результатов; индивидуальное консультирование старшеклассников, участвовавших в исследовании; апробация результатов исследования, составление профилактической программы тренинга для старшеклассников, тренинговых занятий с воспитанниками детского дома; оформление диссертационного исследования.

Операционализация базовых понятий.

Виктимная личность — жертва дефекта социализации, обусловленного личностными и социальными факторами становления, характеризуется деформацией образа Я под влиянием насилия в социальной среде.

Виктимность — свойство личности, способствующее при определенных обстоятельствах стать жертвой насилия в результате отрицательного взаимодействия личностных качеств индивида с внешними факторами.

Виктимологический образ Я — восприятие себя как жертвы насилия в зависимости от субъективной оценки самого себя и самоотношения, установок социального окружения, характера ситуации насилия.

Жертва — личность, пострадавшая от физического или психического насилия со стороны других людей против своего желания, воли.

Личность, считающая себя жертвой, человек, воспринимающий себя как пострадавшего от психического и физического насилия, по субъективной личностной оценке в переживании факта насилия.

Насилие — проявление унижения и принуждения против желания, воли и потребности личности.

Образ Я — установочная система всех субъективных представлений индивида о себе в когнитивных, аффективных, ценностных, поведенческих критериях, сопряженная с их оценкой и самоотношением к этим представлениям.

Психическое насилие — средство воздействия на психику, направленное на то, чтобы унижить, оскорбить, заставить одного субъекта подчиниться требованиям другого. Психическое насилие включает в себя как угрозу применения насилия, так и ограничение свободы волеизъявления.

Психическая виктимизация личности — развитие под влиянием негативных внешних воздействий, в том числе насилия, психологических особенностей, повышающих потенциальную возможность стать жертвой.

Психологические критерии насилия — личностная оценка проявлений унижения, принуждения против воли, желания человека, которые вносят негативные изменения в структуру индивида.

Психологические показатели насилия — личностная оценка индивидом частоты и интенсивности ситуаций проявления по отношению к нему унижений, оскорблений, принуждений и др.

Семейное насилие — действие одного члена семьи против другого, если это принуждение против его воли, потребности, желания разрушает потенциал человека, наносит вред физическому, психическому или личностному развитию члена семьи.

Самосознание — психическое явление, состоящее в осознании личностью многочисленных «образов» самого себя, своих качеств, способностей, знаний, интересов, идеалов, мотивов поведения во всех формах взаимодействия с другими людьми, в соединении этих образов в единое образование — понятие своего собственного Я как субъекта, отличного от других.

Физическое насилие — неслучайное причинение физического вреда, под которым понимается нанесение телесных повреждений ребенку другим человеком или группой.

В настоящее время в психологии самосознание рассматривается в контексте субъективного переживания личностью социальных ситуаций, что отражено в работах А. Г. Асмолова, Л. Д. Дёминой, В. Е. Ключко [19, 63, 86 и др.]. Учитывая, что образ Я является характеристикой самосознания личности, а развитие самосознания наиболее активно проходит в раннем юношеском возрасте, необходимо отметить, что любое негативное становление образа Я под воздействием факторов насилия влияет на дальнейшую самоактуализацию этой личности, на успешность человека в различных сферах. Подтверждение этому можно найти в работах отечественных исследователей Л. И. Анцыферовой, С. В. Ильиной, А. М. Прихожан, Е. В. Руденского, Е. Т. Соколовой и др. [19, 77, 166, 191 и др.], в трудах зарубежных психологов А. Маслоу, А. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксона и др. [129, 230, 235, 254].

На наш взгляд, исследование образа Я личности, считающей себя испытавшей насилие, позволит определить те компоненты, которые нуждаются в психотерапевтическом изменении для предотвращения психологической виктимизации личности [77], улучшения психического здоровья личности [63]. Основываясь на определении, данном Д. В. Ривманом, В. С. Устиновым, в котором виктимизация — это «процесс и результат превращения человека в жертву» [183, с. 80], мы считаем, что психологическая виктимизация личности — это развитие под влиянием негативных внешних воздействий психологических особенностей личности, повышающих потенциальную возможность стать жертвой.

В контексте нашей работы используется термин «психологическое» как внешнее воздействие на субъекта, а «психическое» — как внутреннее состояние, отражающее влияние реальности. Понятие «виктимология» используется нами в узком плане: следовательно, индивидуальная виктимность определяется как свойство человека, обусловленное его психологическими, социальными и биофизическими качествами, обладать потенциальной способностью стать жертвой в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами [183].

Виктимная личность характеризуется деформацией образа Я под влиянием насилия в социальной среде. Это жертва дефекта социализации в интерактивных системах, обусловленного личностными, социокультурными и другими факторами становления. Деформацию образа Я виктимной личности автор исследования представляет в соответствии с позициями системного подхода Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева к изучению личности и эпигенетической теории развития личности как целостной психосоциальной системы Е. В. Руденского [45, 48, 115, 118, 188, 189 и др.]. Так, деформация личности — разворачивание изменений в целостной органической системе, в которой каждая часть предполагает иную и порождается целостной системой. Виктимогенная интерактивная ситуация, влияющая на становление образа Я, характеризуется преобладанием насильственно-манипулятивного интерактивного стиля виктимогенного агента социализации, формирующей противоречивость самооценок развивающейся личности старшеклассника.

Изучение проблемы виктимизации школьников, по нашему мнению, лежит в плоскости онтологического подхода к феномену человека, который определяется как изучение личности в контексте ее реального бытия. В рамках нашего исследования рассматривается соотношение образа Я и самосознания как внутренняя сторона субъективной реальности, отражающая объективную реальность, субстанциональной основой является сам человек как целостный объект. Осознание юношей себя жертвой связано не столько с объективной реальностью, сколько с личностной оцен-

кой, установками ближайшего окружения, определенными личностными особенностями, которые не идентичны в различных культурах и разных возрастах [166, 221, 241 и др.].

Поскольку наличие или отсутствие семьи является фактором, влияющим на становление образа Я, то интересно проведение сравнительного анализа зависимости особенностей образа Я личности, представляющей себя пострадавшей от насилия, от воспитания в условиях полной, неполной семьи и ее отсутствия. Опираясь на теоретические концепции самосознания личности В. В. Столина, И. С. Кона, мы определили образ Я как совокупность всех представлений индивида о себе, сопряженных с их оценкой. При этом образ Я понимается нами как установочная система, имеющая несколько уровней. Представления человека о себе могут относиться как к разным уровням обобщенности (иерархия самосознания по В. В. Столину [212 и др.]), так и к разным сферам проявления жизнедеятельности (осознание уровня сферы своей жизнедеятельности субъектом [94, 97 и др.]). В соответствии с этим структурные компоненты образа Я, выделенные И. С. Коном (когнитивный, аффективный, поведенческий), мы дополнили ценностным, который составляет ценностно-нормативный аспект образа Я. Представим кратко содержание каждого из компонентов в контексте нашего исследования.

Когнитивный (познавательный) компонент включает в себя определенные представления и мнения об объекте, т. е. суждения о самом себе. Личность дает описание, характеристики себе, своим взаимоотношениям с другими людьми, своему поведению, стилю общения, компетентности, характеризует качества личности, констатируя их наличие или отсутствие у самого себя. Образ Я отражает, прежде всего, осмысление своих собственных действий, состояний, познание человеком самого себя. Аффективный (эмоциональный) компонент включает чувства субъекта к самому себе и положительные, и отрицательные, это может быть самообвинение и самовосхищение, самодовольство и самонедовольство, самопринятие и самонепринятие. Эмоциональная оценка относится к личностным качествам, поведению, взаимоотношению с другими людьми. Поведенческий компонент отражает самоописание и самовосприятие субъектом своего поведения и готовности к определенному образу действия в отношении объекта. Поведенческий компонент включает отражение личностью своего способа организации деятельности, стиля межличностного взаимоотношения, способов саморегуляции, применяемых личностью. Ценностный компонент представляет собой совокупность личностно значимых убеждений, идеалов, ценностных отношений, ценностных ориентаций в области личности, деятельности и взаимоотношений с окружающими, а кроме этого — и оценочное отношение субъекта к этим позициям и убеждениям.

Поиск критериев и показателей в восприятии старшекласником себя жертвой насилия поставил задачу однозначного определения в исследовании понятий «физическое насилие», «психическое насилие». В рамках данной работы это было важно, поскольку исследованиями С. В. Ильиной, Е. Т. Соколовой С. Мураемы, С. Cahill, S. P. Llewelyn и других показано, что юноша не всегда осознает, что подвергается насилию, не всегда может противостоять этому, но при этом испытывает психологические последствия от перенесенного им психического и физического насилия [77, 206, 143, 262 и др.]. Анализ работ, исследующих психику ребенка (Л. И. Анциферовой, Е. О. Лазебной и др.), показывает, что существенна не сама по себе ситуация насилия, взятая в ее показателях, а то, как школьник переживает эту ситуацию, важно выяснить ее личностную оценку старшекласником [16, 45, 215 и др.]. Опираясь на теоретические и методологические положения Л. С. Выготского, И. С. Кона, Е. Т. Соколовой, полагаем, что критерием восприятия себя жертвой для личности может служить субъективная оценка своих переживаний, поскольку, по мнению Л. С. Выготского, «в одной и той же семье, в одной семейной ситуации мы встречаем у разных детей разные изменения развития, потому что одна и та же ситуация неодинаково переживается разными детьми» [45, с. 995].

С помощью методов фокус-группового интервью и экспертной оценки были определены те ситуации насилия, их формулировки, в которых личность может считать себя жертвой в раннем юношеском возрасте (прил. 1). Таким образом, установлены *ситуации, оцениваемые старшекласниками как психическое насилие* (оскорбления, грубые комментарии по поводу личности ребенка; постоянное унижение и высмеивание в школе, дома; ограничение действий ребенка угрозами, принуждение к действиям через угрозы, чрезмерная опека и чрезмерное руководство действиями ребенка; запугивание, угрозы избиения, угрозы убийства и т. д.; постоянное высказывание сомнений, принижение способностей ребенка), *как физического насилия* (удары по лицу; тряски, подзатыльники, пинки, шлепки; побои, удушения; удержание в запертом помещении силой, ограничение свободы; избиения, телесные наказания). *Показателями восприятия себя в качестве жертвы мы считаем частоту и интенсивность указанных выше появлений по субъективной оценке самой личности.*

Для разработки инструментария эмпирического исследования использовали фокус-групповое интервью, экспертную оценку, пилотажное исследование. В основном исследовании использовали анкетный опрос, стандартизированное психодиагностическое тестирование. Методом фокус-группового интервью были определены формулировки различных ситуаций, оказавшись в которых старшекласник может воспринимать себя как испытавшего психическое или физическое насилие. Участниками

двух проведенных фокус-групп стали 18 учащихся в возрасте 16–17 лет 1 курса социального отделения Рубцовского педагогического колледжа (2002 г.). Данный метод был выбран, потому что такое взаимодействие респондентов способствует получению более глубоких ответов, ценных идей, которые могут стимулировать участников давать другие определения и формулировки. Участникам группы предлагалось при ответе рассматривать все сферы жизнедеятельности старшеклассников, включая школу, семью, друзей. Все ответы фиксировались, затем уточнялись их формулировки и, если было необходимо, вносились коррективы. Сформированный список включил в себя 30 формулировок ситуаций, отражающих те, которые встречаются в обыденной жизни и часто воспринимаются как стили воспитания, уклад в семье, типы взаимодействия между людьми, однако являются при этом негативными для становления личности в период ранней юности, поскольку способствуют процессу виктимизации. Полученный список формулировок был предложен экспертной группе, которая состояла из практикующих психологов (25 человек в возрасте от 23 до 35 лет).

Экспертная оценка была проведена с целью определения ранга значимости предложенной формулировки ситуации насилия для объяснения старшеклассниками понятий «психическое насилие», «физическое насилие». На основании этого были отобраны набравшие наибольший ранговый балл формулировки ситуаций психического и физического насилия. Они и являются представленными выше критериями восприятия себя как жертвы насилия для старшеклассника.

Анкета, разработанная для формирования выборки респондентов из всех опрошенных старшеклассников, содержит пункты: фамилия, имя, место обучения, пол, возраст респондента; наличие полной, неполной семьи или проживание в детском доме; идентификация себя как испытывавшего насилия; восприятие себя как жертву через личностную оценку (прил. 2). В результате анализа специальной литературы подтверждено положение о том, что в самосознании образ Я формируется под влиянием позитивных и негативных событий, соответственно, негативные внешние влияния на личность способствуют виктимизации и обуславливают необходимость выявления особенностей образа Я личностей, идентифицирующих себя с разным типом жертв психического и физического насилия. Описанные Н. В. Тарабриной принципы и методы работы с субъектами, пережившими насилие, позволили сформулировать характеристики шкалы личностной оценки для ответов на вопросы анкеты [205]. Для определения частоты пережитого школьником насилия ответы на вопросы: «Как часто вы испытывали психическое насилие?», «Как часто вы испытывали физическое насилие?» представлены шкалой 0 — никогда,

1 — один или два раза, 2 — раз в месяц, 3 — раз в неделю, 4 — каждый день или почти каждый день. Для определения интенсивности в восприятии себя как пострадавшего от насилия ответы на вопросы: «Насколько вы воспринимаете себя испытавшим физическое насилие?», «Насколько вы воспринимаете себя испытавшим психическое насилие?» представлены шкалой: 0 — совершенно не воспринимаю себя как жертву, 1 — очень редко воспринимаю себя как жертву, 2 — часто воспринимаю себя как жертву, 3 — иногда воспринимаю себя как жертву, 4 — часто воспринимаю себя как жертву, 5 — очень часто воспринимаю себя как жертву.

В результате анализа теоретико-методологических направлений в исследовании образа Я старшеклассника, в соответствии с целью исследования, были отобраны стандартизированные методики, шкалы которых достоверно описывают указанные компоненты образа Я, могут служить выявлению особенностей образа Я личности, считающей себя жертвой психического и физического насилия.

Тестовая батарея включала: опросник самооотношения В. В. Столина [29, с. 374–379]; тест определения уровня самоактуализации личности — САТ, адаптация РОИ Э. Шострома Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроз [92, с. 279–295]; опросник «Уровень субъективного контроля» — УСК, адаптация шкалы локуса контроля Дж. Роттера Е. Ф. Бажиным [170, т. 1, с. 302–311]; диагностику личностных отношений Т. Лири, Г. Лефорж, Р. Сазек в адаптации Л. Н. Собчик [170, т. 2, с. 54–64]; методику «Личностный дифференциал», разработанную в институте им. В. М. Бехтерева на базе слов современного русского языка, отражающую сформировавшиеся в нашей культуре представления о структуре личности [169, с. 60–64]; методику «Символические задания на выявление «социального Я» (The Self Social Symbols Tasks Б. Лонг, Р. Зиллер, Р. Хендерсон в адаптации Ю. Б. Гиппенрейтер) [35, с. 394–395; 53, с. 160–210].

Показатели компонентов образа Я личности были разработаны нами в соответствии с теоретическими позициями, системным подходом как методологическим основанием для изучения образа Я личности. В качестве познаваемого феномена (образа Я личности, воспринимающей себя как жертву) выступают компоненты, представляющие всю систему образа Я. Для изучения когнитивного компонента образа Я нами были выделены следующие показатели: личностная оценка качеств, самооотношение, стремление к новому знанию, самоидентичность. Для изучения этих показателей использованы:

1. Шкалы методики Личностного дифференциала, являющейся методом исследования личности на основе самооценки психологических качеств — показатели оценки, силы, активности. Фактор оценки выступает когнитивным показателем уровня самоприня-

тия, самоуважения личности, фактор силы выступает показателем самооценки уровня развития волевых качеств, способности к достижению цели и преодолению трудностей, фактор активности указывает на общительность, открытость, легкость в установлении контактов.

2. Самоактуализационный тест Э. Шострома: шкала «Познавательных потребностей» (Сog) — пунктов определяет степень выраженности у субъекта стремления к приобретению знания об окружающем мире; шкала «Креативности» (Сг) — характеризует выраженность творческой направленности личности;
3. «Символические задания на выявление «социального Я». Для изучения показателя «самоидентичность» были использованы шкалы: «Самооценка» — определяет уровень самооценки, «Сила» — измеряет уровень превосходства (равенство, подчиненность) по отношению к определенным авторитетным фигурам, «Индивидуализация» — измеряет переживаемое, мыслимое сходство или отличие от других людей; «Эгоцентричность» — измеряет восприятие себя фигурой или фоном; «Социальная заинтересованность» — восприятие себя частью группы или отдельно от других; шкалы «Идентификация с семьей», «Идентификация с друзьями», «Идентификация со школой» измеряют включение или не включение себя в понятие «мы», образование с конкретными другими.

Для изучения аффективного компонента образа Я были выделены следующие показатели: самоуважение, аутосимпатия, самоуверенность, самоинтерес, самообвинение, самопонимание, самопринятие. Для их изучения мы использовали:

1. Тест-опросник самоотношения В. В. Столина, свойство, измеряемое показателями, отражено в названии шкал этой методики. Были взяты шкалы «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Ожидание положительного отношения от других», «Самоинтерес к своему внутреннему Я», «Самоуверенность», «Самопринятие», «Самообвинение», «Самоинтерес, уверенность в собственном интересе как объекта для других людей», «Самопонимание»;
2. «Самоактуализационный тест» Э. Шострома: шкала «Самоуважения» (Sr) — диагностирует способность субъекта ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них; шкала «Самопринятия» (Sa) — регистрирует степень принятия человеком себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков.

Для изучения поведенческого компонента мы использовали такие показатели, как саморуководство, типы взаимоотношений с другими, ожида-

ние поддержки, гибкость поведения, контактность, интернальность. Данные показатели были измерены с использованием следующих методик:

- 1) «опросник самооотношения» В. В. Столина: шкалы «саморуководство, самопоследовательность», «ожидание отношения других»;
- 2) диагностика межличностных отношений Т. Лири, отражающая типы отношений к окружающим, такие как авторитарный, эгоистичный, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический;
- 3) «самоактуализационный тест» Э. Шострома: шкала «Поддержки» (I) — степень независимости ценностей и поведения субъекта от воздействия извне; шкала «Гибкости поведения» (Ex) — диагностирует степень гибкости субъекта в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, способность быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию; шкала «Спонтанности» (S) — измеряет способность индивида спонтанно и непосредственно выражать свои чувства. Высокий балл по этой шкале не означает отсутствия способности к продуманным, целенаправленным действиям, он лишь свидетельствует о возможности и другого, не рассчитанного заранее способа поведения, о том, что субъект не боится вести себя естественно и раскованно, демонстрировать окружающим свои эмоции; шкала «Контактности» (C) — характеризует способность человека к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми или к субъект-субъектному общению;
- 4) «уровень субъективного контроля»: шкала общей интернальности, шкала интернальности в области достижений, шкала интернальности в области неудач, шкала интернальности в семейных отношениях, шкала интернальности в области производственных отношений, шкала интернальности в области межличностных отношений, шкала интернальности в отношении здоровья к болезни.

Ценностный компонент представлен показателями ценностных ориентаций, синергии, восприятием жизни во времени, был измерен шкалами:

- 1) «Самоактуализационного теста» Э. Шострома: «Компетентности во времени» (Tc) — измеряет во-первых, способности субъекта жить настоящим, то есть переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте, а не просто как фатальное следствие прошлого или подготовку к будущей «настоящей жизни»; во-вторых, способности ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, то есть видеть свою жизнь целостной. Шкала «ценностных ориентаций» (SAV) — измеряет, в какой степени человек разделяет ценности присущие самоактуализирующейся личности; шкала «Представлений о природе человека» (Nc) — измеряет

склонность субъекта воспринимать природу человека в целом как положительную («люди в массе своей скорее добры») и не считать дихотомии мужественности — женственности, рациональности — эмоциональности и т. д. антагонистическими и непреодолимыми; шкала «Синергии» (Sy) — определяет способность человека к целостному восприятию мира и людей, к пониманию связанности противоположностей, таких как игра и работа, телесное и духовное и др.; шкала «Принятия агрессии» (A) — измеряет способность индивида принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы.

Эмпирическими результатами пилотажного исследования стали данные тестирования и анкетирования 50 старшеклассников. Они позволили апробировать анкету, установить форму фиксации результатов в бланках (приложение 2) для последующей обработки и анализа данных. Была определена продолжительность процедур тестирования: время, необходимое школьнику на заполнение анкеты (5–10 минут), для психодиагностического тестирования (1,5–2,5 часа). Результатами фокус-группового интервью 18 учащихся и экспертной оценки в группе психологов стали сформированные психологические критерии и показатели личностной оценки в восприятии старшеклассником себя как испытывавшего насилие. Эти данные послужили основой для осуществления следующего исследовательского этапа работы.

В основном исследовании анкетный опрос старшеклассников был проведен с целью выявить через личностную оценку, субъективное восприятие самого себя как испытывавшего или не испытывавшего насилие, идентификацию себя как жертвы психологического и физического насилия (прил. 2). Психодиагностическое исследование старшеклассников по разработанной программе проводилось по месту обучения. Результаты исследования фиксировались по каждому субъекту на отдельных бланках, затем обрабатывались в соответствии с ключами теста по каждой шкале. Полученные сводные матрицы индивидуальных данных психодиагностических тестов обрабатывались методами математической статистики — дисперсионным, корреляционным, регрессионным, факторным анализами. Поэтапное проведение исследования позволило систематизировать накопленный материал, проанализировать полученные результаты.

Результаты формирования и характеристики выборки

Формирование выборки исследования осуществлялось с помощью описанных методов. Мы исходили из положений о том, что, во-первых, все компоненты самосознания формируются к раннему юношескому возрасту, во-вторых, в возрасте 14–15 лет на первый план выходит становление относительно устойчивого представления о самом себе, в-третьих, к 15–17 годам возникает особое личностное новообразование «образ

Я». Выборку составили старшеклассники в возрасте от 15 до 17 лет. Был остановлен выбор и на типе, и на наличии семьи как факторе реального психологического и социального воздействия на самосознание личности, влияющего на идентификацию с определенным видом насилия. Учитывая влияние микросоциальных условий жизни ребенка на формирование особенностей образа Я, мы проследили взаимосвязь между «областями отношений, в которых реализуется социализация детей» [154, с. 300–301] сферой семьи, или учреждением интернатного типа и образом Я личности, считающей себя жертвой насилия. Эмпирической базой основного этапа исследования явились результаты тестирования и анкетирования 192 человек: старшеклассников МУ детского дома № 1, МОУ средних школ № 2, № 11, № 17, № 24 (г. Рубцовск), учащихся 2 курса музыкального отделения (обучение на базе 9 классов) Рубцовского педагогического колледжа. Из них юноши составили 46 %, девушки 54 %. Соответственно схеме на рисунке 2.1.1, воспринимают себя как не испытавшего насилия 24 %, как испытавшего насилия — 76 %. Из всех считающих себя жертвой идентифицируют себя с испытавшим психическое насилия — 44 человека, с испытавшим физическое насилия — 32 человека, с испытавшим психическое и физическое насилия — 66 человек (прил. 3).

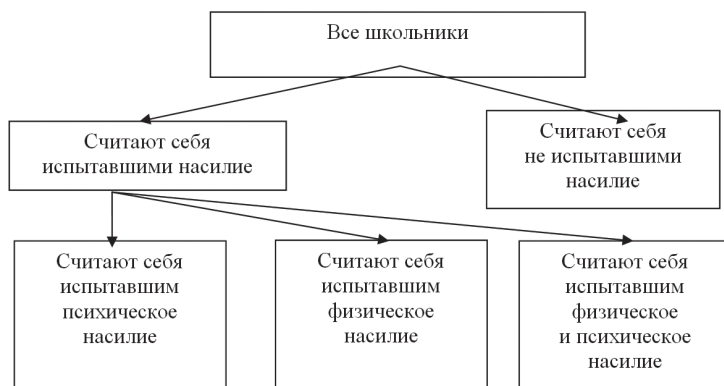

Рис. 2.1.1. Схема распределения школьников по группам в соответствии с ответами

Анализ результатов исследования проходил по трем направлениям:

1. Исследование особенностей образа Я старшеклассников, воспринимающих себя как испытавших и не испытавших насилия (рис. 2.1.1). Для сравнительного исследования были сформированы соответствующие группы: ИН — школьники, полагающие себя испытавшими насилия (142 человека), НН — считающие себя не испытавшими насилия (50 человек).

2. Определение специфики образа Я старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой разного вида насилия (рис. 2.1.2). Такие показатели, как личностная оценка насилия, его частота позволили разделить группу ИН на подгруппы школьников, определяющих себя как жертвы: группа П — только психического (44 человека); Ф — только физического (32 человека); Ф/П — и физического, и психического насилия (66 человек).

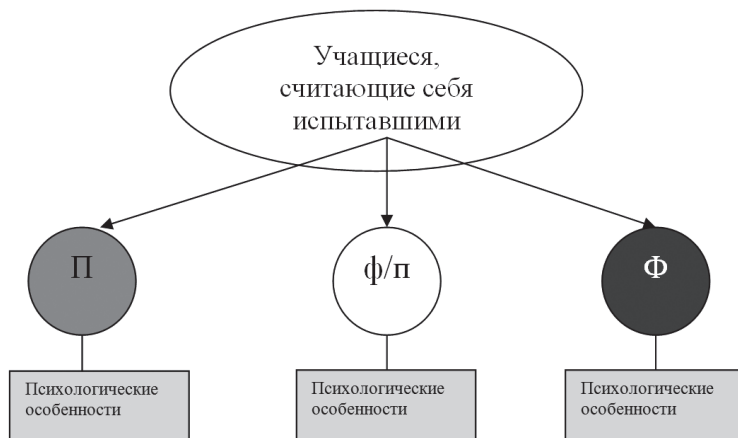

Рис. 2.1.2. Схема исследования выборки. Обозначение: П — считающие себя испытанными психическое насилие; Ф/П — считающие себя испытанными психическое и физическое насилие вместе; Ф — считающие себя испытанными физическое насилие

3. Изучение особенностей образа Я учащихся, считающих себя испытанными насилие, проживающих в разных социокультурных условиях (рис. 2.1.3). Школьников разделили на воспитывающихся в полной — группа ПС (67 человек), в неполной семье — НС (47 человек); в детском доме — ДД (28 человек).

Установлено, что личностная оценка восприятия старшеклассниками себя жертвой, различна в зависимости от типа семьи (рис. 2.1.4). Так, школьники, воспитывающиеся в полной семье, идентифицируют себя преимущественно с жертвой физического насилия (65%), в неполной семье — с жертвой психического насилия (66%), в детском доме в равной мере определяют себя как жертву и психического (50%) и физического насилия (50%). Различия в объеме субъективного выбора школьником типа испытанного насилия между группами являются более выраженными, чем случайные различия внутри каждой группы ($p < 0,05$).

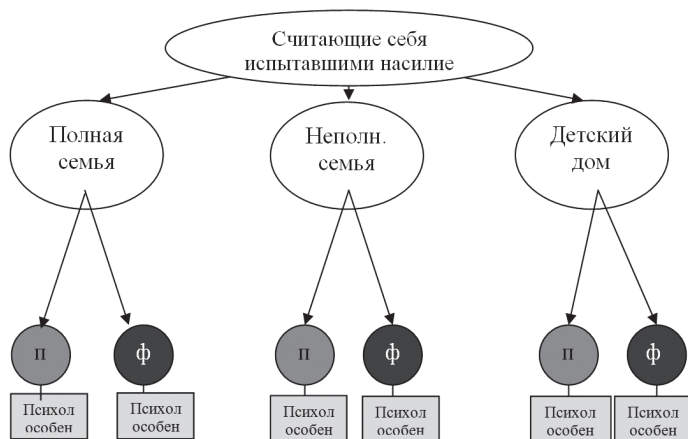

Рис. 2.1.3. Схема исследования выборки по условию наличия и отсутствия семьи. Обозначение: П — школьники, считающие себя испытавшими психическое насилие; Ф — школьники, считающие себя испытавшими физическое насилие

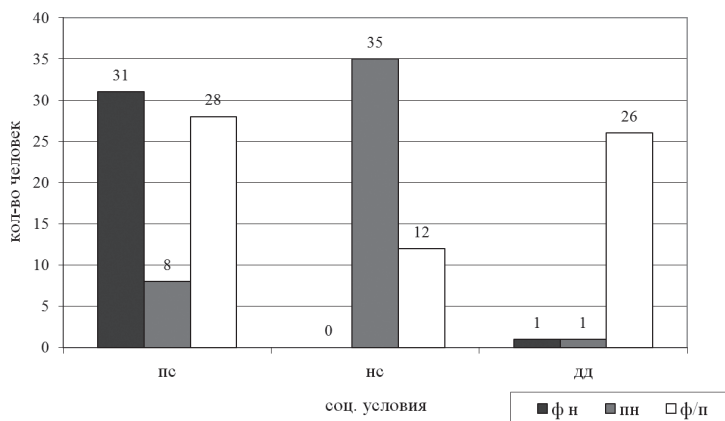

Рис. 2.1.4. Диаграмма сравнительного анализа распределения старшеклассников по субъективному определению личностью типа перенесенного насилия

Дисперсионный анализ показал распределение частоты насилия у старшеклассников, воспринимающих себя как испытавших насилие. Дисперсионный анализ распределения по частоте переживания насилия пока-

зал, что большая часть испытуемых (77 % — для физического насилия и 61 % — для психического) определяет себя как испытавших насилие 1–2 раза за свою жизнь. При этом 11 % для физического насилия и 9 % для психического насилия определяют себя как испытывающих насилие каждый день (рис. 2.1.5).

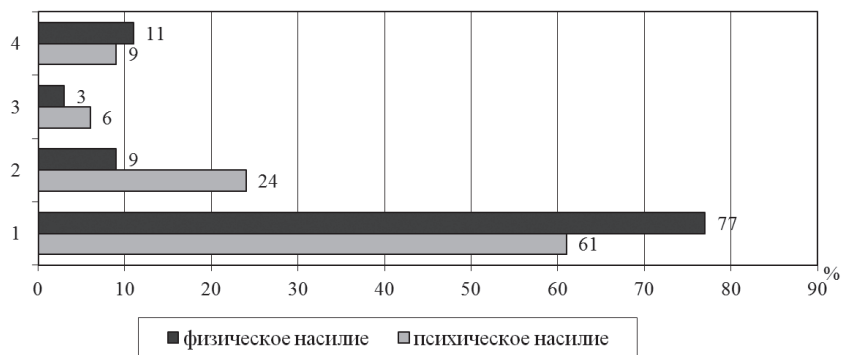

Рис. 2.1.5. Сравнительный анализ распределения старшеклассников по субъективному определению личностью частоты пережитого насилия, обозначения: 1 — 1, 2 раза; 2 — раз в месяц; 3 — раз в неделю; 4 — каждый день

Таким образом, в соответствии с задачами исследования выборочная совокупность представлена группой виктимных личностей, идентифицирующих себя с жертвой насилия, и группой старшеклассников, определяющих себя как не испытавших насилие. Для математической обработки данных в пакете программ «STATISTICA» использовались результаты тестирования старшеклассников, ответивших на анкету, прошедших тестовые методики.

По результатам t-критерия Стьюдента ($p \leq 0,5$) проведена факторизация данных и определены факторы ($\alpha > 0,7$ при $p \leq 0,005$), объясняющие особенности образа Я виктимной личности. В результате корреляционного анализа были выделены те факторы, которые достоверно предсказывают ($p \leq 0,5$) наличие зависимости между идентификацией с жертвой и используемыми тестовыми шкалами, характеризующими компоненты образа Я. Основываясь на коэффициентах множественной регрессии, установили типаж, достоверно ($p \leq 0,5$) характеризующие идентификацию образа Я личности с жертвой насилия, подробные описания которых даны в исследовании.

2.2. Психологические особенности виктимологического образа Я личности в ранней юности

Предположение о том, что в самосознании жертвы образ Я формируется под влиянием негативных событий, обусловило необходимость выявления особенностей образа Я старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой разного типа насилия. С этой целью все испытуемые были разделены на группы, характеризующие виктимную личность. Для удобства анализа результатов исследования каждой группе старшеклассников присвоена соответственно названию буква: группа П — включает старшеклассников, считающих себя жертвой психического насилия, группа Ф — идентифицирующих себя с жертвой физического насилия, группа Ф/П — воспринимающих себя жертвой и физического и психического насилия.

Нами был проведен поиск зависимостей, через которые возможно, во-первых, описать особенности образа Я виктимной личности (составить психологический профиль виктимологического образа Я), затем объяснить их (выделить типические особенности образа Я школьников, считающих себя жертвой насилия), наконец, определить идентификацию личности с образом Я жертвы в соответствии с типическими особенностями виктимной личности (достоверно определить субшкалы тестов коррелирующих со шкалой идентификации с жертвой насилия). По данным корреляционного анализа была получена матрица, включающая в себя все значимые зависимости между выделенными факторами — типическими особенностями образа Я виктимной личности и шкалой идентификации с типом жертвы насилия. На основании коэффициентов множественной регрессии собраны типические особенности, с помощью которых возможно установить, к какому типу жертвы относит себя старшеклассник. В работе анализируются только достоверные зависимости ($p < 0,05$).

Представим вначале стратегию поиска психологических критериев идентификации с образом Я, испытавшего насилие, на примере определения особенностей в поведенческой компоненте. Так, в тесте Т. Лири по данным t-критерия Стьюдента достоверные зависимости были определены по всем шкалам (табл. 2.2.1). Это позволило составить психологический профиль образа Я, считающего себя жертвой психического насилия.

Таблица 2.2.1

Результаты анализа психологических детерминант для теста Т. Лири

	Mean	Mean	t-value	df	p.	Std.Dev.	Std.Dev.	F-ratio	p
пс.нас vs. авторитарный	2,375000	9,166667	-9,01992	46	0,000000	0,769670	3,607560	21,96942	0,000000
пс.нас vs. эгоистичный	2,375000	7,750000	-7,46569	46	0,000000	0,769670	3,442067	20,00000	0,000000
пс.нас vs. агрессивный	2,375000	7,833333	-7,65083	46	0,000000	0,769670	3,409280	19,62080	0,000000
пс.нас vs. подозрительный	2,375000	8,750000	-8,76325	46	0,000000	0,769670	3,479755	20,44037	0,000000
пс.нас vs. подчиняемый	2,375000	6,000000	-7,42349	46	0,000000	0,769670	2,265046	8,66055	0,000002
пс.нас vs. зависимый	2,375000	7,625000	-9,48123	46	0,000000	0,769670	2,601212	11,42202	0,000000
пс.нас vs. дружелюбный	2,375000	9,000000	-9,89141	46	0,000000	0,769670	3,189657	17,17431	0,000000
пс.нас vs. альтруистический	2,375000	8,666667	-7,49521	46	0,000000	0,769670	4,039658	27,54740	0,000000

Для выявления психологических особенностей старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой, мы построили личностный профиль виктимологического образа Я, используя значимые различия по t-критерию Стьюдента и по всем используемым методикам исследования. Результаты сравнения личностного профиля образа Я виктимной личности психического насилия изложены в параграфе 2.4, таблицы представлены в приложении (прил. 4, рис. 2).

Таблица 2.2.2

Состав показателей факторов по поведенческому компоненту образа Я

Показатель	Факторы	
	Л 1	Л 2
авторитарный	0,891712	0,059592
эгоистичный	0,723924	0,147016
агрессивный	0,837115	0,040558
подозрительный	0,745857	0,455524
подчиняемый	0,066535	0,877359
зависимый	0,218885	0,862945
дружелюбный	0,704047	0,513389
альтруистический	0,869583	0,295351
Expl.Var	3,880474	2,099544
Prp.Totl	0,485059	0,262443

Факторный анализ показал, что исследуемые шкалы методики Т. Лири объединились в два фактора. Это позволило указать на два типажа образа Я старшеклассников, считающих себя жертвой психического насилия: авторитарный и зависимый (прил. 3, табл. 2). Но результаты регрессионного анализа не подтвердили прогнозирующую зависимость по шкалам теста Т. Лири для диагностики (прил. 3, табл. 3). Указанные типические особенности (авторитарный, зависимый) только лишь с достоверной значимостью объясняют особенности образа Я виктимной личности, считающей себя жертвой психического насилия.

Таким образом, были проанализированы все шкалы, выделенные на основе психологических профилей факторы. Типические особенности об-

раза Я виктимной личности, считающей себя жертвой психического насилия, вошли в корреляционную матрицу для определения возможных критериев идентификации образа Я старшекласников как испытавших психическое насилие.

Результаты исследования группы П. Рассмотрим данные по группе старшекласников, идентифицирующих себя с жертвой психического насилия. Остановимся на задаче определения психологических критериев идентификации с образом Я жертвы психического насилия, т. е. определении тех типических особенностей виктимной личности, выявление которых у личности в раннем юношеском возрасте означает идентификацию с образом Я жертвы психического насилия. По данным корреляционного анализа зависимостей полученных нами факторов с интенсивностью идентификации с образом Я жертвы психического насилия обнаружена прогнозирующая зависимость по 4 факторам: P5 с противоположным значением ($r = -0,65$), СОЗ с положительным знаком ($r = 0,49$), по фактору «дом» с положительным знаком ($r = 0,46$), «школа» с противоположным значением ($r = -0,54$).

Остановимся для анализа результатов только на этих факторах подробно, так как именно они являются полученными эмпирическим путем критериями идентификации старшекласников с образом Я жертвы психического насилия.

Фактор P5 выделен методом главных компонент (табл. 2.2.4) по шкалам методики «Личностный дифференциал», отобраным на основании показателей t -критерия Стьюдента (прил. 3, табл. 2), по коэффициентам множественной регрессии $B = -0,500767$, $p = 0,001523$ (табл. 2.2.3). В него вошли с наибольшим значением шкалы «зависимый — независимый» ($a = -0,846544$), «непривлекательный — обаятельный» ($a = 0,760667$), «эгоистичный — добрый» ($a = 0,695275$), что свидетельствует и о низкой самооценке. Они коррелируют с обратным знаком со шкалой интенсивности идентификации старшекласников с жертвой психического насилия. Следовательно, имеем типическую характеристику «независимый и непривлекательный», которая показывает, что именно наличие этих особенностей способствует идентификации с образом Я жертвы психического насилия в ранней юности.

Результаты регрессии ($P = 0,001523$) подтвердили предсказательную возможность использования данного психологического типажа виктимной личности «независимый и непривлекательный» при диагностике идентификации с образом Я жертвы психического насилия (табл. 2.2.4).

Таблица 2.2.3

**Результаты факторизации со шкалами методики
«Личностный дифференциал»**

Факторный анализ	Главные компоненты				
	P1	P2	P3	P4	P5
Показатель шкалы					
непривлекательный — обаятельный	-0,262193	0,027172	0,550230	-0,067309	0,760667
слабый — сильный	0,771941	0,451260	0,001748	-0,062951	-0,296954
молчаливый — разговорчивый	0,874374	0,172410	-0,013678	-0,245222	-0,056051
безответственный — добросовестный	-0,004417	0,284063	0,712889	0,500530	-0,009822
уступчивый — упрямый	0,834800	-0,052681	0,113729	0,000578	-0,063788
замкнутый — открытый	0,230021	0,066841	0,846832	0,069135	0,027545
эгоистичный — добрый	-0,041329	0,255092	-0,059377	0,478097	0,695275
зависимый — независимый	0,108542	0,038910	-0,062416	0,033041	-0,846544
пассивный — деятельный	0,661339	0,458264	0,228803	0,000749	-0,230474
черствый — отзывчивый	-0,048606	0,793747	0,265184	0,148003	0,341931
нерешительный — решительный	0,795868	0,238120	-0,079106	0,076858	-0,087194
вялый — энергичный	0,035984	0,900886	0,121288	0,170657	0,019082
несправедливый — справедливый	-0,151441	0,404136	-0,171429	0,195544	0,442010
расслабленный — напряженный	-0,069146	0,227414	0,080460	0,828457	0,001572
спокойный — суетливый	0,770725	-0,216854	-0,181924	0,262068	0,077491
враждебный — дружелюбный	-0,209395	0,387997	0,523369	-0,036333	0,054569
неуверенный — уверенный	0,828120	0,050490	-0,048228	-0,272426	-0,173460
нелюдимый — общительный	0,178545	0,796494	0,400660	-0,079076	0,071531
неискренний — честный	-0,178747	0,017914	0,579230	0,694059	0,054682
несамостоятельный — самостоятельный	0,207349	0,765141	-0,072775	0,356694	-0,132522
невозмутимый — раздражительный	0,660309	-0,295090	0,035746	-0,060756	-0,021801
Expl.Var	5,161101	3,819357	2,540085	2,098230	1,933255
Prp.Totl	0,245767	0,181874	0,120956	0,099916	0,092060

Таблица 2.2.4

Коэффициенты регрессионного анализа

Регрессионный анализ	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (18)	p-level
Intercept			2,375000	0,131326	18,08470	0,000000
P1	0,034847	0,174297	0,026821	0,134151	0,19993	0,843778
P2	-0,115578	0,174297	-0,088957	0,134151	-0,66311	0,515662
P3	0,123591	0,174297	0,095125	0,134151	0,70909	0,487355
P4	-0,002887	0,174297	-0,002222	0,134151	-0,01657	0,986965
P5	-0,650627	0,174297	-0,500767	0,134151	-3,73286	0,001523

Таблица 2.2.5

Факторизация со шкалами теста В. В. Столина

Факторный анализ	Главные компоненты			
	CO1	CO2	CO3	CO4
Шкалы теста				
самоуважение	0,785542	0,479508	0,021322	0,129695
аутосимпатия	0,816881	-0,271796	0,179961	0,361669
ожидание положительного отношения от других	0,154698	0,379361	-0,068662	0,806981
самоинтерес	-0,043961	0,854792	-0,162354	0,211435
самоуверенность	0,928876	0,075454	-0,210465	0,054203
отношение других	0,193469	0,290790	0,024149	0,883090
самопринятие	0,748617	-0,219251	0,559115	0,123555
саморуководство	0,038736	0,863789	0,208286	0,035065
самообвинение	-0,514827	0,240477	-0,725193	-0,549345
самоинтерес	-0,146488	0,829231	-0,043487	0,297077
самопонимание	0,067373	0,054111	0,941274	0,009735
Expl.Var	3,063448	2,811220	1,212955	2,032959
Prp.Totl	0,278495	0,255565	0,110269	0,184814

Значение коэффициентов t-критерия Стьюдента для психологических детерминант, по методике «Опросник самооотношения» В. В. Столина, показало, что все шкалы достоверно описывают когнитивную компоненту образа Я жертвы психического насилия. В итоге все указанные шкалы были подвергнуты факторизации для определения психологических типажей образа Я виктимной личности. Фактор СО 3 получен в процессе факторизации шкалы идентификацией старшеклассников с образом Я жертвы психического насилия со шкалами теста В. Столина. В него вошли с наибольшим весом такие шкалы, как самопонимание ($a = 0,941274$) с положительной корреляцией, самообвинение с обратным значением означает самооправдание ($a = -0,725193$), самопринятие ($a = 0,559115$). Назовем типическую особенность «самопонимание и самооправдание». Результаты регрессии (табл. 2.2.6) подтвердили предсказательную возможность использования типажа «самопонимание» ($B = 0,373893$, $P = 0,013736$) при диагностике идентификации с образом Я жертвы психического насилия.

Таблица 2.2.6

Коэффициенты многомерной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (19)	p-level
Intercept			2,375000	0,134812	17,61707	0,000000
CO1	0,070994	0,178924	0,054642	0,137712	0,39678	0,695948
CO2	-0,352694	0,178924	-0,271458	0,137712	-1,97120	0,063443
CO3	0,485783	0,178924	0,373893	0,137712	2,71503	0,013736
CO4	0,162241	0,178924	0,124872	0,137712	0,90676	0,375889

По тесту «Символические задания на выявление «социального Я» методом t-критерия Стьюдента установлена взаимозависимость по всем представленным шкалам. Значимыми для предсказательного эффекта определены два фактора (табл. 2.2.7). Первый фактор «Социальное окружение» коррелирует со шкалой идентификации с образом Я жертвы психического насилия с обратным значением ($r = -0,54$), включает отсутствие индивидуализации или высокую конформность с группой ($a = 0,788045$), низкую самооценку ($a = 0,744412$), низкую идентификацию со школой ($a = 0,737529$), но при этом высокую социальную заинтересованность ($a = -0,604789$).

Таблица 2.2.7

**Результаты факторизации со шкалами методики
«Символические задания...»**

Факторный анализ	Главные компоненты	
	Социальное окружение	Личное окружение
Показатели шкал		
самооценка	0,744412	-0,525556
социальная заинтересованность	-0,604789	0,024300
индивидуализация	0,788045	0,318551
семья	-0,259396	0,778911
друзья	0,085814	0,884907
школа	0,737529	-0,241897
Expl.Var	2,159533	1,656330
Prp.Totl	0,359922	0,276055

Второй фактор «Личное окружение» положительно коррелирует со шкалой идентификации с образом Я жертвы психического насилия ($r = 0,46$). В него вошли высокая идентификация с друзьями ($a = 0,884907$), высокая идентификация с семьёй ($a = 0,778911$) и низкая самооценка ($a = -0,525556$). Обозначим первую выделенную типическую особенность — «высокая социальная заинтересованность при низкой самооценке», вторую — как «высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой». Результаты множественной многомерной регрессии (табл. 2.2.8) подтвердили предсказательную возможность использования типажей «высокая социальная заинтересованность при низкой самооценке» ($B = -0,413451$, $P = 0,002175$), «высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой» ($B = 0,356360$, $P = 0,006676$) при диагностике идентификации с образом Я жертвы психического насилия.

Таблица 2.2.8

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std. Err.	B	Std. Err.	t (21)	p-level
Intercept			2,375000	0,115920	20,48821	0,000000
Соц. окружение	-0,537180	0,153850	-0,413451	0,118413	-3,49159	0,002175
Личное окружение	0,463004	0,153850	0,356360	0,118413	3,00945	0,006676

На основе корреляции всех выделенных факторов определены четыре фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы идентификации с образом Я жертвы психического насилия. Таким образом, по результатам корреляционного, факторного, регрессионного анализов были выявлены типические особенности образа Я виктимной личности, считающей себя жертвой психического насилия: «независимый и непривлекательный», «самопонимание и самооправдание», «высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой», «высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой». Следовательно, идентификация личности с образом Я жертвы психического насилия может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типологическими характеристиками. Значит, входящие в данные типажи шкалы указанных выше стандартизированных тестов со значимой достоверностью могут рассматриваться как показатели идентификации личности с образом Я жертвы психического насилия в ранней юности.

Результаты исследования группы Ф. В выборке старшекласников, воспринимающих себя как жертв физического насилия, значимые корреляции для особенностей образа Я были выявлены со шкалой интенсивности в восприятии себя жертвой физического насилия. По данным корреляционного анализа была получена матрица, включающая все значимые зависимости между выделенными факторами — типажами образа Я виктимной личности старшекласника. На первом этапе *t*-критерий Стьюдента позволил с достоверной вероятностью определить значимые различия по каждой шкале из используемых методик, по шкале идентификации личности с образом Я жертвы физического насилия. Было установлено, что степень значимости связи исследуемого признака с совокупностью диагностируемых шкалами теста особенностей образа Я является достоверной. Статистическая значимость установленного значения признака для доверительной вероятности $p < 0,05$. Для выявления особенностей мы построили личностный профиль виктимологического образа Я, считающего себя жертвой физического насилия, используя значимые различия по *t*-критерию Стьюдента (прил. 4, рис. 1).

Полученные данные по идентификации старшекласников с типом физического насилия позволяют определить психологические детерминанты и установить психологические особенности образа Я виктимной личности, считающей себя испытавшей физическое насилие, по используемым тестовым методикам. Исследование субъективного восприятия личностью себя как жертвы физического насилия, т. е. идентификации с образом жертвы, на основе корреляции факторов позволяет установить объективные психологические критерии идентификации личности старшекласника с образом жертвы физического насилия. Такими критериями являются установленные психологические характеристики.

По данным корреляционного анализа зависимостей факторов со шкалой идентификации школьников с жертвой физического насилия обнаружена прогнозирующая зависимость по трем факторам: по фактору Л 1 с положительным знаком ($r = 0,41$), Л 2 с положительным значением ($r = 0,43$), «Самооценка» с противоположным значением ($r = -0,42$). Остановимся только на этих факторах подробно, так как именно они, по данным корреляционной матрицы, являются полученными эмпирическим путем критериями идентификации старшеклассником себя с жертвой физического насилия.

Значение коэффициента t-критерия Стьюдента для психологических детерминант, рассчитанных по методике «Диагностика личностных отношений» (Т. Лири) установили зависимость шкал с идентификацией с жертвой физического насилия. По факторизации данных шкал значимыми для объяснительного эффекта являются три фактора Л 1, Л 2, Л 3 (табл. 2.2.9), на основе которых и сформированы типические характеристики для считающих себя жертвой физического насилия, отражающие поведенческий компонент в образе Я личности. Фактор Л 2 — типическая характеристика «дружелюбный — подчиняемый», фактор Л 3 — типическая характеристика «авторитарный — агрессивный». Значимым для предсказательного эффекта определен один фактор Л 1 (табл. 2.2.10). Он коррелирует ($r = 0,41$) со шкалой идентификации с образом Я жертвы психического насилия (приложение 9, табл. 2). Фактор Л 1 включает шкалы подозрительный ($a = 0,902020$), эгоистичный ($a = 0,813848$), зависимый ($a = 0,716473$).

Таблица 2.2.9

Факторизация шкал по поведенческому компоненту

Факторный анализ	Главные компоненты		
	Factor Л 1	Factor Л 2	Factor Л 3
авторитарный	0,096281	0,131534	0,825299
эгоистичный	0,755135	0,034068	0,254706
агрессивный	0,428835	0,084584	0,699821
подозрительный	0,902020	-0,011690	0,184149
подчиняемый	0,182018	0,812297	-0,195181
зависимый	0,716473	0,435717	-0,067207
дружелюбный	0,142203	0,839236	0,319117
альтруистический	-0,092918	0,780651	0,426355
Expl. Var	2,138127	2,189162	1,539519
Prp. Totl	0,267266	0,273645	0,192440

Выделенные типические особенности описывают образ Я как «эгоистичный, подозрительный, зависимый в межличностном взаимодействии человек». Фактор Л 1 — типическая особенность «эгоистичный, подозрительный, зависимый в межличностном взаимодействии», подтверждает ($B = 0,424531$, $P = 0,017067$) предсказательную возможность по множественной регрессии (табл. 2.2.10). А оставшиеся факторы рассматриваются лишь как объясняющие характеристики образа Я виктимной личности, для старшеклассников воспринимающих себя как жертву физического насилия. Таким образом, результаты регрессии подтвердили возможность использования типической особенности «эгоистичный, подозрительный, зависимый в межличностном взаимодействии» при диагностике идентификации с образом Я личности, считающей себя жертвой физического насилия.

Таблица 2.2.10

Коэффициенты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (31)	p-level
Intercept			1,914286	0,165986	11,53284	0,000000
Л 1	0,397698	0,157764	0,424531	0,168409	2,52084	0,017067
Л 2	-0,219247	0,157764	-0,234039	0,168409	-1,38971	0,174518
Л 3	-0,148965	0,157764	-0,159016	0,168409	-0,94423	0,352355

В процессе факторизации шкалы идентификации старшеклассников с жертвой насилия со шкалами теста самоактуализации САТ получены четыре значимых фактора (табл. 2.2.11). По факторным весам определены их содержания. Фактор Ш1 интерпретируем с обратным значением (по корреляционной матрице) — включает типические характеристики, такие как низкие ценностные ориентации, негативное представление о природе человека, низкое самоуважение. Фактор Ш2 — может быть назван по вошедшим в него шкалам как «высокая синзетивность и принятие агрессии». В фактор Ш4 вошли шкала спонтанности ($a = 0,746945$) с положительной корреляцией, шкала познавательных потребностей ($a = 0,761063$) — обозначим его как «спонтанность и высокие познавательные потребности». В фактор Ш3 вошли шкалы гибкость поведения ($a = 0,884535$), поддержки ($a = 0,718733$), синергичности ($a = 0,713506$), контактности ($a = 0,713596$). По данным корреляционного анализа фактор при интерпретации имеет обратное значение. Следовательно, данный психологический типаж имеет не гибкое поведение, не способен быстро реагировать на изменяющуюся

ситуацию, но нуждается в поддержке и одобрении другими людьми своих действий, малоконтактен, не способен к быстрому установлению отношений с другими, плохо воспринимает взаимосвязанность и целостность в картине мира.

Таблица 2.2.11

Результаты факторизации со шкалами методики Э. Шострома

Факторный анализ	Главные компоненты			
	Ш1	Ш2	Ш3	Ш4
шкалы				
ориентация во времени	0,176855	0,311040	0,661954	0,329802
ш поддержки	0,560819	0,136059	0,718733	0,211108
ш ценностных ориентаций	0,832824	-0,183907	0,295337	0,135288
ш гибкости поведения	-0,011018	-0,020614	0,884535	0,242611
ш сензитивности к себе	-0,127199	0,779966	0,010851	0,087322
ш спонтанности	0,326102	0,198943	0,316382	0,746945
ш самоуважения	0,879309	0,308075	0,080746	0,015987
ш самопринятия	0,565269	0,032684	0,389688	0,389159
ш представлений о природе человека	0,788346	-0,196175	-0,055544	0,037555
ш синергичности	0,098731	-0,303997	0,713506	-0,374303
ш принятия агрессии	0,141313	0,804206	0,266188	-0,293965
ш контактности	0,151985	0,453443	0,713596	-0,048961
ш познавательных потребностей	-0,018675	-0,200145	-0,037183	0,761063
ш креативности	0,321569	-0,444231	0,185636	0,482173
Expl.Var	3,032810	2,114063	3,211073	1,989783
Prp.Totl	0,216629	0,151004	0,229362	0,142127

Обозначим фактор «не гибкий, нуждается в поддержке других». Регрессия подтверждает предсказательную возможность (табл. 2.2.12) только для типической особенности образа Я по фактору Ш 3 ($B = -0,437614$, $P = 0,050845$).

Таблица 2.2.12

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (19)	p-level
Intercept			2,421053	0,216123	11,20219	0,000000
Ш1	-0,337900	0,218249	-0,343777	0,222045	-1,54823	0,143871
Ш2	0,028264	0,218249	0,028756	0,222045	0,12950	0,898801
Ш3	-0,430133	0,218249	-0,437614	0,222045	-1,97083	0,050845
Ш 4	0,182073	0,218249	0,185240	0,222045	0,83424	0,418151

По t-критерию Стьюдента по тесту «Символические задания на выявление «социального Я» значимыми определены четыре рейтинговых показателя: самооценка, идентификация с семьей, идентификация с друзьями, идентификация со школой. Первый фактор коррелирует со шкалой идентификации с образом Я жертвы физического насилия с обратным значением ($r = -0,42$). Он включает низкую самооценку ($a = 0,844412$), отсутствие индивидуализации, высокую конформность с группой ($a = 0,788045$), низкую идентификацию со школой ($a = 0,737529$), но при этом высокую социальную заинтересованность ($a = -0,604789$) (табл. 2.2.13).

Таблица 2.2.13

Сравнительный анализ по факторам методики
«Символические задания...»

Факторный анализ	Главные компоненты	
	самооценка	Личное окружение
самооценка	0,844412	-0,625556
социальная заинтересованность	-0,604789	0,024300
индивидуализация	0,788045	0,318551
семья	-0,259396	0,778911
друзья	0,085814	0,884907
школа	0,737529	-0,241897
Expl.Var	2,159533	1,656330
Prp.Totl	0,359922	0,276055

Второй фактор положительно коррелирует со шкалой идентификации с образом Я жертвы физического насилия ($r = 0,46$) (прил. 9, табл. 2). В него вошли: высокая идентификация с друзьями ($a = 0,884907$), высокая идентификация с семьей ($a = 0,778911$). Обозначим первый выделенный фактор как «высокая социальная заинтересованность при низкой самооценки», второй — «высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой». Результаты множественной многомерной регрессии подтвердили предсказательную возможность ($B = -0,413451$, $P = 0,002175$) использования типической особенности «конформность, высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой», при диагностике идентификации с образом Я жертвы физического насилия (табл. 2.2.14). Эта типическая особенность есть и при определении идентификации с жертвой психического насилия.

Таблица 2.2.14

Результаты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (21)	p-level
Intercept			2,375000	0,115920	20,48821	0,000000
Самоцена	-0,537180	0,153850	-0,413451	0,118413	-3,49159	0,002175
Личное окруж.	0,463004	0,153850	0,356360	0,118413	2,00379	0,059561

На основе корреляции по всех выделенных факторов определены три фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы идентификации с образом Я жертвы физического насилия. Таким образом, получилось три характеристики типажа образа Я школьника, считающего себя испытывавшем физическое насилие, которые могут выступать в качестве критерия идентификации старшеклассника с образом Я, считающего себя жертвой физического насилия, что было подтверждено на уровне множественной регрессии.

Итак, по результатам корреляционного, факторного, регрессионного анализов были выявлены типологические особенности образа Я виктимной личности при идентификации с жертвой физического насилия: «эгоистичный, подозрительный, зависимый в межличностном взаимодействии»; «не гибкий, нуждается в поддержке других»; «высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой». Следовательно, идентификация школьников с образом Я личности, считающей себя жертвой физического насилия, может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями — факторами, а входящие в них шкалы указанных тестов с достоверностью могут рас-

смагиваться как показатели идентификации личности с образом Я, испытывавшим насилие.

Результаты исследования группы Ф/П. В выборке старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой психического и физического насилия, значимые результаты были выявлены по шкале интенсивности в восприятии себя жертвой и психического и физического насилия. По данным корреляционного анализа зависимостей факторов с идентификацией с образом Я жертвы психического и физического насилия обнаружена прогнозирующая зависимость по факторам P1 с противоположным значением ($r = -0,57$), CO1 с положительным знаком ($r = 1,00$), П4 ($r = 0,41$). Остановимся только на этих факторах подробно, поскольку они являются полученными эмпирическим путем показателями в определении идентификации старшеклассников с образом Я личности, считающей себя жертвой и психического, и физического насилия. По результатам t-критерия Стьюдента мы установили шкалы, вошедшие в личностный профиль, достоверно описывающие особенности образа Я, считающих себя жертвой психического и физического насилия. Фактор P1 выделен методом главных компонент по шкалам методики Личностного дифференциала (табл. 2.2.15). В него вошли шкалы нелюдимый — общительный ($a = 0,829993$), замкнутый — открытый ($a = 0,821436$), непривлекательный — обаятельный ($a = 0,711227$), неуверенный — уверенный ($a = 0,680576$), нерешительный — решительный ($a = 0,652350$). Они коррелируют с обратным знаком со шкалой идентификации старшеклассников с образом Я жертвы психического и физического насилия.

Таблица 2.2.15

Факторизация со шкалами методики Личностного дифференциала

Факторный анализ	Главные компоненты				
	P1	P2	P3	P4	P5
Показатель шкалы					
непривлекательный — обаятельный	0,711227	-0,085507	0,038870	0,050903	-0,027631
слабый — сильный	0,483239	0,368815	0,084460	-0,002811	0,274988
молчаливый — разговорчивый	0,193107	-0,017114	0,234246	0,637917	0,020139
безответственный — добросовестный	0,122849	0,709244	-0,053660	-0,033328	0,262530
уступчивый — упрямый	-0,274423	-0,058238	-0,398679	0,611829	-0,137695
замкнутый — открытый	0,821436	0,257877	0,024425	-0,096781	0,214590
эгоистичный — добрый	-0,165649	0,410195	0,575808	0,259849	0,017963

Окончание таблицы 2.2.15

Факторный анализ	Главные компоненты				
зависимый — независимый	0,050778	0,421137	0,110587	-0,049859	0,439819
пассивный — деятельный	0,126884	0,782829	-0,011149	0,067346	0,075129
черствый — отзывчивый	0,137281	0,218483	-0,030356	0,026915	0,814046
нерешительный — решительный	0,652350	0,145306	0,165900	0,597755	-0,081111
вялый — энергичный	0,507337	0,073002	-0,151965	-0,110724	0,606580
несправедливый — справедливый	0,150179	0,712394	0,135772	0,489778	0,041053
расслабленный — напряженный	-0,067300	-0,098390	-0,727252	-0,139843	0,044111
спокойный — суетливый	0,107201	-0,571435	-0,360174	0,291443	0,094692
враждебный — дружелюбный	-0,012772	-0,256113	0,576599	0,143536	0,469873
неуверенный — уверенный	0,680576	0,126346	0,173878	0,387054	0,032195
нелюдимый — общительный	0,829993	-0,032936	0,050818	0,004089	0,161153
неискренний — честный	0,191709	-0,367264	0,371682	0,366610	0,359316
несамостоятельный — самостоятельный	-0,007757	0,105404	-0,030015	0,544772	0,506625
невозмутимый — раздражительный	-0,319467	-0,050416	-0,760855	0,231602	0,107359
Expl.Var	3,619407	2,824063	2,381670	2,238815	2,105003
Prp.Totl	0,172353	0,134479	0,113413	0,106610	0,100238

Следовательно, имеем психологическую типическую особенность, включающую в себя такие характеристики, как нелюдимый, замкнутый, непривлекательный, неуверенный, нерешительный, с заниженной самооценкой. Вероятнее всего такими личностными характеристиками обладают аутсайдеры-интроверты, которые испытывают сложности с социально-психологической адаптацией в группе. Назовем данную типическую особенность как «интровертированный и неуверенный». Результаты множественной регрессии (табл. 2.2.16) подтвердили предсказательную возможность ($B = -0,245926$, $P = 0,054416$) использования типажа «интровертированный и неуверенный» при диагностике идентификации с испытывавшим насилие.

Таблица 2.2.16

Коэффициенты регрессии

Регрессионный анализ	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (18)	p-level
Intercept			2,675676	0,121338	22,05148	0,000000
P1	-0,317430	0,158777	-0,245926	0,123011	-1,99922	0,054416
P2	0,278487	0,158777	0,215756	0,123011	1,75395	0,089322
P3	-0,034540	0,158777	-0,026760	0,123011	-0,21754	0,829216
P4	0,163742	0,158777	0,126858	0,123011	1,03127	0,310394
P5	-0,110282	0,158777	-0,085440	0,123011	-0,69457	0,492499

Фактор CO1 получен в процессе факторизации со шкалой идентификации старшеклассников с жертвой психического насилия и со шкалами теста В. Столина (табл. 2.2.17).

Таблица 2.2.17

Результаты факторизации со шкалами методики В. Столина

Факторный анализ	Главные компоненты			
	CO1	CO2	CO3	CO4
Шкалы теста				
самоуважение	0,161836	0,152752	-0,020878	0,864838
аутосимпатия	0,237149	0,331286	0,722534	0,140085
ожидание положит. отношения от других	0,330774	-0,440764	0,554074	-0,356975
самоинтерес, интересность для других	0,740242	-0,160482	-0,206892	0,240839
самоуверенность	0,551997	-0,049539	0,026417	-0,121028
отношение других	0,219032	-0,767418	-0,013360	0,058907
самопринятие	0,700679	0,132382	0,182082	0,325525
саморуководство	-0,483650	-0,506795	0,227573	0,527668
самообвинение	0,112790	0,091910	-0,854530	0,006408
самоинтерес к соб. мыслям, чувствам	0,865237	-0,136666	0,189352	-0,052141
самопонимание	0,005691	0,693035	0,051536	0,182246
Expl.Var	2,415686	1,726284	1,726844	1,391493
Prp.Totl	0,219608	0,156935	0,156986	0,126499

В него вошли с положительной корреляцией такие шкалы, как самоинтерес к собственным мыслям, чувствам ($a = 0,865237$), самоинтерес как уверенность в собственной интересности для других ($a = 0,740242$), самопринятие ($a = 0,700679$), самоуверенность ($a = 0,551997$). Назовем фактор «самоинтерес», следовательно, психологический типаж обозначим как «высокий самоинтерес». Регрессия (табл. 2.2.18) удостоверяет предсказательную зависимость ($B = -0,269497$, $P = 0,038054$).

Таблица 2.2.18

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (19)	p-level
Intercept			2,675676	0,122855	21,77918	0,000000
CO1	-0,347854	0,160762	-0,269497	0,124549	-2,16378	0,038054
CO2	-0,081929	0,160762	-0,063474	0,124549	-0,50963	0,613810
CO3	-0,192770	0,160762	-0,149347	0,124549	-1,19910	0,239294
CO4	-0,090000	0,160762	-0,069726	0,124549	-0,55983	0,579493

В итоге результаты регрессии подтвердили предсказательную возможность использования типической особенности образа Я виктимной личности «высокий самоинтерес» при диагностике по шкалам указанной методики идентификации школьника с образом Я личности, считающей себя жертвой и психического, и физического насилия.

Таблица 2.2.19

Результаты факторизации со шкалами методики Э. Шосторома

Факторный анализ	Главные компоненты			
	Factor Ш1	Factor Ш2	Factor Ш3	Factor Ш4
Показатели				
ориентация во времени	0,808062	0,281901	0,092925	0,107465
ш поддержки	0,696824	0,393019	0,020168	0,463724
ш ценностных ориентаций	0,165593	0,672867	0,058549	0,350011
ш гибкости поведения	0,839970	-0,065359	-0,060150	0,272992
ш сензитвности к себе	-0,037017	0,790733	0,318292	-0,030646
ш спонтанности	0,625131	0,497324	0,270083	-0,088279
ш самоуважения	0,431917	0,260380	0,411598	0,688689
ш самопринятия	0,616990	0,080037	-0,099889	0,518278

Окончание таблицы 2.2.19

Факторный анализ	Главные компоненты			
ш представлений о прир. человека	0,342259	-0,052744	0,147483	0,805741
ш синергичности	0,065639	0,223860	0,021347	0,803435
ш принятия агрессии	0,200914	0,803911	-0,342866	0,160142
ш контактности	0,858014	0,014291	-0,061860	0,204157
ш познавательных потребностей	-0,090924	0,012053	0,909529	0,126171
ш креативности	0,321728	0,293837	0,330373	0,068922
Expl.Var	3,840666	2,423605	1,449713	2,430242
Prp.Totl	0,274333	0,173115	0,103551	0,173589

По результатам факторного анализа со шкалами теста САТ был выделен третий фактор, не только описывающий, но и объясняющий особенности в самосознании считающего себя жертвой психического и физического насилия, что было подтверждено на уровне множественной регрессии ($r = 0,41$). Фактор включает шкалу представлений о природе ($a = 0,805741$), шкалу синергичности ($a = 0,803435$), шкалу самоуважения ($a = 0,688689$). Обозначим выделенную типическую особенность как «положительные представления о природе человека». Результаты множественной многомерной регрессии (табл. 2.2.10) подтвердили предсказательную возможность использования типической особенности «положительные представления о природе человека» при объяснении идентификации с образом Я виктимной личности, считающей себя жертвой психического и физического насилия ($B = -0,283053$, $P = 0,030665$).

Таблица 2.2.20

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (32)	p-level
Intercept			2,675676	0,123463	21,67181	0,000000
Ш 1	-0,176495	0,161559	-0,136738	0,125166	-1,09245	0,282792
Ш 2	-0,005936	0,161559	-0,004599	0,125166	-0,03674	0,970920
Ш 3	0,009643	0,161559	0,007471	0,125166	0,05969	0,952776
Ш 4	-0,365351	0,161559	-0,283053	0,125166	-2,26141	0,030665

Отметим, что идентификация старшеклассника с образом Я личности, считающей себя жертвой и психического и физического насилия, может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями образа Я виктимной личности: «интровертированный и неуверенный», «высокий самоинтерес», «положительные представления о природе человека». Входящие в данные факторы шкалы указанных тестов со значимой достоверностью могут рассматриваться показателями идентификации с образом Я личности, полагающей себя испытавшей насилие.

Итак, для выявления особенностей личностных детерминант мы построили личностный профиль образа Я виктимной личности, испытавшей психическое и физическое насилие, используя значимые различия по *t*-критерию Стьюдента по всем используемым методикам исследования. Затем на основе корреляции всех выделенных факторов определены факторы, значимо коррелируемые с показателями шкалы идентификации с жертвой насилия.

По результатам корреляционного, факторного, регрессионного анализов были выявлены типические особенности образа Я виктимной личности, идентифицирующей себя с жертвой: только психического насилия — «независимый и непривлекательный», «высокое самопонимание и самооправдание», «высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой», «высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой»; только физического насилия — «эгоистичный, подозрительный, зависимый в межличностном взаимодействии», «не гибкий, не нуждается в поддержке других», «высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой»; и психического и физического насилия — «интровертированный и неуверенный», «высокий самоинтерес», «положительные представления о природе человека».

Таким образом, в ранней юности образ Я виктимной личности, считающей себя жертвой, характеризуется типическими особенностями: общими (высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой) и специфическими для физического (необходимость в поддержке других людей, ригидность, эгоистичность в межличностном взаимодействии), психического (самопонимание, самооправдание, высокая идентификация с ближайшим окружением), одновременно физического и психического насилия (развитый самоинтерес, положительные представления о природе человека). Поскольку в исследовании были установлены типические характеристики образа Я виктимной личности старшеклассников, воспринимающих себя испытавшими насилие, то в соответствии с ними возможна организация психокоррекционной работы со школьниками

старших классов. Снижение виктимизации личности в ранней юности возможно через коррекцию именно тех психологических особенностей, которые свойственны конкретной виктимной личности, отождествляющей себя с тем или иным типом жертвы насилия.

2.3. Психологические особенности виктимологического образа Я старшекласников, идентифицирующих себя с жертвой, живущих в различных социокультурных условиях

Поскольку анализ специальной литературы показал, что насилию старшекласник может подвергаться чаще всего в семье, мы остановили выбор на типе семьи как факторе реального психологического и социокультурного воздействия на самосознание личности. Через объективное разделение старшекласников по социальным условиям воспитания все исследуемые были распределены по условиям воспитательной среды на независимые группы. Каждой группе присвоена соответствующая буква: старшекласники, воспитывающиеся в полной семье — группа ПС, юноши и девушки, воспитывающиеся в неполной семье — группа НС, старшекласники, проживающие в детском доме — группа ДД. Методом корреляционного анализа была получена матрица, где определены факторы, достоверно предсказывающие наличие зависимости между идентификацией с образом жертвы и используемыми тестовыми шкалами, представленными в выделенных факторах, для старшекласников, проживающих в разных социальных условиях воспитания.

Результаты исследования группы ПС. В выборке старшекласников, воспитывающихся в полной семье, значимые сравнения были выявлены по шкале интенсивности в восприятии себя жертвой психического насилия и по шкале восприятия себя жертвой физического насилия. По данным корреляционного анализа была получена матрица, включающая все значимые зависимости между выделенными факторами, характеризующими образ Я считающих себя жертвой психического насилия. По данным корреляционного анализа зависимостей полученных факторов со шкалой идентификации с жертвой психического насилия обнаружена прогнозирующая зависимость по одному фактору: СО 3 с противоположным значением ($r = -0,34$). Остановимся на этом факторе подробно, поскольку он является полученным эмпирическим путем показателем типологической особенности образа Я виктимной личности при определении идентификации старшекласников с жертвой психического насилия.

На уровне *t*-критерия Стьюдента по шкалам методики В. В. Столина подтверждена взаимосвязь со шкалой интенсивности идентификации старшеклассников с жертвой насилия. Так, фактор СО 3 получен в процессе факторизации шкал теста В. Столина со шкалой идентификации старшеклассников с образом Я жертвы психического насилия по результатам исследования старшеклассников, воспитывающихся в полной семье (табл. 2.3.1). В него вошли такие шкалы, как «ожидание положительного отношения от других» ($a = 0,913414$), «ожидание отношения других людей к себе» ($a = 0,922988$), «самоуверенность» ($a = 0,582445$) (табл. 2.3.1).

Таблица 2.3.1

Сравнительный анализ факторов по методике В. В. Столина

Факторный анализ	Главные компоненты		
	СО1	СО2	СО3
шкалы теста			
самоуважение	0,207614	0,874964	0,046410
аутосимпатия	0,361450	0,653168	0,350612
ожидание положительного отношения от других	0,257086	0,056613	0,913414
самоинтерес	0,901260	-0,061659	-0,104217
самоуверенность	0,615127	0,453263	0,582445
отношение других	0,028283	0,158989	0,922988
самопринятие	0,329333	0,576093	0,318647
саморуководство	-0,120052	0,558966	0,274143
самообвинение	-0,523266	-0,522087	-0,231837
самоинтерес	0,885760	0,075140	0,274819
самопонимание	-0,139025	0,740649	-0,301784
Expl. Var	2,631872	2,901030	2,365479
Prp. Totl	0,239261	0,263730	0,215044

Поскольку прогнозирующая зависимость по фактору СО 3 с противоположным значением ($r = -0,34$) есть выделенный типаж жертвы, то он предполагает, что субъект ждет внимания от других людей, нуждается в поддержке, но не ожидает положительного отношения к себе, считает себя уникальным, не похожим на других, однако он не уверен, не ставит задачу на увеличение самоуважения, зависит от отношения других к себе. Назовем выявленную типическую особенность — «не ожидает положительного отношения от других». Регрессия (табл. 2.3.2) не подтверждает предсказательную зависимость типажа «не ожидает положительного от-

ношения от других» по идентификации личности себя с жертвой психического насилия ($B = -0,381460$, $P = 0,056415$).

Таблица 2.3.2

Коэффициенты регрессии факторов по психическому насилию

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (19)	p-level
Intercept			2,023810	0,163156	12,40411	0,000000
CO1	-0,030048	0,148097	-0,033505	0,165134	-0,20289	0,840300
CO2	-0,220510	0,148097	-0,245878	0,165134	-1,48896	0,144751
CO3	-0,342103	0,148097	-0,381460	0,165134	-2,31000	0,056415

Регрессия подтверждает (табл. 2.3.3) предсказательную зависимость этого же фактора — «не ожидает положительного отношения от других» и по физическому насилию ($B = -0,697330$, $P = 0,000058$). По результатам корреляционного анализа со шкалой идентификации с физическим насилием этот фактор имеет значимую корреляцию $r = -0,59$.

Таблица 2.3.3

Коэффициенты регрессии факторов по физическому насилию

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (38)	p-level
Intercept			2,000000	0,152377	13,12534	0,000000
CO1	-0,027546	0,129667	-0,032763	0,154224	-0,21244	0,832900
CO2	0,128777	0,129667	0,153165	0,154224	0,99313	0,326928
CO3	-0,586295	0,129667	-0,697330	0,154224	-4,52154	0,000058

По данным корреляционного анализа зависимостей факторов, объясняющих психологические особенности личностей, считающих себя жертвой, с рейтинговой идентификацией с образом Я жертвы физического насилия, обнаружена прогнозирующая зависимость по факторам: P2 с положительным знаком ($r = 0,41$), CO3 с отрицательным знаком ($r = -0,59$). Фактор CO3 описан выше при идентификации старшеклассников, воспитывающихся в полной семье, с образом Я, воспринимающего себя как жертву психического насилия — «не ожидает положительного отношения от других». По результатам корреляционного анализа для факторов субъективного восприятия установлен рейтинг идентификации с жертвой и установлены объективные психологические показатели ($p < 0,05$) того, что человек будет воспринимать себя как жертву психического или

физического насилия. На уровне t-критерия Стьюдента по 21 шкале методики «Личностный дифференциал» подтверждена взаимосвязь ($p < 0,05$) со шкалой интенсивности идентификацией старшеклассников с жертвой насилия. Фактор P2 выделен методом главных компонент по показателям субшкал методики, описывающей образ Я — реального в прилагательных (табл. 2.3.5). Фактор P2 с положительным знаком коррелирует с идентификацией старшеклассников себя в качестве жертвы физического насилия ($r = 0,41$). В него вошли шкалы спокойный — суетливый ($a = 0,789229$), уступчивый — упрямый ($a = 0,774274$), невозмутимый — раздражительный ($a = 0,645613$), расслабленный — напряженный ($a = 0,610686$). Все они коррелируют с обратным знаком со шкалой идентификации с жертвой физического насилия, следовательно, имеем психотип, объясняющий такие личностные характеристики как суетливый, упрямый, раздражительный, напряженный. Именно эти психологические особенности образа Я способствуют виктимизации личности старшеклассника в семье полного типа.

Таблица 2.3.4

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (37)	p-level
Intercept			2,000000	0,158192	12,64286	0,000000
P 1	0,218159	0,134616	0,259475	0,160110	1,62061	0,113594
P2	0,410927	0,134616	0,488750	0,160110	3,05260	0,004186
P3	-0,252945	0,134616	-0,300848	0,160110	-1,87901	0,068138
P4	0,221526	0,134616	0,263480	0,160110	1,64562	0,108312

Данные типические особенности образа Я виктимной личности старшеклассника, считающего себя жертвой, определим как «упрямый и раздражительный». Результаты множественной регрессии подтвердили предсказательную возможность ($B = 0,488750$, $P = 0,004186$) использования типажа «упрямый и раздражительный» при диагностике идентификации с жертвой физического насилия у воспитывающегося в полной семье (табл. 2.3.4). На основе критериев корреляции всех выделенных факторов по группе ПС для старшеклассников, воспитывающихся в полной семье, определены два фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы идентификации с жертвой физического насилия, и один фактор, коррелируемый с показателями шкалы идентификации с жертвой психического насилия, который одновременно является значимым в корреляции по физическому насилию.

Таблица 2.3.5

**Результаты факторизации со шкалами методики
«Личностный дифференциал»**

Факторный анализ	Главные компоненты			
	Factor P1	Factor P2	Factor P3	Factor P4
непривлекательный — обаятельный	0,424085	0,564318	0,022369	0,026424
слабый — сильный	0,519524	0,185003	0,319977	0,062150
молчаливый — разговорчивый	0,583555	0,193768	-0,020664	0,358845
безответственный — добросовестный	0,522977	0,199802	0,496066	0,241156
уступчивый — упрямый	0,182387	0,774274	0,090765	0,094376
замкнутый — открытый	0,397928	0,168399	0,648096	0,309375
эгоистичный — добрый	0,356660	-0,159557	-0,081309	0,749426
зависимый — независимый	-0,361956	0,165054	0,437074	0,528853
пассивный — деятельный	0,399403	0,350071	0,479725	0,077977
черствый — отзывчивый	0,057958	0,128162	0,773845	0,143982
нерешительный — решительный	0,734617	0,049265	0,165918	0,009023
вялый — энергичный	0,379089	-0,065664	0,834531	-0,114623
несправедливый — справедливый	0,761016	0,121447	0,202003	0,118672
расслабленный — напряженный	0,110806	0,610686	0,145759	0,199924
спокойный — суетливый	-0,112742	0,789229	0,116462	-0,244255
враждебный — дружелюбный	0,264107	-0,150704	0,148022	0,864510
неуверенный — уверенный	0,596496	0,121305	0,218392	0,243194
нелюдимый — общительный	0,255303	0,147752	0,535454	0,519742
неискренний — честный	0,561594	0,155008	0,441605	0,173466
несамостоятельный — самостоятельный	0,135074	-0,031326	0,842945	-0,040627
невозмутимый — раздражительный	0,191115	0,645613	-0,057507	-0,272846
Expl.Var	3,824907	2,768073	3,869058	2,474015
Prp.Totl	0,182138	0,131813	0,184241	0,117810

Типическая особенность образа Я виктимной личности — «не ожидает положительного отношения от других» определяет специфику иденти-

фикации с жертвами и психического, и физического насилия. Типическая особенность — «упрямый и раздражительный» определяет идентификацию школьников с жертвой физического насилия.

Таким образом, из всех выделенных психологических характеристик определилось два типажа жертв насилия в полной семье, которые могут не только объяснять, описывать образ Я личности, испытавшей насилие, но и предсказывать, диагностировать особенности, что было подтверждено на уровне множественной регрессии по каждому из них. Следовательно, идентификация личности, воспитывающейся в полной семье, с жертвой насилия может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями образа Я. Входящие в типические характеристики шкалы тестов со значимой достоверностью могут использоваться для определения особенностей образа Я виктимной личности, идентифицирующей себя с жертвой насилия, для воспитывающихся в полной семье старшеклассников.

Результы исследования группы НС. В выборке старшеклассников, воспитывающихся в неполной семье, значимые сравнения были выявлены только по шкале интенсивности в восприятии школьниками себя жертвой психического насилия. По данным корреляционного анализа была получена матрица, включающая в себя все значимые зависимости между выделенными факторами — психологическими характеристиками образа Я школьников, воспринимающих себя жертвой насилия. По данным корреляционного анализа зависимостей полученных факторов с идентификацией с образом Я личности, считающей себя жертвой психического насилия, обнаружена прогнозирующая зависимость по следующим факторам: Р3 с противоположным значением ($r = -0,59$), СО4 с противоположным значением ($r = -0,41$), Л 1 с положительным знаком ($r = 0,40$), УСК1 с противоположным значением ($r = -0,53$), по фактору «Друзья» с противоположным значением ($r = -0,50$).

На основании коэффициентов t-критерия Стьюдента из всех шкал методики Личностного дифференциала, исследующих образ Я реального, и идентификации с образом Я жертвы выделены четыре фактора, достоверно описывающие психологические типажи личности старшеклассников, считающих себя жертвой психического насилия (табл. 2.3.6). В фактор Р3 вошли шкалы теста «безответственный — добросовестный» ($a = 0,816944$), «несправедливый — справедливый» ($a = 0,773571$), «зависимый — независимый» ($a = 0,723954$). Шкалы коррелируют с обратным знаком со шкалой идентификации старшеклассников с образом Я, считающих себя жертвой психического насилия, следовательно, имеем фактор, объясняющий такие личностные характеристики, как безответственный, несправедливый, зависимый.

Таблица 2.3.6

**Результаты факторного анализа со шкалами методики
«Личностный дифференциал»**

Факторный анализ	Главные компоненты			
	Factor P1	Factor P2	FactorP3	Factor P4
непривлекательный — обаятельный	-0,522873	0,050018	-0,331788	0,448909
слабый — сильный	0,687505	-0,166076	0,180713	0,402036
молчаливый — разговорчивый	0,799716	0,034476	-0,026351	0,014876
безответственный — добросовестный	-0,421717	0,013457	0,816944	0,095647
уступчивый — упрямый	0,770276	-0,140815	-0,023951	-0,277398
замкнутый — открытый	-0,174551	-0,174999	0,480226	0,567748
эгоистичный — добрый	-0,245938	0,473176	0,556401	-0,153403
зависимый — независимый	0,292354	0,059167	0,723954	-0,043826
пассивный — деятельный	0,130662	-0,246997	0,522849	0,121234
черствый — отзывчивый	-0,038139	0,710109	0,179320	0,153985
нерешительный — решительный	0,840082	0,263521	0,044775	0,205692
вялый — энергичный	0,201793	0,141632	-0,254441	0,795740
несправедливый — справедливый	0,141383	0,521721	0,773571	-0,149503
расслабленный — напряженный	-0,456437	0,140337	-0,410567	0,113417
спокойный — суетливый	0,596603	-0,080069	-0,148638	-0,015623
враждебный — дружелюбный	0,031304	0,766732	-0,150952	0,226148
неуверенный — уверенный	0,791750	0,139162	0,213256	0,264830
нелюдимый — общительный	0,312334	0,155799	0,104539	0,618467
неискренний — честный	-0,111707	0,535803	-0,001294	0,102634
несамостоятельный — самостоятельный	0,438990	0,735783	-0,178834	-0,090083
невозмутимый — раздражительный	0,160588	-0,275742	-0,023781	-0,467058
Expl. Var	4,638825	2,798377	2,715904	2,287212
Prp. Totl	0,220896	0,133256	0,129329	0,108915

Именно эти свойства способствуют психологической виктимизации личности старшеклассника в неполной семье. Назовем выделенную типическую особенность образа Я «безответственный — несправедливый».

Таблица 2.3.7

Коэффициенты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (37)	p-level
Intercept			1,914286	0,141783	13,50151	0,000000
P 1	0,218370	0,134760	0,233104	0,143853	1,62043	0,115606
P2	-0,204603	0,134760	-0,218408	0,143853	-1,51827	0,139415
P3	-0,587286	0,134760	-0,626911	0,143853	-4,35800	0,000142
P4	0,144000	0,134760	0,153716	0,143853	1,06856	0,293790

Результаты множественной регрессии ($B = -0,626911$, $P = 0,000142$) подтвердили предсказательную возможность использования типажа «безответственный — несправедливый» при диагностике идентификации с образом Я для считающих себя жертвой, воспитывающихся в неполной семье (табл. 2.3.7).

Фактор СО 4 получен в процессе факторизации шкалы интенсивности идентификации старшеклассников с жертвой психического насилия со шкалами теста В. В. Столина (табл. 2.3.8).

Таблица 2.3.8.

Результаты факторизации со шкалами методики В. В. Столина

Факторный анализ	Главные компоненты			
	СО1	СО2	СО3	СО4
Шкалы теста				
самоуважение	-0,002531	-0,032987	0,734551	0,565126
аутосимпатия	0,892718	0,047506	0,332681	-0,158163
ожидание положительного отношения от других	0,603106	0,565315	0,040365	-0,215861
самоинтерес	-0,110350	0,769604	-0,139819	0,329735
самоуверенность	0,135392	0,211366	0,809695	-0,071299
отношение других	-0,053905	0,812491	0,208163	0,110465
самопринятие	0,615969	-0,167547	0,510583	-0,082025

Окончание таблицы 2.3.8.

Факторный анализ	Главные компоненты			
саморуководство	0,000054	0,246611	-0,046479	0,930698
самообвинение	-0,880839	-0,065226	0,150858	-0,250458
самоинтерес	0,236446	0,873709	-0,125821	0,012919
самопонимание	0,050761	-0,100227	0,569542	-0,042422
Expl.Var	2,407882	2,486591	1,996183	1,454614
Prp.Totl	0,218898	0,226054	0,181471	0,132238

В него вошла с наибольшим вкладом шкала «саморуководство» ($a = 0,930698$) с положительной корреляцией, что подразумевает способность к самостоятельности, к оценке своих возможностей контролировать собственную жизнь, быть самопоследовательным. Поскольку весь фактор имеет обратное значение, выделенный психологический типаж имеет низкие показатели по шкале «саморуководство». Назовем установленную типическую особенность «слабое саморуководство».

Таблица 2.3.9

Коэффициенты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (19)	p-level
Intercept			1,914286	0,172857	11,07438	0,000000
CO1	-0,138352	0,164296	-0,147687	0,175381	-0,84209	0,406399
CO2	0,003303	0,164296	0,003526	0,175381	0,02010	0,984093
CO3	-0,062483	0,164296	-0,066699	0,175381	-0,38031	0,706397
CO4	-0,408844	0,164296	-0,436429	0,175381	-2,48847	0,018607

Коэффициенты регрессии (табл. 2.3.9) подтверждают предсказательную зависимость по фактору CO4 — «слабое саморуководство» ($B = -0,436429$, $P = 0,018607$). Следовательно, результаты регрессии подтвердили предсказательную возможность использования его при диагностике идентификации с жертвой психического насилия в неполной семье. По методике исследования личности Т. Лири значимым для предсказательного эффекта определен фактор Л 1 (табл. 2.3.10). Он положительно коррелирует ($r = 0,40$) со шкалой интенсивности идентификации с жертвой психического насилия.

Таблица 2.3.10

Факторизация по шкалам методики Т. Лири

Факторный анализ	Главные компоненты		
	Factor Л 1	Factor Л 2	Factor Л 3
авторитарный	0,524718	-0,229395	0,570878
эгоистичный	0,813848	0,045062	0,135054
агрессивный	0,877127	0,069326	0,224670
подозрительный	0,603076	0,449836	0,065065
подчиняемый	-0,036842	0,885562	0,005455
зависимый	0,210249	0,660214	0,308598
дружелюбный	0,062684	0,222330	0,881924
альтруистический	0,231313	0,141008	0,837227
Expl.Var	2,173728	1,551228	1,972853
Prp.Totl	0,271716	0,193904	0,246607

Фактор Л 1 включает шкалы эгоистичный ($a = 0,813848$), агрессивный ($a = 0,877127$). Обозначим его как «эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии». Фактор Л 2 включает шкалы «подчиняемый», ($a = 0,885562$), «зависимый» ($a = 0,660214$). Обозначим данный психологический типаж как «подчиняемый». Фактор Л 3 включает шкалы «дружелюбный» ($a = 0,881924$), «альтруистический» ($a = 0,837227$). Обозначим выделенный психологический типаж как «альтруистический».

Таблица 2.3.11

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (31)	p-level
Intercept			1,914286	0,165986	11,53284	0,000000
Л 1	0,397698	0,157764	0,424531	0,168409	2,52084	0,017067
Л 2	-0,219247	0,157764	-0,234039	0,168409	-1,38971	0,174518
Л 3	-0,148965	0,157764	-0,159016	0,168409	-0,94423	0,352355

Поскольку только фактор Л 1 «эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии» подтверждает предсказательную возможность ($B = 0,424531$, $P = 0,017067$) по множественной регрессии (табл. 2.3.11),

то остальные рассматриваются лишь как объясняющие типические особенности образа Я виктимной личности для школьников, считающих себя жертвой, воспитывающихся в неполной семье. Из психологических детерминант методики «Уровень субъективного контроля», установленных по результатам t-критерия, методом факторизации получили два фактора, составляющие типические особенности у старшеклассников, считающих себя жертвой, в неполной семье. Множественная регрессия подтвердила объясняющее значение лишь одного фактора по психическому насилию. По результатам корреляционного анализа фактор УСК1 является существенным для прогнозирования идентификации образа Я личности с жертвой психического насилия. В данный фактор вошли (табл. 2.3.12) с наибольшими факторными весами шкалы: интернальность в семейных отношениях ($a = 0,927853$), общая интернальность ($a = 0,810162$), интернальность достижений ($a = 0,801092$, интернальность неудач ($a = 0,769930$). Фактор коррелирует с рейтинговой идентификацией личности с образом жертвы психического насилия с обратным значением ($r = -0,53$).

Таблица 2.3.12

Результаты факторизации со шкалами методики УСК

Факторный анализ	Главные копоненты	
	Factor УСК 1	Factor УСК 2
Параметры		
общая интернальность	0,810162	0,515362
инт достижений	0,801092	0,391251
инт неудач	0,769930	0,045970
инт в семейных отношениях	0,927853	0,052130
инт в производственных отношениях	0,687594	0,566480
инт межличностных отношений	0,206164	0,814671
инт здоровья	0,081545	0,891238
Expl.Var	3,273753	2,202400
Prp.Totl	0,467679	0,314629

Следовательно, выявленную типическую особенность виктимной личности опишем так: обладающий низкой интернальностью в семейных отношениях субъект считает, что члены семьи — причина всех значимых отношений в его семье; низкий уровень субъективного контроля; приписывающий свои достижения обстоятельствам, другим людям, склонный обвинять других людей в собственных неудачах. Обозначим ее как «низкая интернальность в области семейных отношений». По результатам множе-

ственной регрессии (табл. 2.3.13) типическая особенность «низкая интернальность в области семейных отношений» подтверждает предсказательную возможность ($B = -0,560893$, $P = 0,001082$) определения виктимизации личности. Выделенная типическая особенность виктимной личности может рассматриваться не только как объясняющая образ Я старшеклассников, воспитывающихся в неполной семье, но и как показатель в идентификации с образом Я жертвы психического насилия.

Таблица 2.3.13

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (32)	p-level
Intercept			1,914286	0,153861	12,44169	0,000000
1	-0,525440	0,146240	-0,560893	0,156107	-3,59301	0,001082
2	0,198892	0,146240	0,212311	0,156107	1,36004	0,183323

По тесту «Символические задания на выявление «социального Я» (The Self Social Symbols Tasks) значимым для предсказательного эффекта определен один фактор из полученных трех, объясняющих психологические типы жертвы.

Таблица 2.3.14

Результаты факторизации со шкалами методики «Символические задания...»

Факторный анализ	Главные компоненты		
	Соц. интерес	Самооценка	Друзья
самооценка	0,125115	0,753605	-0,067066
сила	0,698118	0,026545	0,020010
эгоцентричность	-0,556590	0,515990	-0,151569
социальная заинтересованность	-0,780584	-0,072113	-0,006215
индивидуализация	-0,539047	0,018641	0,699875
семья	-0,095267	0,616519	0,023580
друзья	0,121591	-0,079424	0,833929
школа	0,299895	0,560668	0,03427
Expl.Var	1,736176	1,541169	1,399681
Prp.Totl	0,217022	0,192646	0,174960

Фактор коррелирует (табл. 2.3.14) со шкалой идентификации с образом Я жертвы психического насилия с обратным значением ($r = -0,50$), включает в себя показатели идентификации с друзьями ($a = 0,833929$), индивидуализации ($a = 0,699875$). Следовательно, он характеризуется низкой идентификацией с друзьями, при этом отсутствием индивидуализации или высокой конформностью с группой, вероятно, только внешней конформностью, провоцирующий когнитивный диссонанс и слабую идентификацию с друзьями. Такая типическая особенность может быть названа «внешний конформизм». Результаты множественной многомерной регрессии (табл. 2.3.15) подтвердили возможность использования психотипа «внешний конформизм» при диагностике идентификации личностью себя как жертвы психического насилия для детей, воспитывающихся в неполной семье ($B = -0,533298$, $P = 0,001834$), и не подтвердили возможность использования вышеназванного психотипа для считающих себя жертвами физического насилия.

Таблица 2.3.15

Коэффициенты регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (21)	p-level
Intercept			1,914286	0,154251	12,41023	0,000000
школа	0,102470	0,146610	0,109384	0,156503	0,69893	0,489808
семья	0,271249	0,146610	0,289551	0,156503	1,85014	0,073846
друзья	-0,499590	0,146610	-0,533298	0,156503	-3,40760	0,001834

На основе корреляции всех выделенных факторов определены пять значимо коррелируемых с показателями шкалы интенсивности идентификации с жертвой психического насилия в неполной семье. Таким образом, получились типические особенности образа Я виктимной личности в группе НП, которые могут не только объяснять, описывать, но и диагностировать идентификацию личности с жертвой, что было подтверждено на уровне множественной регрессии. Следовательно, идентификация личности с образом Я жертвы психического насилия в неполной семье может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями виктимной личности: «безответственный и несправедливый»; «слабое саморуководство»; «эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии»; «низкая интернальность в области семейных отношений»; «внешний конформизм», а входящие в данные типические характеристики образа Я шкалы указанных тестов со значимой достоверностью могут использоваться для определения показателя идентификация образа Я личности в ранней юности с жертвой психического насилия в неполной семье.

Результаты исследования группы ДД. В выборке старшеклассников, воспитывающихся в детском доме, значимые сравнения были выявлены по шкале интенсивности в восприятии себя жертвой психического насилия и по шкале интенсивности в восприятии себя жертвой физического насилия. По данным корреляционного анализа была получена матрица, включающая в себя все значимые ($p < 0,05$) зависимости между выделенными факторами (прил. 10, табл. 3). Таким образом, по коэффициентам корреляционного анализа зависимостей полученных факторов со шкалой интенсивности идентификации школьника с жертвой психического насилия была обнаружена прогнозирующая зависимость по факторам: Ф (ранговая идентификация с жертвой физического насилия) ($r = 0,51$), УСК2 ($r = 0,46$) с положительным знаком, Р4 с ($r = -0,52$), Школа ($r = -0,51$) с противоположным знаком.

Таблица 2.3.16

**Результаты факторизации со шкалами методики
«Личностный дифференциал»**

Факторный анализ	Факторы				
Показатели	Factor P1	Factor P2	Factor P3	Factor P4	Factor P5
непривлекательный — обаятельный	0,834435	0,090091	0,135864	0,128085	-0,302894
слабый — сильный	0,157106	0,595011	0,310164	0,064025	0,452208
молчаливый — разговорчивый	0,473912	-0,053370	0,225356	-0,313212	0,522286
безответственный — добросовестный	-0,024561	0,806822	0,256905	-0,029415	0,084652
уступчивый — упрямый	-0,066364	-0,307242	0,561947	-0,650917	0,101080
замкнутый — открытый	0,731870	0,335937	-0,217625	0,164226	0,093553
эгоистичный — добрый	0,103939	0,225146	0,699156	0,140471	-0,048343
зависимый — независимый	0,005498	0,549583	0,461229	0,583918	-0,097940
пассивный — деятельный	0,077865	0,073513	0,701775	0,166731	0,147717
черствый — отзывчивый	-0,117781	0,919198	0,130452	-0,006117	-0,187877
нерешительный — решительный	0,888730	-0,099133	0,221475	-0,129264	0,106169

Окончание таблицы 2.3.16

Факторный анализ	Факторы				
вялый — энергичный	0,190701	0,860483	-0,044257	0,048857	0,181257
несправедливый — справедливый	0,105509	0,257576	0,763159	0,248507	-0,226473
расслабленный — напряженный	-0,246205	0,418139	-0,048774	-0,765096	-0,238208
спокойный — суетливый	0,184681	-0,046548	-0,543201	-0,684579	0,052211
враждебный — дружелюбный	-0,198641	0,236796	-0,210168	0,240038	0,792351
неуверенный — уверенный	0,816852	0,042914	0,301284	0,178126	0,186859
нелюдимый — общительный	0,913547	-0,056844	-0,076994	0,106860	0,054089
неискренний — честный	0,416038	-0,048411	0,001506	0,063924	0,771171
несамостоятельный — самостоятельный	0,100754	0,060433	0,724729	-0,214542	-0,004603
невозмутимый — раздражительный	-0,340321	-0,094156	-0,066645	-0,795372	-0,138073
Expl.Var	4,289363	3,495895	3,404269	2,799694	1,861305
Prp.Totl	0,204255	0,166471	0,162108	0,133319	0,088634

По идентификации с образом Я жертвы физического насилия обнаружена прогнозирующая зависимость по четырем факторам: П (ранговая идентификация с жертвой психического насилия) с положительным знаком ($r = 0,51$), P5 с противоположным значением ($r = -0,73$), УСК2 ($r = 0,46$), Ш 4 с противоположным значением ($r = -0,47$). Остановимся на этих факторах, поскольку они являются полученными эмпирическим путем показателями личностных особенностей в определении идентификации образа Я виктимной личности с жертвой насилия для старшеклассников, проживающих в детском доме.

По данным t-критерия Стьюдента из показателей, исследующих реальное Я по методике «Личностный дифференциал» и интенсивности идентификации с жертвой, методом главных компонент выделены пять факторов, достоверно описывающих психологические типы виктимной личности (табл. 2.3.16): фактор P1 «необщительный, нерешительный, непривлекательный», P2 «отзывчивый, энергичный и добросовестный», P3

«справедливый, самостоятельный, деятельный», факторы Р4 и Р5. Опшем последние более полно.

В фактор Р4 вошли шкалы «невозмутимый — раздражительный» ($a = -0,795372$), «расслабленный — напряженный» ($a = -0,765096$), «спокойный — суетливый» ($a = -0,684579$), «уступчивый — упрямый» ($a = -0,650917$). Они коррелируют с обратным знаком с идентификацией старшеклассников с образом Я жертвы физического и психического насилия, следовательно, мы имеем типическую особенность, объясняющую свойства таких личностных характеристик, как раздражительный, напряженный, суетливый, упрямый. Данный типаж назовем «раздражительный и упрямый». В фактор Р5 вошли шкалы «враждебный — дружелюбный» ($a = 0,792351$), «неискренний — честный» ($a = 0,771171$). Весь фактор коррелирует с рейтинговой шкалой по физическому и психическому насилию с отрицательным знаком.

Следовательно, он характеризуется как враждебный и неискренний, именно эти свойства способствуют виктимизации личности старшеклассника и в детском доме, и в неполной семье. Назовем установленную типическую особенность также — «враждебный и неискренний». Результаты множественной регрессии подтвердили предсказательную возможность использования только факторов Р1 «необщительный, нерешительный, непривлекательный», Р5 «враждебный и неискренний» для диагностики личностных особенностей старшеклассников при идентификации с образом Я, считающих себя жертвой психического насилия (табл. 2.3.17).

Таблица 2.3.17

Коэффициенты множественной регрессии по психическому насилию

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (37)	p-level
Intercept			2,395656	0,134833	17,76757	0,000000
P 1	0,435390	0,177738	0,328054	0,133920	2,44962	0,024763
P2	-0,260161	0,178487	-0,198791	0,136383	-1,45759	0,162180
P3	-0,024559	0,178794	-0,018902	0,137606	-0,13736	0,892270
P4	-0,087369	0,178536	-0,066831	0,136567	-0,48936	0,630496
P5	-0,392415	0,179573	-0,321868	0,147290	-2,18527	0,042332

Для идентификации с жертвой физического насилия значимыми ($p < 0,05$) являются факторы Р2 — «отзывчивый, энергичный и добросовестный», Р4 — «раздражительный и упрямый» (табл. 2.3.18). Результаты

регрессии также подтвердили диагностическую возможность использования данных типажей (табл. 2.3.18).

Поскольку из всех указанных факторов по методике «Личностный дифференциал» корреляционным анализом (прил. 10, табл. 3) подтверждена взаимосвязь для двух (P4 при диагностике идентификации с жертвой физического насилия и P5 при диагностике идентификации с жертвой психического насилия), то их и следует считать значимыми для определения типических особенностей образа Я виктимной личности при идентификации с жертвой для старшеклассников группы ДД.

Таблица 2.3.18

Коэффициенты регрессии по психическому насилию

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (37)	p-level
Intercept			1,840000	0,137831	13,34968	0,000000
P 1	-0,071738	0,127186	-0,079345	0,140673	-0,56404	0,579325
P2	0,262466	0,127186	0,290299	0,140673	2,06364	0,050983
P3	0,254854	0,127186	0,281880	0,140673	2,00379	0,059561
P4	-0,727572	0,127186	-0,804727	0,140673	-5,72054	0,000016
P5	-0,155899	0,127186	-0,172431	0,140673	-1,22576	0,235266

Таблица 2.3.19

Результаты факторизации со шкалами методики УСК

Факторный анализ	Главные копоненты		
	Factor УСК 1	Factor УСК 2	Factor УСК 3
Параметры			
общая интернальность	0,684558	0,380755	0,531935
инт достижений	0,673436	0,702226	0,377218
инт неудач	0,253098	0,433987	0,830912
инт в семейных отношениях	0,149399	0,932679	0,241943
инт в производственных отношениях	0,449348	0,564022	0,618300
инт межличностных отношений	0,623263	0,107503	0,697251
инт здоровья	0,925022	0,154988	0,236724
Expl.Var	2,454550	1,919584	2,098692
Prp.Totl	0,350650	0,274226	0,299813

Из психологических детерминант методики «Уровень субъективного контроля», определенных по результатам t-критерия методом факторизации, получили три фактора, составляющие психологические типажии восприятия старшеклассником себя как жертвы (табл. 2.3.19). Множественная регрессия подтвердила объясняющее значение лишь одного типажа по идентификации с жертвой психического насилия (фактор УСК 2). По результатам корреляционного анализа фактор УСК 2 является критерием для прогнозирования идентификации личности с образом Я жертвы психического и физического насилия (табл. 2.3.21).

В данный фактор вошли с наибольшими факторными весами шкалы: интернальность в семейных отношениях ($a = 0,932679$), интернальность достижений ($a = 0,702226$). Фактор коррелирует с рейтинговой идентификацией личности с жертвой психического насилия с положительным значением ($r = 0,46$).

Следовательно, данный типаж опишем как обладающий высокой интернальностью в семейных отношениях; субъект считает, что он — причина всех значимых отношений в его семье; высокий уровень субъективного контроля над эмоциональными ситуациями. Назовем выявленную типическую особенность образа Я виктимной личности как «высокая интернальность в области семейных отношений». Фактор «высокая интернальность в области семейных отношений» подтверждает предсказательную возможность по результатам множественной регрессии (табл. 2.3.20, табл. 2.3.21), может рассматриваться не только лишь как объясняющий типаж образа Я старшеклассника, воспитывающегося в детском доме, но и как критерий в идентификации с жертвой психического насилия ($B = 0,506844$, $P = 0,027594$) и физического насилия ($B = 0,424102$, $P = 0,019586$).

Таблица 2.3.20

Коэффициенты множественной регрессии по типажам физического насилия

Психич. насил.	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (32)	p-level
Intercept			1,880000	0,164419	11,43421	0,000000
УСК1	0,014545	0,180953	0,013489	0,167809	0,08038	0,936696
УСК 2	0,457321	0,180953	0,424102	0,167809	2,52729	0,019586
УСК 3	0,320966	0,180953	0,297651	0,167809	1,77375	0,090608

Таблица 2.3.21

**Коэффициенты множественной регрессии по типажам
психического насилия**

Физич. насилие.	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (32)	p-level
Intercept			1,840000	0,209768	8,771589	0,000000
УСК 1	-0,041582	0,193567	-0,045991	0,214094	-0,214819	0,831981
УСК 2	0,458249	0,193567	0,506844	0,214094	2,367392	0,027594
УСК 3	0,038027	0,193567	0,042059	0,214094	0,196452	0,846145

По результатам факторизации шкал модифицированной методики САТ Э. Шострома было получено четыре фактора (табл. 2.3.22). Они объясняют типологические особенности виктимной личности при идентификации себя как жертвы для старшекласников, воспитывающихся в детском доме. Факторы выделены в корреляционной матрице как коррелирующие с обратным значением по исследуемым показателям. Фактор Ш 1 объясняет типическую особенность «отсутствие спонтанности, низкая ориентация во времени», фактор Ш 2 — «низкая гибкость поведения, малая контактность», фактор Ш 3 — «высокие познавательные способности».

Только один фактор — Ш 4 определен по результатам корреляции с обратным значением ($r = -0,47$) как значимый для определения идентификации с жертвой физического насилия. Он включает шкалы: представления о природе человека ($r = 0,852415$), синергичности ($r = 0,757729$), самоуважения ($r = 0,738348$), ценностных ориентаций ($r = 0,717284$). Типические особенности данной личности описываются, таким образом, как имеющих негативные представления о природе человека, о моральных, нравственных ценностях, низкое самоуважение, назван «низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации».

Таблица 2.3.22

Результаты факторизации со шкалами методики САТ

Факторный анализ	Компоненты			
	Factor Ш1	Factor Ш2	Factor Ш3	Factor Ш4
Показатели				
ориентация во времени	0,800796	0,222905	-0,083516	0,023614
ш поддержки	0,798515	0,173497	0,153110	0,476710
ш ценностных ориентаций	0,523948	-0,324754	0,119654	0,717284

Окончание таблицы 2.3.22

Факторный анализ	Компоненты			
ш гибкости поведения	0,432665	0,821727	0,153126	-0,095022
ш сензитвности к себе	0,430326	0,068737	-0,538068	0,473636
ш спонтанности	0,828396	0,180272	-0,010578	0,257108
ш самоуважения	0,413972	-0,280601	0,047509	0,738348
ш самопринятия	0,732225	0,320459	-0,106443	0,383597
ш представлений о природе человека	-0,032603	0,356785	-0,005146	0,852415
ш синергичности	0,327745	0,341116	0,178540	0,757729
ш принятия агрессии	0,704894	-0,147772	0,228084	0,140239
ш контактности	0,036830	0,895948	0,012663	0,228557
ш познавательных потребностей	0,072740	0,015705	-0,881088	-0,223268
ш креативности	0,395155	0,220860	0,771831	-0,009246
Expl.Var	4,087718	2,196384	1,827523	3,156679
Prp.Totl	0,291980	0,156885	0,130537	0,225477

Результаты множественной регрессии (табл. 2.3.23) фактора Ш4 «низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации» по идентификации образа Я личности с жертвой физического насилия подтверждают использование его в качестве типических особенностей образа Я виктимной личности ($B = -0,521839$, $P = 0,011373$). Результаты представлены графически (прил. 8, рис. 4).

Таблица 2.3.23

Коэффициенты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (37)	p-level
Intercept			1,840000	0,183440	10,03052	0,000000
Ш 1	-0,252174	0,169273	-0,278916	0,187223	-1,48975	0,151891
Ш 2	-0,284758	0,169273	-0,314955	0,187223	-1,68225	0,108070
Ш 3	0,244245	0,169273	0,270145	0,187223	1,44291	0,164527
Ш 4	-0,471807	0,169273	-0,521839	0,187223	-2,78726	0,011373

По тесту «Символические задания на выявление «социального Я» значимым для предсказательного эффекта определен один фактор из полученных двух, объясняющих психологические особенности считающего себя жертвой (табл. 2.3.24). Фактор «Семья» достоверно объясняет идентификацию личности с семьей ($a = 0,820790$), но многомерная регрессия не подтверждает этот показатель как критерий для определения идентификации с жертвой (табл. 2.3.25).

Таблица 2.3.24

**Результаты факторизации со шкалами методики
«Символические задания...»**

Факторный анализ	Главные компоненты	
	Школа	Семья
Показатели шкал		
самооценка	0,663190	0,462332
сила	0,071315	-0,593409
эгоцентричность	-0,806390	0,369761
социальная заинтересованность	-0,783198	-0,104728
индивидуализация	0,066231	0,745079
семья	0,038412	0,820790
друзья	0,477924	0,013470
школа	0,768434	-0,015952
Expl.Var	2,533335	1,942851
Prp.Totl	0,316667	0,242856

Другой фактор «Школа» коррелирует со шкалой идентификации с образом Я жертвы психического насилия с обратным значением ($r = -0,51$). Он включает в себя показатели эгоцентричности ($a = -0,806390$), социальной заинтересованности ($a = -0,783198$), идентификации со школой ($a = 0,768434$), самооценки ($a = 0,663190$). Следовательно, типическая особенность характеризуется эгоцентричностью, высокой социальной заинтересованностью, при этом низкой идентификацией со школой, низкой самооценкой, типическая особенность данной виктимной личности может быть обозначена как «эгоцентричность, социальная заинтересованность».

Таблица 2.3.25

Коэффициенты множественной регрессии

	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t (21)	p-level
Intercept			1,880000	0,164299	11,44256	0,000000
школа	-0,514767	0,180821	-0,477375	0,167687	-2,84683	0,009380
семья	-0,125276	0,180821	-0,116176	0,167687	-0,69282	0,495673

Результаты множественной многомерной регрессии ($B = -0,477375$, $P = 0,009380$) подтвердили предсказательную возможность использования типажа «эгоцентричность» при диагностике идентификации с жертвой психического насилия для лиц, воспитывающихся в детском доме (табл. 2.3.25). Но не были подтверждены данные по физическому насилию. Таким образом, на основе корреляции всех выделенных факторов для выборки по группе ДД определены три фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы интенсивности идентификации с жертвой психического насилия, и три фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы интенсивности идентификации с жертвой физического насилия. Два фактора совпали. Таким образом, получилось пять типических особенностей, характеризующих виктимную личность при идентификации с жертвой физического и психического насилия, которые могут объяснять, описывать и диагностировать особенности образа Я у старшекласников, считающих себя жертвой насилия.

Следовательно, идентификация образа Я личности с жертвой психического насилия в детском доме может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями: «раздражительный и упрямый»; «высокая интернальность в области семейных отношений»; «эгоцентричность, социальная заинтересованность». Идентификация образа Я личности с жертвой физического насилия в группе ДД может быть спрогнозирована в соответствии с типическими особенностями: «враждебный и неискренний»; «высокая интернальность в области семейных отношений»; «низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации».

Важным является то, что для старшекласников, воспитанников детского дома, факторы рейтинговой идентификации с жертвой психического и физического насилия коррелируют друг с другом ($r = 0,51$). Это значит, что идентификация личности с образом Я жертвы психического насилия взаимосвязана со шкалой идентификации с жертвой физического насилия. Кроме того, есть общая личностная характеристика (имеем совпадающую типическую особенность по психическому и по физическому насилию — высокая интернальность в области семейных отношений),

т. е. присутствует прямая корреляция взаимосвязи психологических особенностей у личностей, считающих себя испытывавшими насилие, воспитывающихся в детском доме. Таким образом, шкалы указанных тестов со значимой достоверностью ($p < 0,05$) могут рассматриваться как показатели личностных особенностей виктимной личности при идентификации образа Я личности, воспитывающейся в детском доме, с жертвой психического и физического насилия.

Опираясь на проведенные расчеты и зарегистрированные данные, *обобщим особенности психологической виктимизации личности.*

По группе ПС (старшеклассников, воспитывающихся в полной семье) определены два фактора, значимо коррелируемые с показателями шкалы идентификации с жертвой физического насилия, получили типические особенности — «не ожидает положительного отношения от других», «упрямый и раздражительный» по идентификации с жертвой физического насилия. Для группы НС (старшеклассников, воспитывающихся в неполной семье) достоверно определены показатели по идентификации образа Я старшеклассников только с жертвой психического насилия. Следовательно, идентификация образа Я личности с жертвой психического насилия в неполной семье может быть спрогнозирована в соответствии с выделенными типическими особенностями образа Я виктимной личности: «безответственный и несправедливый», «слабое саморуководство», «эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии», «низкая интернальность в области семейных отношений», «внешний конформизм». Для группы ДД выделены показатели как по психическому, так и по физическому насилию. Идентификация образа Я личности с жертвой может быть спрогнозирована в соответствии с типическими особенностями для психического насилия: «раздражительный и упрямый», «высокая интернальность в области семейных отношений», «эгоцентричность, социальная заинтересованность»; для физического насилия: «враждебный и неискренний»; «высокая интернальность в области семейных отношений»; «низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации».

Характерно, что выделенные на основе психодиагностических тестов в зависимости от социокультурного фактора типические образы Я старшеклассников, считающих себя жертвой насилия, совпадают с распределением личностной оценки школьника в идентификации себя с жертвой насилия, полученной при анкетировании, представленной в параграфе 2.1 диаграммой 2.1.4. Следовательно, в полной семье старшеклассники идентифицируют себя преимущественно только с жертвой физического насилия, в неполной семье — только с жертвой психического насилия, в детском доме — с жертвой и психического, и физического насилия. Таким образом, входящие в данные типологические характеристики обра-

за Я виктимной личности показатели шкал тестов со значимой достоверностью могут рассматриваться как показатели личностных особенностей при идентификации старшеклассника с жертвой насилия для воспитывающихся в семье и вне семьи.

Различия в психологической виктимизации личности, обусловленные социокультурным фактором, представлены типическими особенностями образа Я личности школьников, считающих себя жертвами: в полной семье — по физическому (упрямство, раздражительность, ожидание негативного отношения к себе), в неполной семье — по психическому (безответственность, несправедливость, конформизм, обладает низкой интернальностью в области семейных отношений, неразвитой самоорганизацией, эгоистично-агрессивным стилем взаимодействия), в детском доме — по физическому и психическому насилию (заниженное самоуважение, негативные ценностные ориентации, эгоцентричность, социальная заинтересованность, ответственность в области семейных отношений).

Таким образом, определение особенностей образа Я виктимной личности в раннем юношеском возрасте открывает возможность эффективной профилактики виктимизации личности, проведения тренинговых занятий, психокоррекционной работы для старшеклассников, воспитывающихся в разных социокультурных условиях, в соответствии с выделенными в работе типическими особенностями. Полученные данные актуальны для организации работы психолога с юношами и девушками из «групп риска», с безнадзорными детьми, с воспитанниками детского дома и т. д.

2.4. Сравнительный анализ особенностей виктимологического образа Я старшеклассников, считающих себя испытывавшими и не испытывавшими насилие

Выделенные для исследования группы старшеклассников, считающих себя не испытывавшими насилие и испытывавшими насилие, были обозначены как группа НН и группа ИН соответственно. Для выявления психологических особенностей образа Я старшеклассников группы НН был построен личностный профиль по установленным детерминантам (прил. 13, рис. 1–6). Используя факторный анализ, выделили факторы, которые вошли в корреляционную матрицу для определения возможных критериев в идентификации образа Я с жертвой для группы НН. Таблицы представлены в приложении (прил. 13, табл. 2, 4, 6, 8, 10, 12). Корреляционный анализ всех факторов не выявил значимых связей по исследуемому призна-

ку. Затем было проведено сравнение по t-критерию Стьюдента групп НН и ИН, что позволило определить особенности образа Я личности, не воспринимающей себя пострадавшей от насилия и особенности виктимологического образа Я старшеклассников, считающих себя испытывавшими психическое и физическое насилие.

Было установлено, что степень значимости связи исследуемого признака с совокупностью диагностируемых шкалами тестов особенностей образа Я является достоверной ($p < 0,05$). Значения коэффициентов t-критерия Стьюдента для психологических детерминант по методике «Опросник самооотношения» В. В. Столина, УСК, диагностика личностных отношений Т. Лири, «Символические задания на выявление «социального Я», «Самоактуализационный тест» Э. Шостром САТ, показали, что все используемые шкалы с достоверной вероятностью описывают образ Я в группе НН. Значения коэффициентов t-критерия Стьюдента для психологических детерминант, рассчитанных по методике «Личностный дифференциал» (прил. 13, табл. 1), определили, что только шкалы «эгоистичный — добрый» ($p = 0,000010$), «нерешительный — решительный» ($p = 0,009123$), «несправедливый — справедливый» ($p = 0,007705$), «расслабленный — напряженный» ($p = 0,000093$), «невозмутимый — раздражительный» ($p = 0,005353$), «враждебный — дружелюбный» ($p = 0,004001$), «несамостоятельный — самостоятельный» ($p = 0,002588$) описывают образ Я школьников, полагающих себя как не испытывавших насилие.

Оценка статистической значимости разности выборочных средних арифметических двух распределений первичных величин по t-критерию Стьюдента для группы НН и группы ИН позволила определить значимые различия по каждой шкале используемых методик. Статистическая значимость установленного значения признака для доверительной вероятности $p < 0,05$. Так, были получены различия между образом Я старшеклассников группы НН и группы ИН: по методике «Личностный дифференциал» по показателю личностного дифференциала по фактору сила ($p = 0,004424$) имеет большее среднее значение группа НН. По методике В. В. Столина по показателям шкал s-интегральное ($p = 0,018932$), ожидание положительного отношения от других ($p = 0,010274$), саморуководство ($p = 0,018036$) среднее значение группы НН выше. Получены значительные различия по методике УСК по показателям шкал «общая интернальность» (группа ИН Mean = 9,18, группа НН Mean = 46,8; $p = 4,53E-20$), «интернальность в области достижений» ($p = 1,72E-070$), «интернальность в области производственных отношений» ($p = 6,02E-08$), где среднее значение у группы НН выше, чем у группы ИН. По методике САТ по показателям шкал «ориентация во времени» ($p = 0,047621$), «принятие агрессии» ($p = 0,041438$), шкалы поддержки ($p = 0,01536$) среднее значение

у группы НН выше. Только по диагностике межличностных отношений Т. Лири по показателям шкал «агрессивный» ($p = 0,002052$), «подчиняемый» ($p = 0,025888$) среднее значение ниже у группы НН. По «Символическим заданиям на выявление «социального Я» достоверных различий не обнаружено. Представляют интерес зарегистрированные данные ($p = 4,53E-20$) по показателю общей интернальности (рис. 2.4.1). Школьники, воспринимающие себя не испытывшими насилие, обладают высоким уровнем контроля над значимыми ситуациями, считают, что большинство событий в жизни было результатом их собственных действий, чувствуют ответственность за планирование жизни.

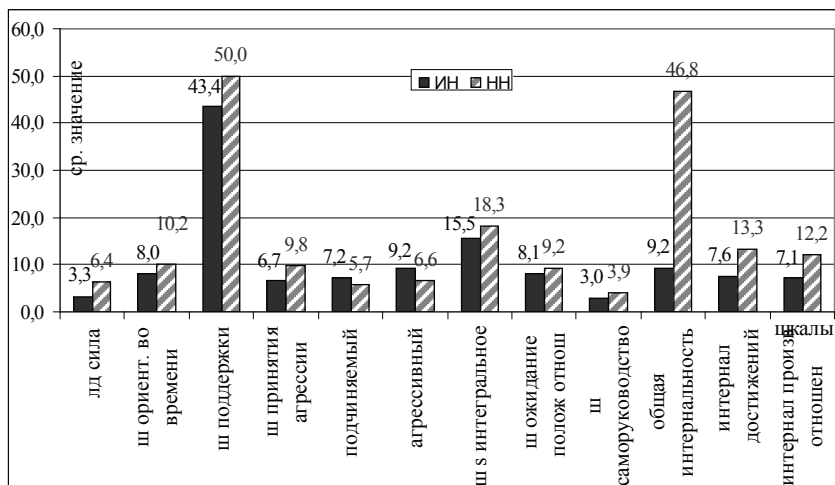

Рис. 2.4.1. Сравнительный анализ достоверных различий по t-критерию Стьюдента психологических особенностей по группам ИН и НН

Сравнительный анализ различий по t-критерию Стьюдента между группами НН и ИН (рис. 2.4.1), а также сравнение личностных профилей старшекласника в этих группах (прил. 4) показали ($p < 0,05$), что для старшекласника, определяющего себя как не испытывавшего насилие, характерно положительное самоотношение, высокий уровень принятия агрессии со стороны других, при этом неагрессивный собственный стиль взаимодействия, эмоциональная стабильность, в собственной оценке обладание развитой силой воли, воспринимают все в едином временном контексте, осознавая прошлое, настоящее и будущее, живут реальными событиями, считают, что способны сами добиваться успехов в делах, учебе, руководствуются собственными целями и убеждениями. Эти данные представлены в диаграмме (рис. 2.4.1).

Расчеты по построению личностного профиля образа Я виктимной личности в группе ИН изложены в параграфе 2.2. По результатам сравнительного анализа определены общие особенности образа Я старшеклассников группы, считающих себя испытавшими насилие ($p < 0,05$): нежелание признавать свою ответственность за важные события жизни, зависимость от чужого мнения, непринятие агрессии со стороны других людей, при этом в межличностном взаимодействии склонность либо к агрессивному, либо к подчиняемому стилю, восприятие жизни только в одном из временных контекстов: в прошлом (воспоминания об обидах), будущем (ставит нереальные цели, живет неоправданными надеждами, опасениями) или в настоящем (рис. 2.4.1).

Для выявления особенностей личностных детерминант по используемым методикам по значимым различиям t -критерия Стьюдента ($p < 0,05$) были построены личностные профили образа Я старшеклассников, входящих в группу П (воспринимающие себя как жертву психического насилия), группу Ф (воспринимающие себя как жертву физического насилия) и группу Ф/П (воспринимающие себя как жертву физического и психического насилия). Результаты представлены в общей сравнительной таблице только по тем шкалам (52 шкалы), которые во всех группах имеют значимые различия $r < 0,05$ (прил. 5, табл. 4).

На уровне t -критерия Стьюдента для образа Я виктимной личности, считающей себя жертвой только психического насилия по методике «Личностный дифференциал», подтверждена взаимосвязь шкал, описывающих Я реальное виктимной личности с идентификацией старшеклассников с жертвой насилия по 14 шкалам. По методике В. Столина подтверждена взаимосвязь по 10 шкалам. По методике Т. Лири подтверждена взаимосвязь достоверных психологических особенностей в интраперсональных значениях по 8 шкалам. По методике Э. Шострома подтверждена взаимосвязь по 14 шкалам. По методике УСК определен профиль достоверных психологических особенностей по 7 шкалам, описывающим интернальность, по символическим заданиям на определение социального Я — по 6 шкалам. Соответственно, указанные шкалы представляют профиль образа Я виктимной личности — старшеклассника, группы П (прил. 4, рис. 2).

По данным t -критерия Стьюдента для образа Я учащихся, считающих себя жертвой только физического насилия, по методике «Личностный дифференциал» подтверждена взаимосвязь шкал, описывающих Я реальное, с идентификацией старшеклассников с образом Я жертв насилия по 7 шкалам. По методике САТ подтверждена взаимосвязь по 11 шкалам. По методике Лири подтверждена взаимосвязь достоверных психологических особенностей в интраперсональных значениях по всем 8 шка-

лам. По методике В. В. Столина подтверждена взаимосвязь по 4 шкалам. По символическим заданиям подтверждена взаимосвязь по 4 шкалам. По методике УСК определен профиль достоверных психологических особенностей по 7 шкалам, описывающим интернальность. Соответственно, указанные шкалы представляют психологический профиль образа Я виктимной личности, воспринимающей себя жертвой физического насилия (прил. 4, рис. 1).

По данным *t*-критерия Стьюдента для образа Я школьников группы Ф/П, идентифицирующих себя как жертв и физического и психического насилия, по методике Личностный дифференциал подтверждена взаимосвязь шкал, описывающих Я реальное с идентификацией старшеклассников с образом жертв насилия по 21 шкале. По методике В. Столина подтверждена взаимосвязь по 9 шкалам, по методике Т. Лири подтверждена взаимосвязь психологических особенностей в интраперсональных значениях по всем 8 шкалам. По методике САТ подтверждена взаимосвязь по 14 шкалам. По методике УСК определен профиль достоверных психологических особенностей по 7 шкалам, описывающим интернальность. По символическим заданиям подтверждена взаимосвязь по 8 шкалам. Указанные шкалы и представляют психологический профиль образа Я виктимной личности человека, идентифицирующего себя с жертвой и физического и психического насилия, данные представлены графически (прил. 4, рис. 3).

Проведенный сравнительный анализ (прил. 4, рис. 4) показал, что в изучаемых особенностях виктимной личности нет расхождений или они малы по таким показателям, как идентификация субъекта с семьей. В методике В. Столина — по шкалам «самообвинение», «ожидание положительного отношения других», «аутосимпатия», «самоуверенность», «самоинтерес». По шкалам методики САТ практически нет расхождений в показателях шкал «ориентация во времени», «самопринятие», «сензитивность к себе», по шкале спонтанности. По методике «Личностный дифференциал» — по показателям шкал «невозмутимый — раздражительный», «нерешительный — решительный», «пассивный — деятельный», «замкнутый — открытый». По методике Т. Лири практически нет расхождений по показателям таких шкал, как «агрессивный», «альтруистический», «авторитарный», «эгоистичный». Следовательно, названные показатели отражают личностные особенности, которые характерны в равной мере для всех психологических типажей жертв, рассматриваемых в работе, а расхождения в показателях (прил. 4, рис. 4) позволяют говорить об особенностях виктимологического образа Я личности, воспринимающей себя жертвой.

Так, для личности, идентифицирующей себя с жертвой физического насилия, больше, чем для других типов жертв, характерны независимость

(шкала «зависимый — независимый»), спокойствие (шкала «спокойный — суетливый»). По шкалам методики Т. Лири они менее подозрительны, менее зависимы, чем другие виктимные личности, общая интернальность выше, чем у идентифицирующих себя как жертвы психического насилия. По методике Шострома шкала поддержки, шкала ценностных ориентаций, шкала самоуважения, шкала контактности, шкала принятия агрессии, самоуважения выше, чем у других изучаемых типажей (прил. 4, график 1).

Воспринимающие себя жертвой психического насилия более уступчивы, им характерен зависимый, подозрительный стиль межличностного взаимодействия. Интернальность по всем показателям высокая, но общий балл ниже, чем у полагающих себя как жертву физического насилия. Для них характерен высокий самоинтерес, сензитивность к себе, положительное представление о природе человека. Идентификация со школой, с друзьями ниже, чем у других типов жертв. Самооценка ниже, чем у считающих себя жертвой физического насилия (прил. 4, график 2).

Характерной особенностью образа Я школьников, воспринимающих себя пострадавшими от психического и физического насилия, является подчиняемый стиль межличностного взаимодействия, высокие показатели и по альтруистическому, и по авторитарному стилю межличностного взаимодействия. Интернальность выше по всем шкалам (прил. 4, график 3). Таким образом, для них характерна высокая ответственность за собственное поведение, состояние здоровья, неудачи, межличностные отношения. Им свойственен высокий балл по шкале «представления о позитивной природе человека», высокий показатель по принятию агрессии, большая аутосимпатия, самоинтерес, самопринятие. Из всех исследуемых типов у них наибольшая идентификация со школой, самая высокая социальная заинтересованность (прил. 4, график 4).

Таким образом, в данном исследовании были определены психологические детерминанты по данным t-критерия Стьюдента, описывающие особенности когнитивной, аффективной, поведенческой и мотивационной компоненты по образу Я старшеклассников, идентифицирующих себя в качестве жертв физического и психического насилия. Психологические детерминанты представлены в виде психологических профилей, что наглядно отражает выявленные различия и сходства в изучаемой идентификации старшеклассников с образом Я жертвы.

Область институциональных отношений, в которой реализуется социализация старшеклассников — это, прежде всего, семейная среда (либо ее отсутствие), либо среда государственного учреждения интернатного типа, а также сфера образования. Соответственно этому мы анализировали результаты по тесту «Символические задания на определение социального Я», где присутствуют шкалы на выявление уровня идентификации с семь-

ей, школой, друзьями. В этих же сферах старшекласники чаще подвергаются риску эмоционального отвержения, психического и физического насилия. Причем такое насилие чаще всего уголовно не наказуемо и, самое главное, не ожидаемо самим школьником. Чем более адекватным будет исследован виктимологический образ Я старшекласника, тем больше вероятность уменьшить психологическую виктимизацию личности в этом возрасте. Д. В. Ривман, характеризуя назревшую проблему типологии жертв от преступлений, а такое исследование необходимо и в теоретическом, и в практическом плане, требует создания типологии, ибо если есть типичные, характерные формы виктимного поведения, то есть и та психологическая база, реализацией которой эти формы являются» [183, с. 61].

Мы исходим из признания того факта, что существуют определенные, типичные черты виктимной личности, характеризующие идентификацию личности с жертвой насилия. Однако мы учитываем и то, что типологические черты не являются описывающими исключительные особенности жертвы, а представляют собой наиболее характерные, типичные особенности образа Я виктимной личности, воспринимающей себя как жертву насилия. Результаты регрессионного, факторного, корреляционного анализа позволили выявить типические особенности образа Я виктимной личности по двум основаниям: идентификация с жертвой разного типа насилия (только психическое, только физическое, и психическое и физическое насилие) (параграф 2.2); влияние на идентификацию с жертвой насилия условий воспитания в полной, неполной семье, детском доме, как факторов социализации личности старшекласника (параграф 2.3).

По первому основанию были получены типические особенности виктимологического образа Я виктимной личности, воспринимающей себя как испытавшую насилие, по всем рассматриваемым в нашей работе видам насилия.

Типические особенности образа Я виктимной личности, оценивающей себя только как жертву психического насилия:

1. «Независимый и непривлекательный». Для данного типажа наиболее характерно оценивание самого себя как непривлекательного, при этом эгоистичного, несправедливого и черствого, что указывает на критическое отношение человека к самому себе, его неудовлетворенность собственным поведением, уровнем принятия самого себя, возможны и проблемы, связанные с ощущением малой ценности своей личности для других. Осознание себя как независимого свидетельствует о развитии волевых сторон личности, о склонности рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях.

2. «Высокое самопонимание и самооправдание». Типичные проявления, в которых отражается отношение к собственному Я, характеризуются, прежде всего, аутосимпатией. В содержательном плане характерно самопонимание, одобрение себя, доверие к себе, самопринятие, самооправдание, позитивная самооценка. Положительное самоотношение активно защищается личностью, при этом возможны такие эмоциональные реакции на себя, как раздражение, неодобрение себя в частных проявлениях.

3. «Высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой». Личностям данного типажа свойственна низко выраженная индивидуализация, они воспринимают себя схожими с другими людьми. Личное мнение может быть подавлено группой. Характерной особенностью является восприятие себя частью социальной группы «школа», как часть целого. Присущ конформизм в среде учебной группы, школьного коллектива. Такие личности воспринимают себя субъектом незначительной значимости, ценности в сравнении с другими.

4. «Высокая идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой». Характерной особенностью виктимной личности данного типа является высокая идентификация с людьми ближайшего окружения, высокая степень включения себя в «мы», образованное с конкретными людьми личного окружения — семьей, друзьями. Свойственно подчинение семейным традициям, авторитетам, присуща высокая оценка идеалов дружбы, верности, чести, ценности человека. При этом значимость собственной личности в сравнении с другими оценивается низко.

Типические особенности виктимологического образа Я виктимной личности, идентифицирующей себя с жертвой только физического насилия:

1. «Подозрительный, эгоистичный, зависимый в межличностном взаимодействии». Такая личность стремится быть над всеми, но одновременно в стороне от всех, поскольку она не уверена в себе, но при этом либо заносчива, склонна к соперничеству, расчетлива, либо постоянно жалуется, всем недовольна, обидчива, не умеет проявить сопротивление. Часто испытывает трудности в интерперсональных контактах из-за боязни плохого отношения и подозрительности. Характерен внешний конформизм, склонность к вежливости, зависимость от чужого мнения, при конфронтации с групповыми нормами, хвастливый, самодовольный, ориентирован на себя.

2. «Негибкий, но нуждается в поддержке других». Данный типаж виктимной личности отличает низкая степень гибкости в реализации своих ценностей в поведении, во взаимодействии с окружающими людьми, неспособность гибко и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию.

Соответственно, личность характеризует зависимость ценностей и поведения от воздействия извне, высокая степень подверженности внешнему влиянию, при отсутствии враждебности к окружающим. Медленно устанавливает глубокие и тесные эмоциональные контакты с другими людьми, не всегда понимает связанность противоположностей, необходимость целостного восприятия мира и людей. Свойственна ориентация на дискретное восприятие своего жизненного пути, ориентация лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее, будущее).

3. «Высокая социальная заинтересованность в сочетании с низкой самооценкой». Характеристика данного типажа дана выше.

Типические особенности виктимологического образа Я виктимной личности, считающей себя испытывавшей и психическое и физическое насилие:

1. «Интровертированный и неуверенный». Для данного типажа характерна зависимость от внешних обстоятельств и оценок. Такая личность характеризуется недостаточным самоконтролем, неуверенностью, нерешительностью, неспособностью держаться принятой линии поведения. Присуща интровертированность, определенная пассивность, вялость в поведении, спокойные эмоциональные реакции. Свойственен узкий круг общения, характер интраперсонального взаимодействия замкнутый, не активный. Возможны проблемы, связанные с ощущением непривлекательности, неинтересности для других людей, собственной бесполезности.

2. «Высокий самоинтерес». Такая виктимная личность проявляет интерес к собственным мыслям и чувствам, заинтересована в самоизучении, уверена в своей интересности для других людей, относится к самой себе как к другу. В целом ее устраивает то, какая она есть, но желает узнать себя глубже со всех сторон и в различных ситуациях, для этого может сознательно использовать разные стили межличностной коммуникации. Присуща самоуверенность, уверенность в собственной правоте, в умении соотносить свои способности и запланированное дело.

3. «Положительные представления о природе человека». Для данного типажа виктимной личности свойственна склонность воспринимать природу человека в целом как положительную, считать преодолимыми все негативные проявления человеческой сущности, отсюда не всегда реалистична оценка ситуации, в которой находится сам субъект. Человека и мир такие личности оценивают в целом, делая акцент на их положительных сторонах, при этом прекрасно понимают синергию человека, мира.

По второму основанию — влияние социокультурных условий — получены типические характеристики виктимной личности, проживающей в полной, неполной семье, детском доме.

Типические особенности образа Я виктимной личности, воспитывающейся в полной семье (исследуемая выборочная группа ПП), определены для считающих себя жертвой только физического насилия:

1. «Не ожидает положительного отношения от других». Характерной особенностью такой личности является ожидание антипатичного отношения к себе как от большинства, от мало связанных с ней людей, так и от тех немногих, любовь которых ей важна. От других такой человек ждет отрицания его внутренних достоинств, антипатии к своей внешности, негативного отношения к себе. При этом он принимает антипатию других, что проявляется в нежелании себе добра. Себя он считает уникальным, лучшим, непохожим на других, при этом не ставит перед собой задач на увеличение самоуважения или уважения других, поскольку для него свойственна нерешительность, мнительность, отсутствие самоуверенности.

2. «Упрямый и раздражительный». Отличием этого типажа является критическое отношение к себе, неудовлетворенность собственным поведением, развитием своих волевых качеств, как они осознаются самим человеком. Несмотря на то, что такая личность характеризует себя как упрямая, напряженная, суетливая, раздражительная, у нее высокие показатели волевого развития, что говорит об уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать прежде всего на себя. Это общительные, импульсивные, экстравертированные личности, отстаивающие свои позиции в любом окружении, им присуще обостренное чувство свободы и равноправия.

Типические особенности образа Я личности, считающей себя жертвой насилия, воспитывающейся в неполной семье (исследуемая выборочная группа НП), были достоверно определены только по психическому насилию:

1. «Безответственный и несправедливый». Для личности этого типа свойственно критическое отношение к самому себе, отсюда и негативная оценка своих качеств, восприятие самого себя как безответственного, несправедливого, эгоистичного, пассивного, при этом ощущение себя как малозначимого, зависимого от ситуации и от других людей, как человека, не способного изменить ситуацию, вынужденного подчиняться.

2. «Слабое саморуководство». Такому типу свойственна неуверенность в собственном мнении и поведении, присуще отсутствие внутренней последовательности, слабое развитие волевой сферы. При этом личность осознает, что не умеет отстаивать свои позиции, доводить начатое до конца и т. п. Отсюда низкое самоуважение в том аспекте, который эмоционально и содержательно объединяет веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность, оценку своих возможностей контролировать собственную жизнь и быть самопоследовательным, понимание самого себя.

3. «Эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии». Характерной особенностью виктимной личности данного типа является агрессивный характер межличностного взаимодействия. Жестокость и враждебность может доходить до асоциального поведения. Как правило, такой человек требовательный, прямолинейный, строгий в оценке других, раздражительный, насмешливый, склонен во всем обвинять других. В лучшем случае это упрямый, настойчивый, самовлюбленный эгоист. В другом варианте — расчетливый, стремится быть выше других, перекладывая ответственность, относится к окружающим отчужденно, свысока, заносчив, склонен к агрессивному соперничеству.

4. «Низкая интернальность в области семейных отношений». Личности такого типажа свойственен низкий уровень субъективного контроля. Такой человек не видит связи между своими действиями со значимыми для него событиями жизни, не считает себя способными контролировать их развитие. Он полагает, что происходящее в его семейной жизни является результатом случая или действия других людей. При этом другие люди являются причиной значимых ситуаций, конфликтов, неудач, возникающих в его семье. Собственные успехи такой человек склонен приписывать везению, помощи других людей.

5. «Внешний конформизм». Этот типаж личности отличает отсутствие идентификации со своими друзьями, слабое включение либо не включение себя в «Мы», образованное с конкретным другом. Такой личности свойственна и слабая индивидуализация, она переживает свое мыслимое сходство с другими людьми, при этом не желает идентифицироваться с ними, что приводит к внутренним конфликтам, внешнему конформизму, влияет на ее самооценку, самоотношение.

Типические особенности образа Я старшеклассника, живущего в детском доме, воспринимающего себя как пострадавшего от насилия (исследуемая выборочная группа ДД), были достоверно определены и по психическому, и физическому типам насилия.

Для личности, полагающей себя жертвой физического насилия:

1. «Враждебный и неискренний». Для личности такого типажа характерна склонность осознавать себя как носителя негативных, социально нежелательных характеристик типа «неискренний», «враждебный к окружающим», «скрытный», «молчаливый» и т. п. Свойственна неудовлетворенность собой, собственным поведением, характером межличностного общения, уровнем принятия самого себя. Сравнение с другими людьми эти личности всегда проводят не в свою пользу. У них низкая самооценка и негативное самоотношение.

2. «Высокая интернальность в области семейных отношений». Этот типаж виктимной личности имеет высокий уровень субъективного кон-

троля над значимыми ситуациями в своей семейной жизни, над эмоционально положительными событиями, чувствует свою ответственность за то, как складывается его жизнь. Такой человек считает себя, а не других причиной значимых событий в семье. Он полагает, что все, что было и есть хорошего в его жизни, он добился сам, что он способен с успехом преследовать свои цели и в будущем. Стремится к самостоятельности, недооценивает значение других людей в своей жизни.

3. «Низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации». Данному типу свойственна склонность воспринимать природу человека в целом как отрицательную, считать человека скорее всего злым, корыстным, наделенным негативными чертами. Причем преодоление этого негатива, положительные изменения в природе человека такие личности считают невозможными, поскольку оценивают людей и мир дихотомично, без целостного восприятия. Как следствие, такой типаж человека не разделяет ценности, присущие самоактуализирующейся личности, не способен ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них, не способен утверждать себя благодаря собственной силе и значимости.

Типические особенности образа Я виктимной личности, считающей себя жертвой психического насилия:

4. «Упрямый и раздражительный». Этот типаж соответствует вышеописанному типу для исследуемой группы ПП. Отличительной особенностью этого типажа виктимной личности является критическое отношение к себе, неудовлетворенность собственным поведением, развитием своих волевых качеств, как они осознаются самим человеком. Не смотря на то, что такая личность характеризует себя как упрямого, напряженного, суетливого, раздражительного, у нее высокие показатели волевого развития. Это говорит об уверенности в себе, независимости, склонности рассчитывать, прежде всего, на себя. Это общительные, импульсивные, экстравертированные личности, отстаивающие свои позиции в любом окружении, им присуще обостренное чувство свободы и равноправия.

5. «Высокая интернальность в области семейных отношений». Характеристика этого типажа дана выше.

6. «Эгоцентричность при высокой социальной заинтересованности». Такой типаж личности отличает заниженная самооценка, мыслимое понижение своей значимости в сравнении с другими людьми в учебном коллективе. Воспринимает себя частью школьной группы, частью социального целого, но не желает полностью идентифицировать себя с товарищами по учебе, со школьным коллективом, признавать принятые в группе социальные нормы. При этом такая личность считает себя уникальной, заслуживающей признания, поскольку эгоцентрична и ждет внимания к себе.

Трудно устанавливает глубокие эмоциональные отношения с другими людьми, особенно в школьном коллективе.

Таким образом, в результате анализа результатов математической обработки полученных эмпирических данных были сформулированы особенности образа Я виктимной личности школьников старших классов, полагающих себя жертвой насилия, и особенности образа Я виктимной личности, воспитывающейся в полной семье, неполной семье, детском доме (20 типологических характеристик). Было определено, что в ранней юности образ Я виктимной личности совпадает с профилем образа Я старшеклассников, считающих себя жертвой насилия (виктимологическим образом Я), по основным личностным характеристикам, представленным типическими особенностями образа Я для определяющих себя жертвой только физического (необходимость в поддержке других людей, ригидность, эгоистичность в межличностном взаимодействии), только психического насилия (самопонимание, самооправдание, высокая идентификация с ближайшим окружением), как жертву и физического и психического насилия (развитый самоинтерес, положительные представления о природе человека).

Расхождения в личностных профилях, анализируемые в исследовании для каждого вида насилия, позволяют говорить об общих и специфических особенностях образа Я виктимной личности в ранней юности. Общими особенностями виктимологического образа Я для старшеклассников, определяющих себя испытывавшими насилие, являются следующие ($p < 0,05$): нежелание признавать свою ответственность за важные события жизни, зависимость от чужого мнения, непринятие агрессии со стороны других людей, при этом в межличностном взаимодействии — склонность либо к агрессивному, либо к подчиняемому стилю, восприятие жизни только в одном из временных контекстов: в прошлом (воспоминания об обидах), будущем (ставит нереальные цели, живет неоправданными надеждами, опасениями) или в настоящем.

Специфическими особенностями виктимологического образа Я для школьников, идентифицирующих себя с жертвой физического насилия, определены ($p < 0,05$) высокая контактность, устойчивые ценностные ориентации, отсутствие подозрительности в межличностном взаимодействии, необходимость в поддержке и одобрении, высокое самоуважение. Для учащихся, считающих себя жертвой психического насилия, характерно ($p < 0,05$) следующее: уступчивый, зависимый стиль межличностного взаимодействия, заниженная самооценка, развитый самоинтерес, большая сензитивность к себе, положительное представление о природе человека, низкая идентификация со школой, семьей, друзьями. Личности, воспринимающей себя жертвой одновременно психического и физиче-

ского насилия, свойственно ($p < 0,05$): подчиняемый стиль межличностного взаимодействия, ответственность за собственные неудачи, отношения с другими, за состояние своего здоровья, аутосимпатия, самопринятие, социальная заинтересованность, идентификация со школой, отсутствие идентификации с друзьями.

Анализ специальной литературы и полученные нами эмпирические данные подтверждают наличие общих особенностей образа Я для старшеклассников, считающих себя не испытывавшими насилия и общих особенностей образа Я для воспринимающих себя испытывавшими насилия, а также определены специфические особенности образа Я виктимной личности, характерные для выделенных исследовательских подгрупп из всех полагающих себя жертвами насилия.

Исходя из описаний психологических особенностей в выделенных исследовательских группах, можно определить, какой непосредственно типической особенностью он характеризуется или с каким образом Я он идентифицирует себя. В соответствии с этим можно осуществить психологическую коррекцию негативных личностных изменений, образовавшихся под влиянием пережитого насилия. Представление в работе особенностей личностной структуры, развивающейся вследствие переживаемого насилия, позволяет по-новому взглянуть на генез психологических и социальных проблем школьников. Знание психологических особенностей виктимной личности в ранней юности, представленных в данном исследовании, способствует организации профилактической работы по снижению психологической виктимизации через привлечение психологами социальных педагогов, учителей, родителей к решению этой проблемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема влияния психического и физического насилия на становление образа Я школьников все сильнее акцентируется в российской действительности. Насилие в любой форме не проходит бесследно для личности, его негативные последствия в психологическом развитии доказаны в теоретических и эмпирических исследованиях. Тем актуальнее встает вопрос о научном определении идентификации личности с жертвой насилия. Исходя из описаний типических особенностей образа Я личности, идентифицирующей себя как жертву, представленных в данной работе, можно определить, «как» и «когда» старшеклассники ощущают себя жертвой насилия, каков виктимологический образ Я жертвы и психологические характеристики виктимной личности, ее самосознания.

Тема насилия не только трудна для изучения, она отражает социальное положение этого вопроса в обществе. Столкнувшись с фактами, статистическими данными, касающимися насилия, необходимо решать две основные задачи, возникающие каждый раз, когда речь заходит о вреде, причиняемом человеческому существу — задачи диагностики и реабилитации. Поиск психотерапевтического подхода к работе с виктимной личностью, уже считающей себя жертвой, так же актуален, как и работа с непосредственными потерпевшими. Своевременная профилактическая работа, психокоррекционная работа, опирающаяся на установленные в работе психологические особенности, психологические критерии образа Я виктимной личности, может активно способствовать снижению психологической виктимизации старшеклассников в условиях современного общества. Существуют общие и специфические характеристики образа Я виктимной личности, считающей себя испытавшей насилие, которые были выявлены в зависимости от идентификации личности старшеклассника с жертвой психического или физического насилия, от наличия и отсутствия семьи. Для доказательства данного положения была разработана и осуществлена программа теоретико-методологического и эмпирического исследования, результаты которого позволили сделать следующие *выводы*:

1. Воздействия психического и физического насилия приводят к изменениям образа Я личности, к идентификации с жертвой, в соответствии с типом испытанного насилия, его частотой, интенсивностью, их личност-

ной оценкой старшеклассником, личностными особенностями, установками социального окружения.

2. Системный подход позволяет обосновать адекватность рассмотрения образа Я школьников, считающих себя испытывавшими насилие, через идентификацию с жертвой в соответствии с типом пережитого насилия, его частотой, интенсивностью, личностной оценкой их старшеклассниками (типические особенности образа Я виктимной личности), установками ближайшего окружения (различия в психологической виктимизации в семье и вне семьи) и личностными особенностями (личностный профиль виктимологического образа Я старшеклассника).

3. Виктимологический подход к исследованию образа Я личности позволил сформулировать рабочие определения понятий «виктимная личность», «виктимологический образ Я», «психологическая виктимизация личности», «насилие», «жертва».

4. В раннем юношеском возрасте насилие приводит к формам, искажающим образ Я личности, препятствующим социально-психологической адаптации, которые могут быть представлены типическими особенностями образа Я виктимной личности старшеклассников, идентифицирующих себя с жертвой только физического (ригидный, нуждается в поддержке других и др.), только психического (идентификация с ближайшим окружением в сочетании с низкой самооценкой и др.), психического и физического насилия (имеет положительные представления о природе человека и др.).

5. Специфика психологической виктимизации личности, идентифицирующей себя с жертвой насилия, зависит от социокультурных условий воспитания и представлена типическими характеристиками виктимной личности для старшеклассников, проживающих: в полной семье, считающих себя преимущественно жертвой физического (упрямый и раздражительный и др.), в неполной семье, чаще определяющих себя жертвой психического насилия (эгоистично-агрессивный в межличностном взаимодействии и др.), в детском доме, воспринимающих себя жертвой и физического (низкое самоуважение и негативные ценностные ориентации и др.) и психического насилия (эгоцентричность, социальная заинтересованность и др.).

6. Существуют общие особенности виктимологического образа Я, характерные для всех групп старшеклассников, считающих себя испытывавшими насилие: низкий уровень субъективного самоконтроля, зависимость от чужого мнения, низкий уровень принятия агрессии со стороны других людей, при этом в межличностном взаимодействии собственный стиль общения — агрессивный и подчиняемый, характерна жизнь только в одном из временных контекстов.

7. Определены специфические особенности виктимологического образа Я для каждой группы школьников, идентифицирующих себя с жертвой: физического насилия (высокая контактность, устойчивые ценностные ориентации, отсутствие подозрительности в межличностном взаимодействии, необходимость в поддержке и одобрении, высокое самоуважение); психического насилия (уступчивый, зависимый, подозрительный стиль межличностного взаимодействия, низкая самооценка, высокий самоинтерес, большая сензитивность к себе, положительное представление о природе человека, идентификация со школой практически отсутствует, низкая идентификация с семьей и друзьями); одновременно психического и физического насилия (подчиняемый стиль межличностного взаимодействия; высокие показатели по шкале интернальности в области неудачи, здоровья и межличностных отношениях, высокие представления о позитивной природе человека, аутосимпатия, самопринятие, максимально высокая социальная заинтересованность, наибольшая идентификация со школой при низкой идентификации с друзьями).

8. В ранней юности образ Я виктимной личности совпадает с профилем образа Я старшекласников, считающих себя жертвой насилия, по основным личностным характеристикам, представленным типическими особенностями образа Я, для определяющих себя жертвой только физического (необходимость в поддержке других людей, ригидность и др.), только психического насилия (самопонимание, самооправдание и др.), как жертву и физического, и психического насилия (развитый самоинтерес и др.).

9. Разработан и апробирован инструментарий, адекватный для исследования психологических особенностей образа Я школьников, воспринимающих себя жертвой насилия. Для организации тренинговых групп, профилактической, психокоррекционной работы могут быть использованы выявленные типическими особенностями образа Я виктимной личности, считающей себя жертвой насилия.

Данная работа имеет практическую значимость, может найти применение в различных областях психологического знания, таких как юридическая психология, психология личности, социальная психология, педагогическая психология и т. д. Завершая работу, отметим перспективы исследования самосознания жертв насилия. Необходимость изучения психологических особенностей жертвы насилия в разных возрастных периодах, выявления различий между психологическими характеристиками идентифицирующих себя с жертвой и у представителей разных социальных статусов, исследование эффективности коррекционных программ для личностей, испытавших разные виды насилия, — это далеко не все вопросы, связанные с необходимостью дальнейших исследований особенностей образа Я личности в самосознании жертвы насилия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова К. А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. — М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1997. — С. 24.
2. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. — М. : Мысль, 1991. — 299 с.
3. Абульханова-Славская К. А., Гордиенко Е. В. Представления личности об отношении к ней значимых других // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 5. — С. 38–47.
4. Алексеева А. В. Идентичность: особенности становления в юношеском возрасте // Журнал практического психолога. — 1999. — № 1. — С. 3–9.
5. Алексеева Л. С., Бурмистрова Е. В., Земских Т. В. и др. Организация деятельности центров социальной помощи семье и детям и центров психолого-педагогической помощи населению по предупреждению детской безнадзорности : метод. рекомендации. — Л. : Просвещение, 2002. — 206 с.
6. Алексеева Л. С., Осухова Н. Г., Ширинский В. И. Технологии социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия : науч.-метод. пособие / под ред. Л. С. Алексеевой. — М. : Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2001. — 208 с.
7. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2001. — 263 с.
8. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2001. — 282 с.
9. Анастаси А. Психологическое тестирование : пер с англ. : в 2 т. — М., 1982. — Т. 1. — 416 с.; Т. 2. — 416 с.
10. Андреева Г. М. Психология социального познания. — М., 1997. — 239 с.
11. Андреева Г. М. Социальная психология. — М. : Наука, 1994. — С. 263–303.
12. Андриенко Е. В. Социальная психология / под ред. В. А. Сластенина. — М. : Академия, 2000. — 264 с.
13. Аникеева Н. П. Психологический климат в коллективе. — М. : Просвещение, 1989. — С. 3–87.
14. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. — М. : Наука, 1987. — 190 с.

15. Анциферова Л. И. Психология повседневности: Жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. — 1993. — Т. 14. — № 2. — С. 3–16.
16. Анциферова Л. И. Способность личности к преодолению деформации своего развития // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 1. — С. 6–19.
17. Анциферова Л. И. Человек перед лицом жизни и смерти // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. — М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1997. — С. 45.
18. Арестова О. Н., Шильштейн Е. С. Проективный вариант техники репертуарных решеток в исследовании структуры «Я» // Вестник Моск. ун-та. — 1998. — Сер. 14: Психология. — № 1. — С. 8–18.
19. Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. — М. : Смысл, 2002. — 416 с.
20. Асмолов А. Г. Психология индивидуальности: Методологические основы развития личности в историко-эволюционном процессе : учеб.-метод. пособие. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — С. 74–75.
21. Балин В. Д. О структуре индивидуального сознания // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 56.
22. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия: изучение влияния воспитания и семейных отношений / пер. с англ. — М. : Апрель Пресс, 2000. — 508 с.
23. Белинская Е. П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии. — 1999. — № 3. — С. 141.
24. Березина Т. Н. Жизненный путь личности: осознаваемые и неосознаваемые аспекты // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. — М. : Институт психологии РАН, 1997. — С. 316–318.
25. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / пер. с англ. — СПб. : МФИН, 1992. — С. 95.
26. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ. — М. : Прогресс, 1986. — 424 с.
27. Битянова М. Р. Организация психологической работы в школе. — М. : Совершенство, 1997. — 298 с.
28. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — 199 с.
29. Бодалев А. А., Столин В. В. Общая психодиагностика. — СПб. : Речь, 2002. — 440 с.

30. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М. : Просвещение, 1968. — 464 с.
31. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии. — 1979. — № 2. — С. 47–56; № 4. — С. 23–33.
32. Боришевский М. И. Влияние позиции подростка на саморегуляцию поведения // Вопросы психологии. — 1972. — № 5. — С. 121–128.
33. Братусь Б. С. Аномалии личности. — М. : Мысль, 1988. — 301 с.
34. Братченко С. Л., Миронова М. Р. Личностный рост и его критерии // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 44.
35. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. — СПб. : Питер, 2002. — 528 с.
36. Быстрицкий Е. К. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие. — Киев : Наукова думка, 1991. — С. 86–87.
37. Валицкас Г. К., Гиппенрейтер Ю. Б. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы психологии. — 1989. — № 5. — С. 45–55.
38. Валлон А. Истоки характера у детей (Ч. 3: Самосознание) // Вопросы психологии. — 1990. — № 6. — С. 121–133.
39. Варламова Е. П., Степанов С. Ю. Творческая уникальность человека как предмет психологического исследования // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 107–122.
40. Васильев В. Л. Анализ личности несовершеннолетних жертв половых преступлений // Вопросы психологии. — 1993. — № 1. — С. 61–68.
41. Василюк Ф. Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16. — № 5. — С. 104–115.
42. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления кризисных ситуаций). — М. : Изд-во МГУ, 1984. — 200 с.
43. Вахрамов Е. Е. Проблема человека: самость и Я в психологии // Мир психологии. — 2002. — № 2. — С. 30–43.
44. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. — М. : Изд. МГУ, 1990. — 283 с.
45. Выготский Л. С. Психология. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 1008 с.
46. Выготский Л. С. Методика рефлексологического и психологического исследования : собр. соч. : в 6 т. — М. : Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 43–62.

47. Выготский Л. С. Мышление и речь : собр. соч. : в 6 т. — М. : Педагогика, 1982. — Т. 2. — С. 5–361.
48. Выготский Л. С. О психологических системах : собр. соч. : в 6 т. — М. : Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 109–131.
49. Выготский Л. С. Педология подростка : собр. соч. : в 6 т. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 4. — С. 5–242.
50. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения : собр. соч. : в 6 т. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 1. — С. 78–98.
51. Гарнцев М. А. Проблема самосознания в западноевропейской философии (от Аристотеля до Декарта). — М. : Изд-во МГУ, 1987. — С. 10–18.
52. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию : курс лекций. — М. : Изд-во МГУ, 1988. — 301 с.
53. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? — М. : MASSMEDIA, 1995. — 239 с.
54. Голубчик В. М., Тверская Н. М. Человек и смерть: поиски смысла (этические аспекты явления). — М. : Наука, 1994. — С. 229.
55. Головина Г. М., Крылов В. Ю., Савченко Т. Н. Математические методы в современной психологии: статус, разработка, применение. — М. : ИП РАН, 1995. — 45 с.
56. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. — Киев: Наукова думка, 1984. — С. 173–175.
57. Гордеева О. В. Представления Л. С. Выготского о самосознании и марксизм // Психологический журнал. — 1996. — Т. 17. — № 5. — С. 31–41.
58. Гостюшин А. Энциклопедия экстремальных ситуаций. — М. : Зеркало, 1996. — 320 с.
59. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности. — М. : Политиздат, 1987. — 286 с.
60. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Психология социальных ситуаций. — СПб. : Питер, 2001. — С. 8–25.
61. Гуревич К. М., Раевский А. М. Личность как объект психологической диагностики // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 5. — С. 29–37.
62. Джемс У. Д. Психология / под ред. Л. А. Петровской. — М., 1991. — 368 с.
63. Демина Л. Д., Ральникова И. А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности : учеб. пособие. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — 123 с.

64. Дикая Л. Г., Махнач А. В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы его формирования // Психологический журнал. — 1996. — № 3. — С. 137–146.
65. Дубровина И. В., Лисина М. И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи // Возрастные особенности психического развития детей. — М. Изд-во АПН СССР, 1982. — С. 3–18.
66. Елисеев О. П. Практикум по психологии личности. — СПб. : Питер, 2000. — 560 с.
67. Захаров А. И. Неврозы у детей и подростков: анамнез, этиология и патогенез. — Л. : Медицина, 1988. — 246 с.
68. Захаров А. И. Психологические особенности восприятия детьми роли родителей // Вопросы психологии. — 1982. — № 1. — С. 59–68.
69. Зейгарник Б. В. Об эксперименте в школе К. Левина // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент. — М., 1998. — С. 276–283.
70. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 38–42.
71. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. — 1991. — № 2. — С. 15–36.
72. Зинченко В. П., Смирнов С. Д. Методологические вопросы психологии. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 164 с.
73. Иванова В. В. Общие вопросы самосознания личности / Русский Гуманитарный Интернет: Библ. учебной и научной литературы: WWW.I — U. RU, 2003. — 74 с.
74. Иващенко А. В., Атаков В. С., Барышникова И. В. Проблемы Я-концепции в отечественной психологии // Мир психологии. — 2002. — № 2. — С. 17–30.
75. Ивин А. А. Элементарная логика. — М. : Дидакт, 1994. — С. 31.
76. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. — СПб. : Питер, 2002. — 512 с.
77. Ильина С. В. Влияние пережитого в детстве насилия на возникновение личностных расстройств // Вопросы психологии. — 1998. — № 6. — С. 65–75.
78. Ильенков Э. Что же такое личность? // С чего начинается личность / под ред. Р. И. Косолапова. — М. : Политиздат, 1979. — 207 с.
79. Информационно-психологическая безопасность личности: Состояние и возможности психологической защиты / под ред. С. А. Анисимова, А. А. Дергача. — М., 1999. — С. 8–16.
80. Каган М. С. Философская теория ценности. — СПб. : Петрополис, 1997. — 205 с.
81. Кайгородов Б. В. Структурно-динамические характеристики самопонимания в характеристике и развитии Я-концепции в юношеском возрасте // Мир психологии. — 2002. — № 3. — С. 117–127.

82. Каплан Г.И., Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия: из синопсиса по психиатрии : в 2 т. — М. : Медицина, 1994. — Т. 1. — 671 с.; Т. 2. — 523 с.
83. Квинн В. Прикладная психология. — СПб. : Питер, 2000. — 558 с.
84. Климова С. Г. Стратегия успеха в меняющемся мире // Социальная идентификация личности / отв. ред. В. А. Ядов. — М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. — Т. 2: Кн. 1. — С. 66.
85. Ключко А. В. Проблема личности в психологии в контексте понимания человека как открытой системы : дис. ... канд. психол. наук. — Барнаул : Изд-во БГПУ, 2001. — 167 с.
86. Ключко В. Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. — Томск : Изд-во ТГУ, 1998. — Вып. 8–9. — С. 7–15.
87. Ключко В.Е., Галожинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / под ред. Г.В. Залевского. — Томск : Изд-во ТГУ, 2000. — 154 с.
88. Ковалев С. Э. Психологические механизмы становления рефлексивных возможностей личности в мыслительной деятельности : дис... канд. психол. наук. — Усть-Каменогорск : Изд-во Вост.-Казахст. гос. ун-та, 2001. — 232 с.
89. Козлова Т. З. Самоидентификация некоторых социальных групп по тесту «Кто Я?» // Социальная идентификация личности / отв. ред. В. А. Ядов. — М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 1994. — Т. 2. Кн. 1. — С. 137–138.
90. Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. — М. : Изд-во Ин-та психологии, 1996. — С. 142.
91. Колесникова Т. И. Психологический мир личности и его безопасность. — М., 2001. — 176 с.
92. Колмогорова Л. С. Диагностика психологической культуры школьников: Практик. пособие для школьных психологов. — М. : ВЛАДОС ПРЕСС, 2002. — 360 с.
93. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. — М. : Политиздат, 1984. — 335 с.
94. Кон И. С. Категория «Я» в психологии // Психологический журнал. — 1981. — Т. 2. — № 3. — С. 25–37.
95. Кон И. С. Проблема «Я» в психологии // Психология самосознания : хрестоматия / под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара : Бахрах-М, 2003. — С. 45–122.
96. Кон И. С. Психология старшеклассника. — М. : Просвещение, 1980. — 192 с.
97. Кон И. С. Психология юношеского возраста: проблема формирования личности. — М. : Просвещение, 1979. — 174 с.

98. Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения. — М. : Изд-во Ин-та практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1997. — 335 с.
99. Корнилова Т. В., Смирнов С. Д., Григоренко Е. Л. Факторы социального и психологического неблагополучия подростков в показателях методик стандартизированного интервью и листов наблюдения // Вопросы психологии. — 2001. — № 1. — С. 107–122.
100. Короленко Ц. П., Донских Т. А. Семь путей к катастрофе. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1990. — 222 с.
101. Королев С. И. Психологическая ориентация в этнопсихологии. Механизмы субъективации // Психологические механизмы регуляции социального поведения / под ред. М. И. Бобневой, Е. В. Шороховой. — М. : Наука, 1979. — С. 20–43.
102. Коростылева Л. А. Проблема самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. — С. 8–12.
103. Котлер Дж., Браун Р. Психотерапевтическое консультирование. — СПб. : Питер, 2001. — 464 с.
104. Кошелева А. Д., Алексеева Л. С. Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие : науч.-метод. пособие. — М. : Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. — С. 21–69.
105. Кравцова О. А. О психологических последствиях сексуального насилия // Вестник Моск. ун-та. — 1999. — Сер. 14 : Психология. — № 2. — С. 80–90.
106. Крайг Г. Психология развития. — СПб. : Питер, 2000. — 560 с.
107. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. О функции и механизме идентификации во внутригрупповом межличностном общении // Психология межличностного познания / под ред. А. А. Бодалева. — М. : Педагогика, 1981. — С. 92–122.
108. Ксенофонтова Е. Г. Исследование локализации контроля личности и новая версия методики «уровень субъективного контроля» // Психологический журнал. — 1999. — Т. 20. — № 2. — С. 103–114.
109. Левин К., Дембо Т., Фестингер Л., Сирс П. Уровень притязаний // Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 86–92.
110. Ленгмаейер И., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. — Мед. изд-е. — Прага : Авиценус, 1984. — 335 с.
111. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. — М. ; Воронеж : Ин-т практ. Психологии, 1997. — 383 с.

112. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения. — М. : Педагогика, 1986. — 143с.
113. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я»: Антипсихиатрия. — М. : Академия ; СПб. : Белый кролик, 1995. — 350 с.
114. Ленг Р. Д. Самосознание // Самосознание и защитные механизмы личности : хрестоматия по социальной психологии личности / под ред. Д. Я. Райгородского. — Самара : Бахрах-М, 2000. — С. 51–66.
115. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М. : Политиздат, 1975. — 304 с.
116. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. — М., 1983.
117. Леонтьев А. Н. Философия психологии: Из научного наследия. — М. : Изд-во МГУ, 1994. — 287 с.
118. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. — М. : Смысл, 1999. — 487 с.
119. Лидерс А. Г. Группы личностного роста с подростками // Журнал практического психолога. — 1996. — № 2. — С. 61–68.
120. Липкина А. И. Самооценка школьника. — М. : Знание, 1976. — 64 с.
121. Липкина А. И., Рыбак Л. А. Критичность и самооценка в учебной деятельности. — М. : Просвещение, 1968. — 142 с.
122. Лишин О. В. Смысловой конструкт в личности становления подростков и юношей // Мир психологии. — 2002. — № 1. — С. 83–99.
123. Ломов Б. Ф. Системность в психологии / под ред. В. А. Барабанщикова и др. — М. : Изд-во Ин-та практ. психологии ; Воронеж : МОДЭК, 1996. — 384 с.
124. Лоуэн А. Предательство тела : пер. с англ. — Екатеринбург : Деловая книга, 1999. — 328 с.
125. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. — М. : Изд-во Ин-та философии АН СССР, 1962. — 88 с.
126. Методы психологических исследований: квазиэксперимент / под ред. Т. В. Корниловой. — М., 1998. — С. 7–19.
127. Магун В. С. Оценки и самооценки в структуре индивидуальности // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). — Л., 1976. — С. 9–12.
128. Майерс Д. Социальная психология : пер. с англ. — СПб. : Питер, 1999. — 688 с.
129. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 108–117.
130. Мастеров Б. М. Психология саморазвития. Психотехника риска и правила безопасности. — М., 1997. — 190 с.

131. Махова Т. В. Особенности процессов рефлексии в подростковом возрасте // Вестник Моск. ун-та. — 2000. — Сер. 14: Психология. — № 2. — С. 79–83.
132. Мейли Р. Различные аспекты Я // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыряя. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 139.
133. Мельникова Э. С. Защита прав детей и подростков — жертв вооруженных конфликтов (теоретическая концепция) // Правозащитник. — 1996. — № 4. — С. 35–44.
134. Мельникова Э. С. Профилактика безнадзорности детей и подростков // Правозащитник. — 1999. — № 2. — С. 17–26.
135. Меньшикова Е. С. Жестокое обращение с детьми и его возможные отдельные последствия: Анализ зарубежных психологических исследований // Психологический журнал. — 1993. — Т. 14. — № 6. — С. 110–118.
136. Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности // уч. записки Пермского пед. ин-та. — 1970. — Т. 77. — Вып. 6. — С. 164.
137. Мещерякова С. Ю. Особенности аффективно-личностных связей с взрослыми у младенцев, воспитывающихся в семье и домах ребенка // Возрастные особенности психического развития детей. — М. : Изд-во АПН СССР, 1982. — С. 19–36.
138. Мироненко И. А. Современные теории в психологии личности. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2003. — 224 с.
139. Михайлов Ф. Т. Общественное сознание и самосознание индивида. — М. : Наука, 1990. — С. 194.
140. Мотков О. Психология самопознания личности : практ. пособие. — М., 1993. — 96 с.
141. Мудрик А. В. Введение в социальную педагогику. — М. : Изд-во Ин-та практ. психологии, 1997–368 с.
142. Муравьева И. В., Шильштейн Е. С. О ролевом компоненте Я-концепции // Вестник Моск. ун-та. — 2000. — Сер. 14: Психология. — № 1. — С. 29–35.
143. Мураяма С. Дети в школе в эпоху изобилия // Вопросы психологии. — 1994. — № 6. — С. 140–147.
144. Мухина В. С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. — 1989. — № 1. — С. 32–39.
145. Мухина В. С. Феноменология развития и бытия личности. — М. : Изд-во Ин-та практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1999. — С. 136–186.

146. Мэнделл Дж., Дамон Л. Групповая психотерапевтическая работа с детьми, пережившими сексуальное насилие. — М. : Генезис, 1998. — 159 с.
147. Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности (формы, механизмы и стратегии). — Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1988. — С. 191–202.
148. Налчаджян А. А. Я-концепция // Психология самосознания : хрестоматия. — Самара : Бахрах-М, 2003. — С. 270–332.
149. Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие : науч.-метод. пособие / под ред. Л. С. Алексеевой. — М. : Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. — 136 с.
150. Николаева Е. И., Купчик В. П., Сафонова А. М. Зависимость эмоциональных реакций человека от негативных переживаний в детстве // Психологический журнал. — 1996. — Т. 17. — № 3. — С. 92–98.
151. Никулина Т. А., Харламенкова Н. Е. Половозрастные различия в стремлении личности к утверждению и защите «Я» // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. — М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 1997. — С. 225.
152. Новохатько А. Г. К проблеме соотношения образа и самосознания // Вопросы психологии. — 1992. — № 1–2. — С. 129–137.
153. Обуховский К. Психология влечений человека : пер. с польск. — М. : Прогресс, 1972. — С. 182–197.
154. Овчарова Р. В. Технологии практического психолога образования. — М. : Сфера, 2001. — С. 182–383.
155. Овчинникова Ю. Г. К проблеме кризиса идентичности // Вестник Моск. ун-та. — 2000. — Сер. 14: Психология. — № 2. — С. 87.
156. Орлов А. Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека. Личность человека // Вопросы психологии. — 1995. — № 2. — С. 5–10.
157. Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека: парадигмы, проекции, практики. — М. : Логос, 1995. — 224 с.
158. Остроумов С. С., Франк Л. В. О виктимологии и виктимности // Советское государство и право. — 1976. — № 4. — С. 74–75.
159. Павленко В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Вопросы психологии. — 2000. — № 1. — С. 140.
160. Пантелеев С. Р. Самоотношение // Психология самосознания : хрестоматия. — Самара : Бахрах-М, 2003. — С. 208–242.
161. Петренко В. Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие. — Смоленск : Изд-во Смоленск. гос. ун-та, 1997. — С. 269–314.

162. Петровский В. А. Феномен субъективности в психологии личности : дис. в виде науч. докл... докт. психол. наук. — М., 1993. — С. 62.
163. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. История и теория психологии. — Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. — Т. 1. — 416 с.; Т. 2. — 416 с.
164. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. — М. : Академия, 1998. — С. 360–362.
165. Превентивные программы по проблеме насилия в семье : метод. пособие / под ред. И. В. Матвиенко / Региональная общественная организация «Анна», 2002. — 132 с.
166. Прихожан А. М. Анализ содержания «образа Я» в старшем подростковом возрасте у учащихся массовой школы и школы-интерната // Возрастные особенности психического развития детей. — М. : Изд-во АПН СССР, 1982. — С. 137–158.
167. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Особенности психического развития младших школьников, воспитывающихся вне семьи // Вопросы психологии. — 1982. — № 2. — С. 80–86.
168. Прохоров А. О. Семантические пространства психических состояний. — Дубна : Феникс+, 2002. — 280 с.
169. Психологические тесты / под ред. Э. Р. Ахмеджанова. — М., 1995. — 320 с.
170. Психологические тесты : в 2 т. / под ред. А. А. Карелина. — М. : ВЛАДОС, 2003. — Т. 1. — 312 с.; Т. 2. — 248 с.
171. Психология самосознания : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара : Баракс-М, 2003. — 672 с.
172. Психология социальных ситуаций : хрестоматия / сост. Н. В. Гришина. — СПб. : Питер, 2001. — 416 с.
173. Психология : словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М., 1990. — 494 с.
174. Психология человека от рождения до смерти / под общ. ред. А. А. Реана. — СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. — 656 с.
175. Радина Н. К. Изучение самопринятия у детей, воспитывающихся в закрытых детских учреждениях и в семье // Вопросы психологии. — 2000. — № 3. — С. 31.
176. Раева В. М. Особенности Я-концепции несовершеннолетних правонарушителей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. — М., 2000. — С. 9.
177. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб., 2000. — 616 с.
178. Райгородский Д. Я. Самопознание и защитные механизмы личности. — Самара : БАРАХ — М, 2000. — 672 с.
179. Раусте фон Врихт М. Л. Образ «Я» как подструктура личности // Проблемы психологии личности / под ред. Е. В. Шороховой, О. И. Зотовой. — М. : Наука, 1982. — С. 107.

180. Реан А. А., Коломинский Я. Л. Социальная педагогическая психология. — СПб. : Питер, 1999. — 416 с.
181. Реан А. А. Проблемы и перспективы развития концепции локуса контроля личности // Психологический журнал. — 1998. — Т. 19. — № 4. — С. 3–12.
182. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. — М., 1994. — 319 с.
183. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. — СПб. : Питер, 2002. — 304 с.
184. Ривман Д. В., Устинов В. С. Виктимология. — СПб. : Пресс, 2000. — 332 с.
185. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. — М. : Прогресс, 1994 — С. 74–79.
186. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание // Рубинштейн С. Л. Человек и мир. — СПб. : Питер, 2003. — С. 351–356.
187. Рубинштейн С. Л. Самосознание личности и ее жизненный путь // Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб., 1998. — С. 634–644.
188. Руденский Е. В. Дефект социализации личности учащегося в образовательном процессе школы как предмет социально-педагогического исследования: (Опыт теорет. и эксперим.-пед. исслед.) / Новосибир. гос. пед. ун-т. Сиб. психосоц. ин-т. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2001. — 255 с.
189. Руденский Е. В. Дефиницитарная деформация личности подростка как предмет психологического исследования : науч.-реф. докл. / Акад. пед. и соц. наук [и др.]. — Новосибирск : Изд-во Сиб. психосоц. ин-та, 2002. — 60 с.
190. Руденский Е. В. Деформация Я-концепции как предмет социально-педагогической виктимологии: (Опыт эксперим. исслед.) / Акад. пед. и соц. наук [и др.]. — Новосибирск : Изд-во Сиб. психосоц. ин-та, 2002. — 58 с.
191. Руденский Е. В. Экспериментально-психологические основы социально-педагогической виктимологии. — Новосибирск : Изд-во Ин-та психологии личности, 2000. — 142 с.
192. Рыбальская В. Я. Методика изучения личности потерпевшего. О преступлениях несовершеннолетних. — Иркутск : Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1975. — С. 19–21.
193. Савонько Е. И. Оценка и самооценка как мотивы поведения школьников разного возраста // Вопросы психологии. — 1969. — № 4. — С. 107–116.

194. Сафин В. Ф. Устойчивость самооценки и механизм ее сохранения // Вопросы психологии. — 1975. — № 3. — С. 62–72.
195. Сафин В. Ф. Психология самоопределения личности : учеб. пособие. — Свердловск : Изд-во СГПИ, 1986. — С. 72–74.
196. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. — М., 1979. — 298 с.
197. Семья в психологической консультации / под ред. В. В. Столина. — М. : Педагогика, 1987. — 206 с.
198. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. — СПб. : Речь, 2002. — 350 с.
199. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. — СПб. : Речь, 2002. — 256 с.
200. Славская А. Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе: Опыт психосоциального исследования // Психологический журнал. — 1998. — Т. 19. — № 2. — С. 3–14.
201. Смирнов С. Д., Корнилова Т. В., Григоренко Е. Л. Влияние нарушений социальной экологии (как условий жизни) на психологические особенности подростков // Вестник Моск. ун-та. — 2002. — Сер. 14: Психология. — № 1. — С. 10–15.
202. Снегирева Т. В. Старший школьный возраст // Рабочая книга школьного психолога / под ред. И. В. Дубровиной. — М. : Изд-во Междунар. пед. академии, 1995. — С. 172–190.
203. Соколова Е. Т., Бурлакова Н. С. К вопросу об исследовании диалогической природы самосознания // I Международная конференция памяти А. Р. Лурии : тез. докл. — М. : МГУ, 1997. — С. 8–10.
204. Соколова Е. Т., Николаева В. В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. — М. : SvR-Аргус, 1995. — 359 с.
205. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. — М. : Изд-во МГУ, 1980. — 176 с.
206. Соколова Е. Т. Психотерапия людей, переживших насилие // Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие : науч.-метод. пособие. — М. : Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. — С. 100–122.
207. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — 213 с.
208. Соловьева Н. В. Жертвопорождающие изменения социально-культурной среды и их проекция на развитие детства // Мир психологии. — 2002. — № 1. — С. 60–64.
209. Социальная психология / под ред. А. М. Столяренко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. — 543 с.

210. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. — М. : Политиздат, 1972. — С. 148–149.
211. Столин В. В. Мотивация и самосознание // Мотивация личности. — М., 1982. — С. 58–67.
212. Столин В. В. Самосознание личности. — М. : Изд-во МГУ, 1983. — 286 с.
213. Сухарев А. В. Психологический этнофункциональный подход к психической адаптации человека : автореф. дис. ... докт. психол. наук. — М., 1998. — С. 23–25.
214. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. — СПб. : Питер, 2001. — 272 с.
215. Тарабрина Н. В., Лазебная Е. О. Синдром посттравматических стрессовых нарушений: современное состояние и проблемы // Психологический журнал. — 1992. — Т. 13. — № 2. — С. 14–30.
216. Тепленева И. А. Развитие ценностно-смысловых составляющих образа мира человека : дис. ... канд. психол. наук. — Барнаул, 2002. — 221 с.
217. Толстых А. В. Возрасты жизни. — М. : Молодая гвардия, 1988. — С. 174.
218. Толстых Н. Н. Отношение к будущему — формирование личности в переходный период: От подросткового к юношескому возрасту. — М., 1987. — 209 с.
219. Трусов В. П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. — 144 с.
220. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ : пер. с англ. / сост. Дж.-О. Ким, Ч. У. Мьюллер и др. — М. : Финансы и статистика, 1989. — 215 с.
221. Фельдштейн Д. И. Психология взросления. — М. : Флинта, 1999. — 670 с.
222. Фельдштейн Д. И. Стадиальные характеристики социализации — индивидуализации и уровни становления личности : хрестоматия по возрастной психологии. — М. : МОДЭК, 1998. — С. 208–241.
223. Филимоненко Ю. И. Жизненный путь: самореализация личности с опорой на подсознание // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. — С. 72.
224. Франк Дж. Незведанное Я: Пер. И. Е. Киселевой. — М. : Прогресс, 1998. — 244 с.
225. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — Душанбе, 1972. — С. 17–18.

226. Франк Л. В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (Нужна ли советская виктимология?) // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. — Душанбе, 1966. — С. 152–154.
227. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. — Душанбе, 1977. — С. 97–101.
228. Франкл В. Человек в поисках смысла. — М. : Прогресс, 1990. — С. 54–69.
229. Фрейд А. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов / Сост. М. М. Решетников. — СПб. : Изд-во Вост. — Европ. ин-та психоанализа, 1997. — 387 с.
230. Фрейд А. Психология «Я» и защитные механизмы / пер. с англ. М. Р. Гинзбурга. — М. : Педагогика, 1993. — 144 с.
231. Фрейд З. Введение в психоанализ : лекции. — М. : Наука, 1989. — 455 с.
232. Фрейджер Р. Фейдимен Дж. Личность: теории, упражнения, эксперименты. — СПб. : Еврознак, 2001. — 864 с.
233. Фромм Э. Человек для себя. — М., 1992. — 253 с.
234. Харрис Т. А. Я о'кей — Вы о'кей / пер. с англ. / Фонд ментального здоровья. — Красноярск, 1993. — 288 с.
235. Хорни К. Культура и невроз // Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. — М. : Изд-во МГУ, 1982. — С. 97–105.
236. Христенко В. Е. Психология жертвы. — Харьков, 2001. — 256 с.
237. Цукерман Г. А. Психология саморазвития задача для подростков и их педагогов. — М. : Интерпракс, 1994. — 156 с.
238. Чамата П. Р. Об условиях и путях формирования самосознания ребенка. — М., 1956. — С. 5–10.
239. Чамата П. Р. К вопросу о генезисе самосознания личности // Проблемы сознания. — М., 1966. — С. 228–239.
240. Черепанова Е. М. Психологический стресс: помощи себе и ребенку. — М. : Академия, 1997. — 95 с.
241. Черноушек М. Психология жизненной среды / пер. с чешск. — М. : Мысль, 1989. — 174 с.
242. Чернышев А. С. Динамика социального развития Я подростков и юношей в развивающихся социальных средах // Мир психологии. — 2002. — № 2. — С. 92–106.
243. Чеснокова И. И. Особенности развития самосознания в онтогенезе // Принцип развития в психологии. — М. : Наука, 1978. — С. 316–335.
244. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. — М. : Наука, 1977. — 144 с.
245. Шапиро Д. Невротические стили / пер. с англ. — М. : Изд-во Ин-та общегуманитар. исслед., 1998. — С. 45–102.

246. Шапиро Б. Ю. Основные подходы к проблеме насилия в семье // *Насилие в семье: с чего начинается семейное неблагополучие* : науч.-метод. пособие. — М. : Изд-во ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. — С. 8–21.
247. Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В. Б. Ольшанского. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. — 544 с.
248. Шильштейн Е. С. Особенности презентации Я в подростковом возрасте // *Вопросы психологии*. — 2000. — № 2. — С. 69–78.
249. Шильштейн Е. С. Уровневая организация системы «Я» // *Вестник Моск. ун-та*. — 1999. — Сер. 14: Психология. — № 2. — С. 34–45.
250. Шматко Н. А. Качанов Ю. Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *СОЦИС*. — 1998. — № 4. — С. 94–101.
251. Шорохова Е. В. Проблема «Я» и самосознание // *Проблемы сознания*. — М., 1966. — С. 217–227.
252. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко. — М. : Педагогика, 1989. — 554 с.
253. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития советского школьника // *Вопросы психологии*. — 1971. — № 4. — С. 39–51.
254. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М. : Прогресс, 1996. — 340 с.
255. Юферова Т. И. Особенности формирования психологического пола у подростков, воспитывающихся в семье и в интернате // *Возрастные особенности психического развития детей*. — М. : Изд-во АПН СССР, 1982. — С. 122–137.
256. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // *Методологические проблемы социальной психологии*. — М. : Наука, 1975. — С. 89–105.
257. Якобсон П. М. Психология чувств и мотивации. — М., 1988. — С. 145–170.
258. Якобсон С. Г., Фещенко Т. И. Формирование Я-потенциального как метод регуляции поведения дошкольников // *Вопросы психологии*. — 1997. — № 3. — С. 3–7.
259. Ярошевский М. Г. История психологии. — М. : Академия, 1996. — 416 с.
260. Ярцев Д. В. Особенности социализации современного подростка // *Вопросы психологии*. — 1999. — № 6. — С. 54–59.
261. Bowlby J. *The making and breaking of affectional bonds*. — London, Sage Press, 1979.
262. Cahill C., Llewelyn S. P., Pearson C. Long-term effects of sexual abuse which occurred in childhood: A review // *British Journal of Clinical Psychology*, 1991. — 30 (2). — P. 12–21.

263. Cahill C., Llewelyn S. P., Pearson C. Treatment of sexual abuse which occurred in childhood: A review // *British Journal of Clinical Psychology*, 1991. — 30 (1). — P. 1–11.
264. Klapp O. E. *Collective search for identity*. — New-York: Holt, Rinehart and Winston, 1969. — P. 185.
265. Markus, H., Nurius, P. Possible Selves: The Interface between Motivation and the Self-Concept. In Yardley, K., Honess, T. (Eds). *Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. — Wiley, 1987. — P. 4–11.
266. Markus, H. (1977). Self-schemata and Processing Information About the Self. *Journal of Personality and Social Psychology*. — 35 (2). — P. 63–78.
267. James M. Child abuse and neglect: incidence and prevention // *Australian Institute of Family Studies: Issues in child abuse prevention*. — 1, 1994. — P. 1–13.
268. Josephs, R. A., Larrick, R. P., Steele, C. M., & Nisbett, R. E. (1991). Protecting the self from negative consequences under risk // *Journal of Personality and Social Psychology*, 62. — P. 26–37.
269. Pyszczynski, T. & Greenberg, J. The Role of Self-Focused Attention in the Development, Maintenance, and Exacerbation of Depression. In Yardley, K., Honess, T. (Eds). *Self and Identity: Psychosocial Perspectives*. Wiley, 1987. — P. 3–10.
270. Scheier, M. & Carver, C. (1977). Self-Focused Attention and the Experience of Emotion: Attraction, Repulsion, Elation, and Depression. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35. — P. 625–636.
271. Schneiderman L. *The psychology of social change*. — New-York: Human sciences press, inc., 1988. — P. 104–107.
272. *The Social Experience an introduction to sociology // Second Edition / James Wilfrid, Vander Zanden*. — The Ohio State University, 1990. — P. 254.
273. Эрикссон Э. *Идентичность: юность и кризис*. — М. : Прогресс, 1996. — 340 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА

Экспертная группа — практикующие психологи, социальные педагоги, в возрасте от 22 до 35 лет.

Причины возможного восприятия личностью себя как жертвы, предложенные экспертами.

1. Потеря родителя.
2. Развод родителей.
3. Смена класса.
4. Насилие со стороны старшеклассников.
5. Предательство друга.
6. Избиение родителями.
7. Конфликт с преподавателями.
8. Безответная любовь.
9. Игнорирование сверстниками, аутсайдер в группе.
10. Агрессивные нападки со стороны одноклассников.
11. Продолжительное изолирование из-за болезни.
12. Соучастие в преступном деянии под угрозой.
13. Употребление спиртных напитков.
14. Алкоголизм родителей.
15. Бедность.
16. Ссоры родителей.
17. Избиение, драки между членами семьи.
18. Проживание с одним родителем.
19. Постоянное психологическое насилие в семье.
20. Роль нелюбимого ребенка в семье.

Ситуации, которые встречаются в обыденной жизни и воспринимаются как стили воспитания, как уклад в семье, как типы взаимодействия в семье, но при этом являются травматичными для личности в период ранней юности.

Ситуации, в которых личность может воспринимать себя жертвой психологического насилия.

1. Оскорбления, грубые комментарии по поводу личности ребенка.
2. Постоянное унижение и высмеивание в школе, дома.

3. Ограничение действий ребенка угрозами, принуждение к действиям через угрозы (чрезмерная опека и чрезмерное руководство действиями ребенка).
4. Запугивание, угрозы избиения, угрозы убийства и т. д.
5. Постоянное высказывание сомнений, неверия в способности ребенка.

Ситуации, в которых личность может воспринимать себя жертвой физического насилия.

1. Удары по лицу.
2. Тряски, подзатыльники, пинки, шлепки.
3. Побои, удушения.
4. Удержание в запертом помещении силой, с целью ограничения свободы.
5. Избиения, телесные наказания.

Бланк для фиксирования результатов анкетного опроса старшеклассников о насилии.

Уважаемый старшеклассник!

Приглашаем Вас принять участие в научном исследовании. Все результаты будут сообщены Вам конфиденциально. Знание своих личностных особенностей поможет Вам в общении с друзьями, родителями, взрослыми.

Спасибо.

1. Фамилия Имя Отчество _____

2. Возраст _____

3. Пол _____

4. Школа _____

5. Полная семья___ **неполная семья**___ (мама___, папа___)

6. Отметьте на шкале кружком выбранную цифру:

1 — совершенно не воспринимаю себя как жертву

2 — очень редко воспринимаю себя как жертву

3 — иногда воспринимаю себя как жертву

4 — часто воспринимаю себя как жертву

5 — очень часто воспринимаю себя как жертву

1) Насколько вы воспринимаете себя жертвой физического насилия?

1 2 3 4 5

2) Насколько вы воспринимаете себя жертвой психического насилия?

1 2 3 4 5

7. Как часто вы испытывали физическое насилие? Отметьте кружком выбранный ответ.

1 — никогда

2 — один или два раза

3 — раз в месяц

4 — раз в неделю

5 — каждый день или почти каждый день

8. Как часто вы испытывали психическое насилие? Отметьте кружком выбранный ответ.

1 — никогда

2 — один или два раза

3 — раз в месяц

4 — раз в неделю

5 — каждый день или почти каждый день

Приложение 3

ДИАГРАММЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКА В ИССЛЕДУЕМОЙ ВЫБОРКЕ

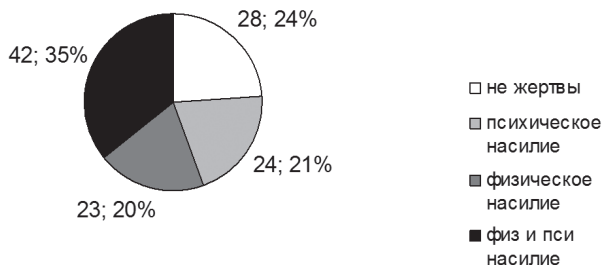

Рис. 1. Распределение старшеклассников по идентификации с типом жертвы насилия

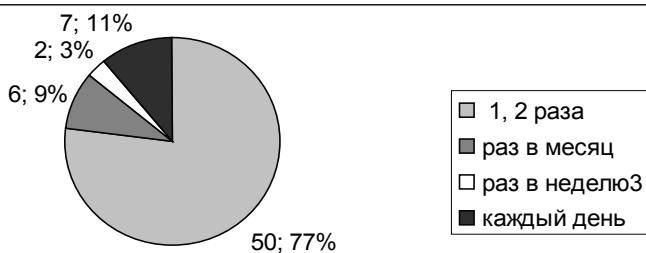

Рис. 2. Распределение старшеклассников по частоте испытываемого физического насилия

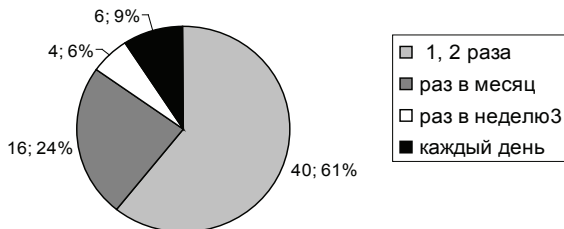

Рис. 3. Распределение старшеклассников по частоте испытываемого психологического насилия

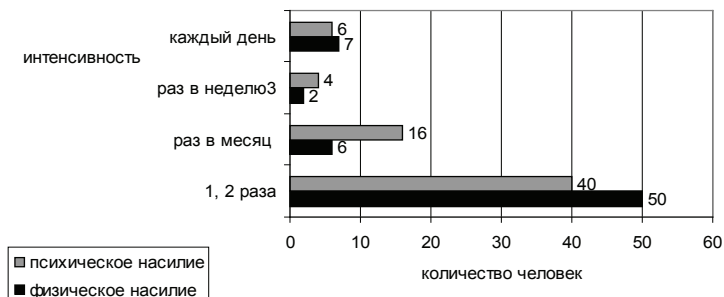

Рис. 4. Сравнительный анализ частоты переживания себя жертвой психологического и физического насилия (в оценке старшеклассниками)

Рис. 5. Сравнительный анализ интенсивности переживания себя жертвой психологического и физического насилия (в оценке старшеклассниками)

Приложение 4

ЛИЧНОСТНЫЙ ПРОФИЛЬ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА Я СТАРШЕКЛАСНИКА

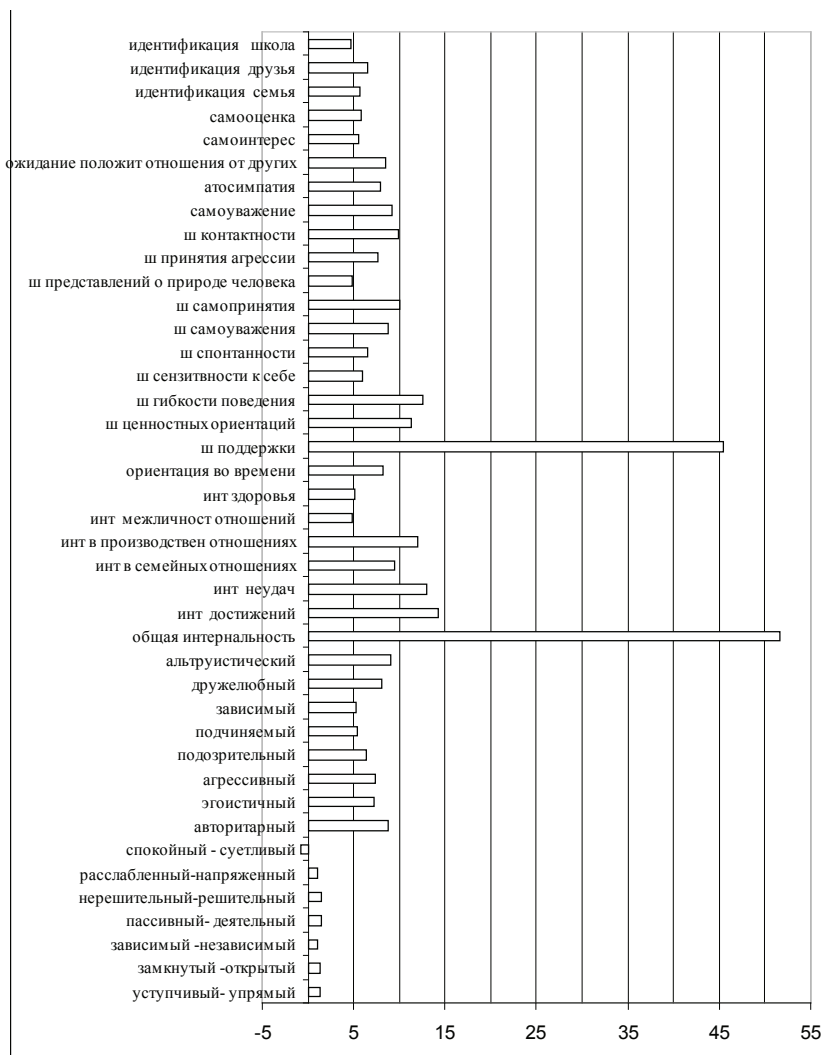

Рис. 1. Личностный профиль виктимологического образа Я старшеклассника, считающего себя жертвой физического насилия

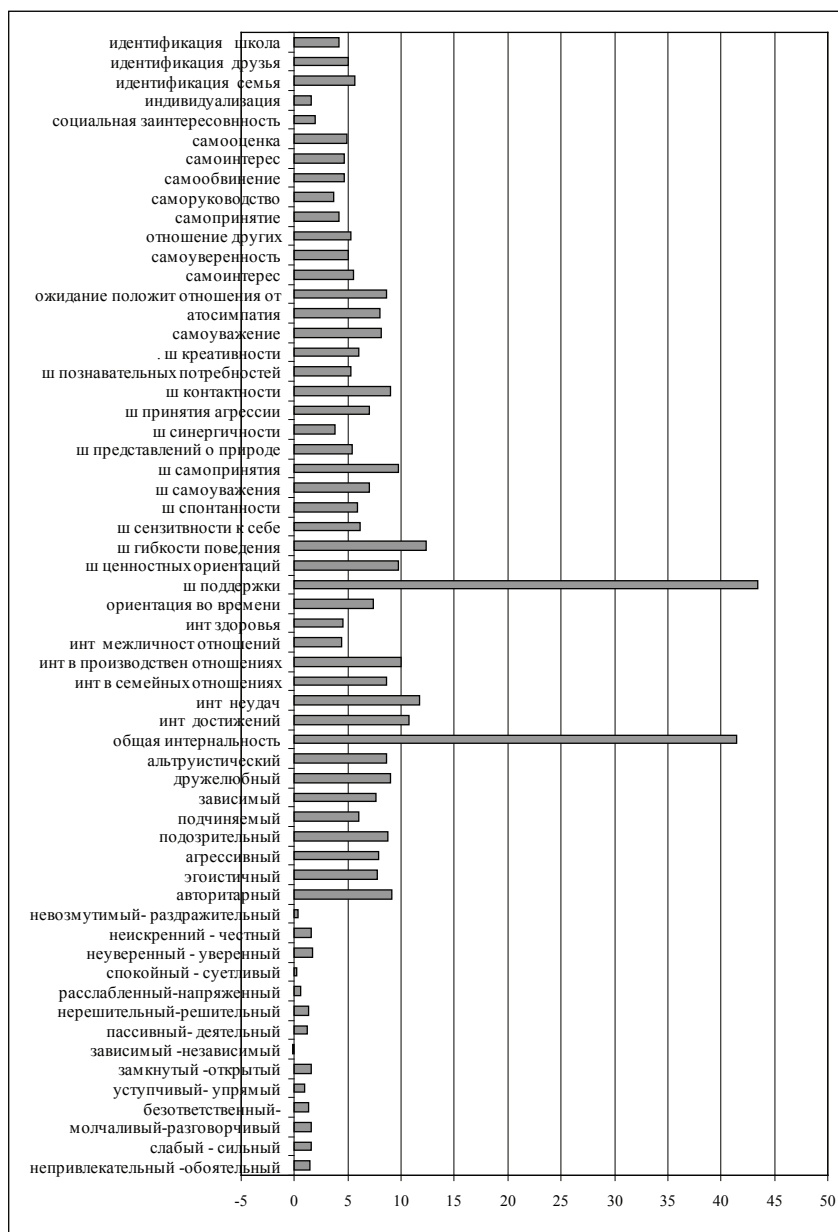

Рис. 2. Личностный профиль виктимологического образа Я старшекласника, считающего себя жертвой психологического насилия

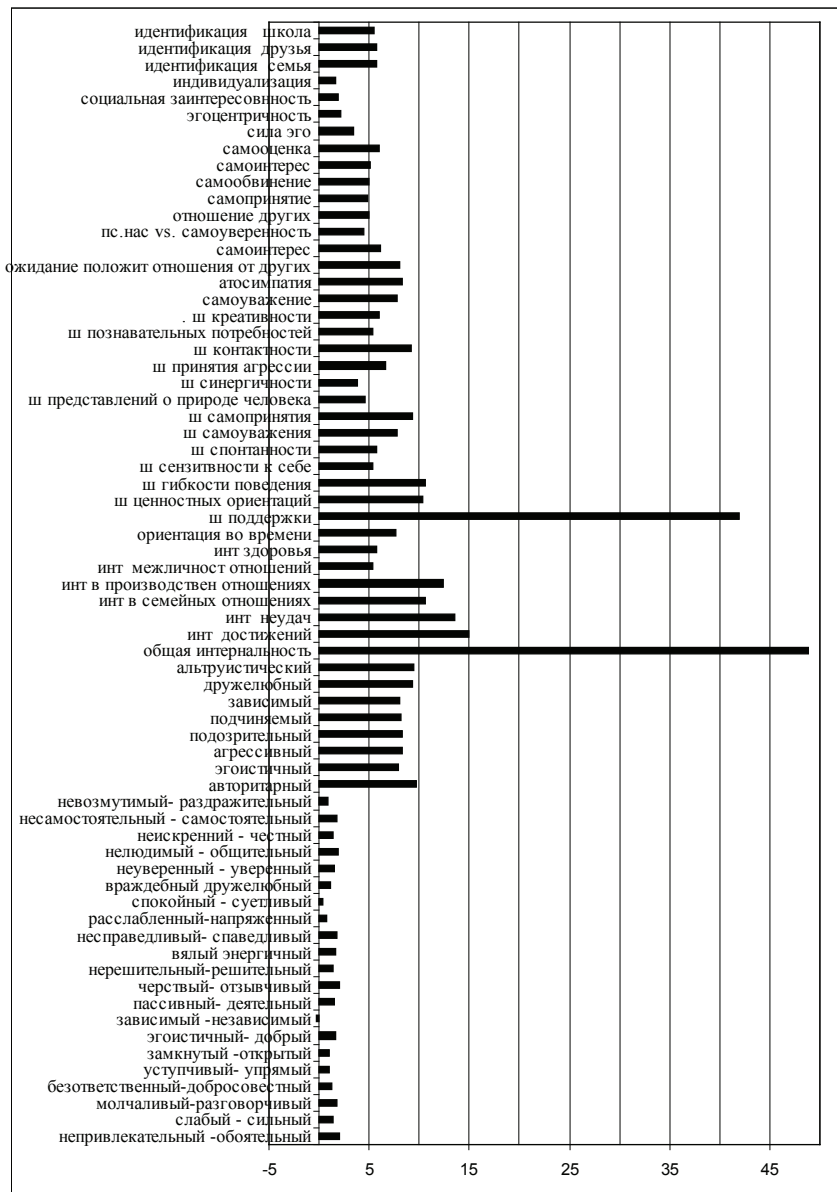

Рис. 3. Личностный профиль виктимологического образа Я старшеклассника, считающего себя жертвой психологического и физического насилия

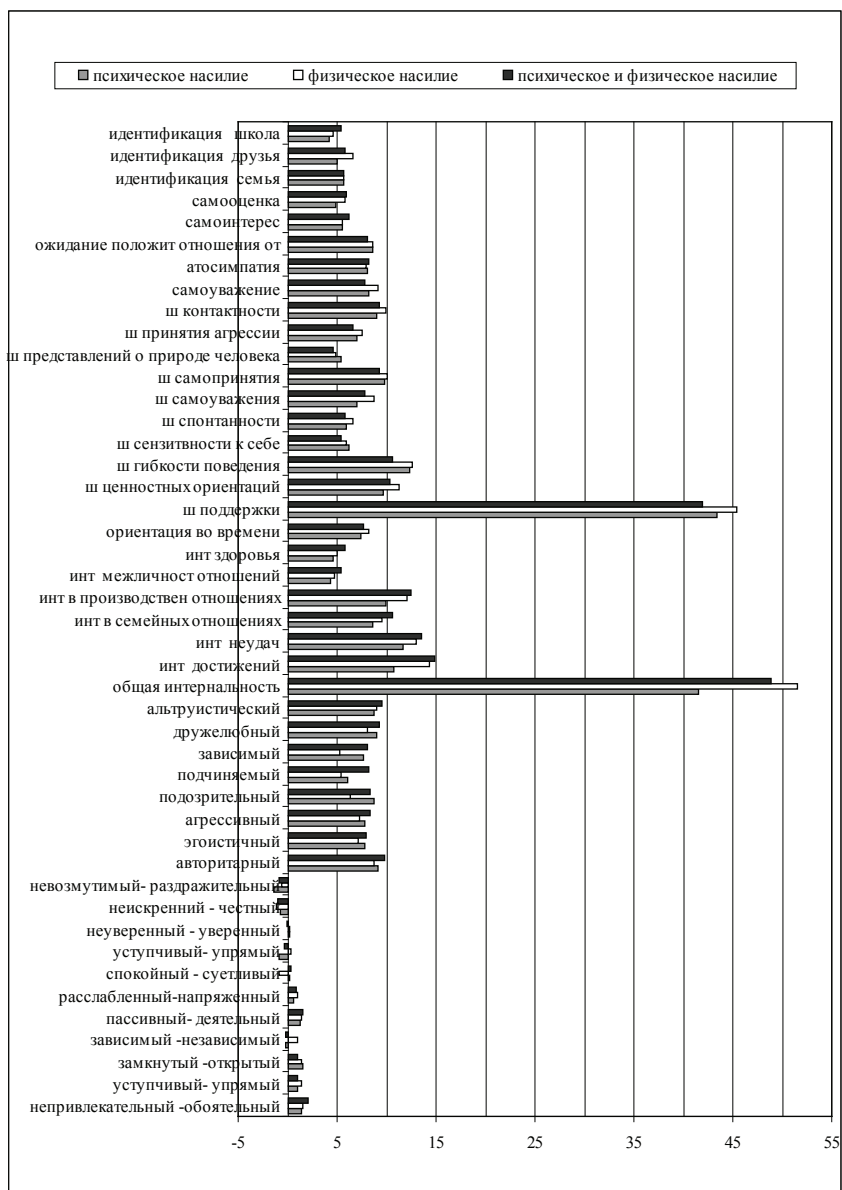

Рис. 4. Сравнительный анализ личностных профилей
виктимологического образа Я

Научное издание

Татьяна Геннадьевна Волкова

**САМОСОЗНАНИЕ ВИКТИМНОЙ ЛИЧНОСТИ
СТАРШЕКЛАССНИКА**

Монография

Редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета;
оформление обложки — *О. В. Майер*

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 17.09.2014.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл.-печ. л. 10,25. Тираж 100. Заказ 338.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66